

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

7

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИБИРИ И ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

I.

Р00077
F. Wrangel

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 И 1824 Г. ЭКСПЕДИЦИЕЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БОРОДИНА И К^О.

1841.

(RECAP) (Анн. А)
7820
.V7A32
1841

~~Секрет~~

ПРОШУ СНАТЯЖИ СНИЖИТЬ

II

НЕ ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
сентября 10 дня, 1840 года.

Ценсоръ С. Кутория.

1840-1841

ВЪ ПЕЧАТѢ

ВЪ ПЕЧАТѢ

ВЪ ПЕЧАТѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ГЕНЕРАЛЪ - АДМИРАЛУ,

всепреданнѣе приносить

Сочинитель.

1133 R 16845 8500014187

ANALYSIS OF THE PROBLEM OF THE

PROBLEM OF THE PROBLEM OF THE

PROBLEM OF THE PROBLEM OF THE

PROBLEM OF THE PROBLEM OF THE

PROBLEM

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Не многіа путешесивія, совершениыя Русскими мореплавателями, обращали на себя такъ всеобщее, Европейское вниманіе, какъ предлагаемое читателямъ *путешествіе* Е. И. г-на Кондръ-Адмирала *Фердинанда Петровича Фонъ-Врангеля*, совершенное имъ въ чинѣ лейтенанта флота, съ 1820-го по 1824 годъ. По Высочайшему повелѣнію препоручено ему было начальство надъ экспедиціею, осмотрѣвшею берега *Ледовитаго моря* отъ *Индигирки* до залива *Козючинскаго* на пространствѣ 35° разности долготы; при чемъ совершены продолжительныя поѣздки по льду въ удаленіи отъ береговъ снѣжкомъ на 250 верстъ, для ошсканія предполагаемой на сѣверъ неизвѣстной земли, когда другая экспедиція, подъ началь-

симвомъ флота лейтенанта Анжу (нынѣ капитанъ 1-го ранга), осмопирѣла въ тоже время изъ успѣя Яны оспрова: Кошельный, Оадеевскій, Новую Сибирь и берегъ Сибири отъ Индигирки до Оленека. — Переведенное съ Русской рукописи нашего путешественника на Нѣмецкій языкъ г-мъ Энгельгардтомъ путешесствіе г-на Врангеля было издано въ прошедшемъ году, въ Берлинѣ, подъ смотрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣстнаго Германскаго географа Рингера (*Reise des Kaiserlich russischen Flotten Lieutenants Ferdinand v. Wrangel längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, in den Jahren 1820 bis 1824. Nach den handschriftlichen Journalen und Notizen bearbeitet von G. Engelhardt, Staatsrath. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter Dr. und Professor Berlin, 1839*). Въ нынѣшнемъ году, съ Нѣмецкаго перевода переведено оно было на Англійскій языкъ супругою извѣстнаго уданаго Бричанскаго путешественника, маіора Сабина, который самъ и былъ издателемъ Англійскаго перевода (*Narrative of an Expedition to the Polar sea, in the years 1820 — 1824, comm. by lieut. now admiral, F. v. Wrangel, edit. by Major Edw. Sabine etc. London, J. Modden and C. 1840, in 8*), и Англійская публика починила его такимъ вниманіемъ, что первое изданіе книги немедленно разошлось и уже печатается второе, а между тѣмъ съ пер-

даго изданія книга переводится на Французскій языкъ.

Такое лестное для народнаго честолюбія нашего вниманіе (послѣдствіемъ наданіемъ въ обязанность объясниться о томъ, почему Русскій подлинникъ путешествія выводитъ въ свѣтъ послѣ Немецкаго и Англійскаго переводовъ? Знаменитый путешественникъ нашъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ 1824 году, назначенъ былъ командиромъ военного шлюпа *Кроткій*, на которомъ совершилъ плаваніе вокругъ земли въ 1825—27 годахъ) возвращаясь изъ сего похода, привелъ съ собою надлежащій порядокъ, журналы и записки, веденныя во время путешествія по северной Сибири и Ледовитому морю; и составленными описаніемъ представилъ на разсмотрѣніе Адмиралу Василію Михайловичу Головину. Вскорѣ потомъ г. Врангелъ принялъ на себя званіе издателя нашихъ Русскихъ козачій въ северо-западной Америкѣ, и поплылъ въ 1826 году, возвращаясь въ Россію. Въ спонсорствіе наше Флотъ и Государство имѣли честь званія г. Головина, рукою г. Врангеля была забыта, доколь не обратилъ на него вниманія пресвѣщенный Предсѣдатель Ученаго Комитета Морскаго Министерства, Е. П.

Догитъ Ивановичъ Гелешищевъ и Купцовъ, ко-
шорый распорядился о печатаніи ея. Между
тѣмъ рукопись была переведена на Нѣмецкій
языкъ Спальскимъ Слѣдствникомъ Е. А. Энгель-
гардиумъ, съ поправками противъ подлинни-
ка изысканіями, которыя состояли главнѣйше
въ томъ, чино отдѣленныя особо замѣтки по
частямъ Географіи введены переводчикомъ въ са-
мый разсказъ событій, а описаніе р. Колымы
и ея жителей, дополнено замѣчаніями, раз-
бросанными въ разныхъ главахъ подлинника.
Извѣщенія Нѣмецкаго перевода одобрены
были г. Врангелемъ, который, желая ввести
ихъ въ Русское изданіе, просилъ о прекра-
щеніи печатанія, начавшагося на счетъ Уче-
наго Комитета. Въ 1838 году г-нъ Врангель
предложилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣн-
ной рукописи, когда въ то же время Императ-
торская Академія Наукъ приняла на свое
издѣліе печатаніе особеннаго *путешествія* и
путешествіею содержащаго въ себѣ рисунки и
опытныя ученныя свѣдѣнія. Къ печатанію мною
было тогда же приступлено, но медленность въ
печатаніи потомъ произошла отъ спѣшкы
болѣзни и другихъ литературныхъ занятій Н.
А. Полеваго, котораго просилъ я принять на
себя надзоръ за печатаніемъ рукописи. Изда-
ніе шло въ Русскій подлинникъ, съ нѣмъ удо-

высшворить, неперѣливое ознаніе ощенет
спавенной публики.

Въ прибавленіи, которе, какъ сказано вы-
ше, издастся Академію Наукъ, кромѣ собра-
нія топографированныхъ и раскрашенныхъ ри-
сунковъ стѣрныхъ сіяній и льдовъ Ледовищаго
моря, помѣщены замѣчанія о полярныхъ льдахъ
и различныхъ явленіяхъ Ледовищаго моря, сѣ-
верныхъ сіяніяхъ, выпрахъ въ стѣрной Сибирі,
ѣздѣ на собакахъ, топографическій очеркъ
возвращаго туннѣ въ Якутскъ изъ Средне-Ко-
лымска, собраніе словъ Чуванскаго и Омокска-
го языковъ, метеорологическія, термометри-
ческія и магнетическія наблюденія, географи-
ческія опредѣленія широты и долготы мѣстъ,
и проч. Изображенія стѣрныхъ сіяній рисова-
ны были съ натуры, карандашемъ, г. Матюш-
кинымъ, сопутникомъ г. Врангеля, а перери-
сованы и раскрашены стараніемъ знаменита-
го Академика Парроша.

Надобно ли прибавлять что нибудь о важ-
ности и любопытности издаваемого нами пу-
тешествія, когда оно заслужило уже столь
великое вниманіе даже и иностранцевъ? Оче-
ственная публика, конечно, оцѣнитъ вполне
труды нашего путешественника, четыре луч-
шіе года жизни посвятившаго исполненію воз-
ложеннаго на него просвѣщеннымъ Правитель-

снвомъ порученія и пользѣ науки, и пѣмъ
поставившаго имя свое наряду съ именами
Парри, Россовъ и Франклиновъ, не щадившихъ
никого при исполненіи экспедицій, распростра-
нявшихъ географическія свѣдѣнія наши на ле-
даныя страны сѣвера, и ознаменовавшихъ по-
двигами на славу Отечества и для чести нау-
ки безкорыстное самоопроверженіе, достойное
памяти современниковъ и потомства.

А. Смирдинъ.

ГЛАВА I.

Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года. Состояніе картъ въ то время. — Назначеніи отряда къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири.

Обширное пространство земнаго шара, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Всѣ покушенія мореплавателей другихъ народовъ проникнуть Ледовитымъ моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ моремъ, на востокъ меридіаномъ мыса Сѣвернаго; непреодолимые препятствія, останавливавшія иностранцовъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолены нашими мореплавателями.

часть I.

1

ходцами; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всеми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россією Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоцѣнною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія Правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ и собрать съ нихъ подать (называемую *ясакъ*) звѣриными кожами; потомъ Правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обзоръ послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Океана, отъ Карскаго моря до Берингова пролива, не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джаммана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; плаванія адмирала Ная, въ 1594-мъ году, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, что въ Карскомъ морѣ; плаванія сими судовъ, въ 1595 году, подъ начальствомъ того же Ная, еще съ меньшимъ успѣхомъ, не-

жели въ первомъ путешествіи; покушенія Восмана, въ 1625-мъ году, остановленнаго льдами почти при самомъ вступленіи въ Карское море. Сими предпріятіями весьма мало пріобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ морѣ, и даже самые предѣлы его остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго моря до рѣки Оби были уже извѣстны Россіянамъ. Лодки ихъ (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда они совершали сей путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда черезъ волокъ между Карскимъ моремъ и Обскою губою, входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское море, поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мъ сутокъ и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда и перетаскивали черезъ перешеекъ, шириною около 200 сажень, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую губу рѣка Зеленая. Сею рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби, моремъ, продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль, а изъ Оби въ Енисей 2, или 3 недѣли *.

Сибирская лѣтопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдовъ, въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Θεодора Іоанновича, отправленнымъ нарочно для сего изъ

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, часть I, стр. 76.

Тобольскѣ Ѳеодоромъ Дятловымъ. Для надежнѣйшаго распространенія и утвержденія въ Сибирѣ Россійскихъ владѣній заложены, въ 1600 году, при Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, въ землѣ Самовдской, на рѣкѣ Тагѣ, новый городъ Мангазея, перемещенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки, именуемые въ собираніи ясака съ кочеваниикъ Самовдскихъ, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханкою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, доставили первыя подробныя о ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ были новыя предпріятія.

Въ томъ же году, составилось въ Мангазѣ общество изъ купцовъ и промышленниковъ, съ двоякою цѣлью: открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскѣ, гдѣ построили кочу*, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять нять недѣль на мѣстѣ, доколе южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйти въ море. Известно, что они достигли устья р. Пясиды**, но до дѣйствительнаго

* *Коча*, суда плоскодонныя, въ длину около 12-ти сажень, соразмерной ширины, съ одною палубою, ходили греблемъ, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Сія рѣка достопамятна тѣмъ, что нѣкогда вся называлась

хажь сего предпріятія нѣтъ никакихъ свѣдѣній: *См. Сибирскій Вѣстникъ на 1821-й годъ.*

Направленіе рѣкъ Тунгуски и Валуя, которыя имѣютъ вершины свои на одномъ хребтѣ, и вливаются, первая въ Енисей, послѣдняя въ Лону, привело казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ важному открытію величественной рѣки Лены. *См. Сибирскій Вѣстникъ на 1821-й годъ.*

Дѣятельнымъ Сибирскимъ воеводамъ и предпримчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ, движимымъ и охотою и корыстью, сіе новое обрѣтеніе было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири. *См. Сибирскій Вѣстникъ на 1821-й годъ.*

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лону, казакій десятникъ, Елисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть всю рѣку, въ Ледовитое море выходящую, и наложить ясаки на прибрежныхъ жителей. Буза, съ десятию казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человекъ промышленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, промышленныя; вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ одинъ сутки, Ледовитымъ моремъ, пришелъ къ устью рѣки Оленка, и продолжая путь вверхъ по сей рѣкѣ, зимовалъ у Тунгусовъ, съ которыхъ собиралъ ясакъ. Весною Буза пустился съ своими страна р. Енисей называлась ея именемъ. Слово: *Пясида*, на Сахалинскомъ языкѣ, означаетъ ровную, безлѣсную землю, тумару. *См. Сибирскій Вѣстникъ на 1821-й годъ.*

отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ онъ путь къ Ледовитому морю, вошелъ въ него по десятидневномъ плаваніи, и черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ сею рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ онъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ясакъ.

На Янѣ Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году пошелъ внизъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ясакъ и пребылъ въ силъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вошелъ съ моря въ рѣку Яну, нѣкто Постникъ Ивовъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье и оставилъ въ семь мѣстъ 16-ть казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое море, и простирая онымъ путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазѣ.

Неизвѣстно, какимъ путемъ и кѣмъ открыта рѣка Колыма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ о сей рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, переимено-

ванное море въ острогъ. Стадухинъ доставлялъ извѣстіе о воинственномъ Чукотскомъ народѣ, и объ одномъ большомъ островѣ на Ледовитомъ морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкъ Ланы и Колымы находится островъ, уоматриваемый съ матергаго берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочьей (выпадающей въ Ледовитое море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день переезжаютъ на оленяхъ на сей островъ, гдѣ промышляютъ воржей, возарапцалы съ добытыми моржевыми головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ Погычъ, или Ковычъ, будто бы впадающей въ Ледовитое море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтрѣ.

Послѣдовавшія путешествія, частію опровергли сказанія сей женщины; островъ, который описывали Стадухину обитрившимъ, является на нашихъ картахъ малѣйшимъ *Креатовскимъ* островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ острововъ; они видны съ матергаго берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочьей доходятъ до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исаа Игнатьева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между нимъ и матерымъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двои сутки сряду. Вошедъ въ губу, окру-

женную двумя скалами материка, увидѣли на берегу Чукчей, и вымѣняли у нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ сей новой промышленности, и можетъ быть, не доверяя Чукчамъ, коихъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ, до котораго именно мѣста доходилъ Игнатьевъ; однакожь, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунъ, въ заливѣ противъ острова Араутана, гдѣ берегъ дѣйствительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, по привычкамъ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было услышать о народѣ въ ихъ со-
сѣдствѣ, еще независимомъ и богатомъ морже-
вымъ зубомъ, чтобы побудиться къ предприня-
тію поисковъ въ неизвѣстныя мѣста, открывав-
шія новое поле неутомимой дѣятельности. Со-
ставилось общество промышленниковъ, къ коимъ
присоединился Московскаго купца гостиной сот-
ни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ
Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государей въ
Нижне-Колымскъ прикащикъ далъ имъ служаща-
го казака, для соблюденія въ предпринимае-
момъ путешествіи пользы казенной. Сей казакъ
былъ Семенъ Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвав-
шійся сотовариществовать Колмогорцеву, тотъ
самый, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверо-
восточную оконечность Азіи.

Въ Юнѣ 1647 года, съ устья Колымы, на чetyрехъ кочахъ, отправились они въ море; предполагили отыскать рѣку Анадырь, о которой слыхали, будто она впадаетъ въ Ледовитое море, но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстія, доставленные въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымскаго острога, казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, объ островѣ на Ледовитомъ морѣ и о рѣкѣ Погычѣ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію сего казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Юнѣ 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Янѣ, и въ исходѣ зимы 1648 года перешахъ на партахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочу, на которой вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, пошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погычи; одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ, подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ ней отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутаго каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу; путешественники, крайне нуждались въ съестныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно

опредѣлить до какого мѣста Стадухинъ доходилъ, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не безпрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій мысъ, восточнѣе коего берега, болышею частію, утесисты, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева и его спутниковъ ни сколько не охладила ихъ рвенія; напротивъ, число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1649 году, снарядили семь кочей*, для отысканія рѣки Анадыря. Неизвѣстно, что случилось съ четырьмя кочами**, на остальныхъ трехъ кочахъ

* Хотя Бурней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается назвать Дежнева судовъ кочами, не находя сего наименованія въ випискѣ Кокса, изъ подлинныхъ отписей Дежнева (Coxe's Account of Russian Discoveries, p. 378), и выводитъ слово *кочъ* отъ Англійскаго *ketch*, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ, однакожь я думаю, что не отступлю отъ истины называя кочами всѣ суда, на коихъ Сибирскіе наши мореходы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 373, въ замѣчаніи говоритъ: «кочи не необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень въ длину); довольно того, когда они видъ судна имѣютъ.»

** Бурней, въ Chronological History, стр. 63, говоритъ, что 4 коча разбились на островѣ къ сѣверу отъ Колымы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ сіе свидѣніе. Въ Хронологической Исторіи г. Бурха, часть I, стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородатыхъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хеуверенъ, говоритъ, что извѣстіе сіе послѣдовало отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневымъ, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1821-й годъ,

были начальниками Семенъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а надъ промышленниками вышеупомянутый Федотъ Алексеевъ.

Дежневъ былъ такъ уврѣнъ въ успѣхъ, что обещалъ привезти съ рѣки Анадыра семь сороковъ соборей, «сіе золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго домогались не только казаки и промышленники, но многіе изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждал ихъ на отважныя предпріятія, не ознаменовывалась безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцовъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежнева исполнились; но не такъ легко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Іюнь мѣсяцъ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ него будетъ совершенно подобнаго плаванія. Дежневу и его отважнымъ спутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути, изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

сказано, что островъ Котельный (противъ рѣки Яны) населенъ такими бородатыми людьми, но нынѣ известно, что островъ сей необитаемъ, да и весьма невѣроятнo, чтобы упоминаемые четыре кочи туда занесли.

Сожалѣнію достойно, что не все происшествія сего знаменитаго предпріятія описаны. — Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случалось на морѣ; онъ ни слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вѣроятно, и не встрѣчалъ, ибо въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинаетъ онъ отъ большаго Чукотскаго носа. Сей мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между северомъ и сѣверо-востокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго носа, втекаетъ въ море рѣчка *Становое*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самаго мыса лежатъ два острова, на которыхъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ три сутки, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Святымъ*; и для Дежнева особеннаго примѣчанія былъ достоинъ потому, что кося Анкудинова на томъ мѣстѣ разбился, и нѣскольکو жителей взято въ плѣнъ, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи плаванія Дежнева не упомянуто ни о губѣ Чанунъ, ни о Колочинскомъ островѣ, ни о другихъ

приметных мвостахъ, которыя должны были
усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова
пролива; однакожъ описаніе большаго Мукот-
скаго моста, его забороть къ отбросу рѣки Ана-
дыра, близость двухъ острововъ, дикари съ про-
рѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ ку-
сками изъ моржевыхъ зубовъ, все служить до-
казательствомъ, что Дежневъ говоритъ о ве-
сточной оконечности Азии, и что онъ первый
прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-ть лѣтъ
послѣ него достигъ мореплаватель италъ Ве-
рингъ, коему приписана честь обрѣтенія сего
пролива и разрѣшенія вопроса о соединеніи
Азии съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ: *Святой Носъ*;
конечно тотъ, который нынѣ называютъ Шела-
скимъ мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку
сей мысъ наиболее приметенъ по отличи-
тельной высотѣ и протяженію.

Бурней старался доказать вѣрнѣе соедине-
нія Азии и Америки, посредствомъ воображае-
мой перешейки около Шелагскаго мыса, при-
бѣгаетъ къ различнымъ страннымъ предположе-
ніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ,
а въ *шииикъ* **, который расшивали на одной

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** *Шииицики* въ Сибирѣ называютъ довольно большія лодки,
у коихъ низъ выдолбленъ изъ одного дерева, а къ бокамъ при-
биты доски ивовыми прутьями. Такаа постройка трудна, ибо
прутья должно нѣрить, чтобъ доставить имъ нужную гибкость, и
Бурней объясняетъ, говоря о шиииикѣ: *it was customary to*

сторонѣ перешейка, и по переносѣ составныхъ частей его на другую сторону, опидали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ вовсе не обрывать Шенлагскаго мыса. Бурней въ доказательство приводить путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку: будучи не въ состояніи обойти болыной Чукотскій носъ, онъ оставилъ свое судно, и перешелъ пѣшиномъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ себѣ судно. — При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ болышею вѣроятностію полагать можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ померегъ сей земли тамъ, гдѣ заливъ Колючинскій, вдаваясь далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Нынѣ извѣстно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, а потому, мы не имѣемъ никакого права оспаривать у Дежнева чести совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыря въ Колыму идти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его спутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочѣ Герасима Анкудинова, перешли на остальные два коча Семена Дежнева

construct vessels in a manner that admitted of their being with ease taken to pieces, by which they could be carried across the ice to the outer edge, and there be put together again, p. 69.

и Федота Алексеева. 20-го Сентября на берегу дрались съ Чукчами и Федотъ Алексеевъ былъ раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба коча и они уже болѣе не соединились. — Кочъ Дежнева долго несло кружными вѣтрами по морю, наконецъ, въ Октябрь мѣсяцъ, выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыра, вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Федотомъ Алексеевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю людьми, немедленно отправился пѣшкомъ, для провѣданія рѣки Анадыра, отсюда не отчаяваясь достигнуть предположенной цели. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде, какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлюдную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитаніе, не имея рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшились отправить вверхъ по Анадыру 12-ть человекъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, болѣею частию отъ голода и изнеможенія умерли; остальные принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или двѣ (ихъ было почти 20-ть человекъ), изъ выведеннаго лѣса, котораго въ Сибиря около устья рѣки всегда множество.

счастливы, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, бывавшихъ *Анадыями*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться о томъ, какъ перейти на Колыму, или послать о себѣ уведомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздыми. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія *Михайла Стадухина* къ отысканію рѣки *Погычи*, узнали, что названіе южной Анадыря, что устья ея не по свверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ, чрезъ которыя провѣсти ихъ взялись плѣнные *Ходынцы*, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки *Анжоя*.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и промышленниковъ, получившихъ дозволеніе идти къ Анадыру и объясачить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семень Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взявъ на Апѣ одного старшину изъ *Ходынцовъ*, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырь съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. *Михайло Стадухинъ** пошелъ въ слѣдъ за Моторой, провелъ семь недѣль въ пути, обо-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадухинъ отправился моремъ. См. Миллера, *Nachrichten von Seereisen*, p. 15.

шелъ стороною зимовье Дежнева, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухиннымъ, готовились перейти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто ихъ пошелъ туда Стадухинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмель*, на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое приобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсъ для построенія коча, на которомъ предполагалъ отправить въ Якутскъ, моремъ, собранный имъ ясакъ, но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мѣли, на которой было много моржей, и взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно при-

* *Кора*, на Сибирскомъ нарѣчій.

бывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышлять моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мѣль, названную Анадырскою коргою, будто бы ими найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаванні Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ донесеніяхъ къ Якутскому Воеводѣ разныя обстоятельства своего путешествія, которыя, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ коргѣ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ; она сказала ему, что Ѳедотъ и Герасимъ (Анкудиновъ) отъ цынги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала. — Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ, живши нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ сего нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-ть лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ имъ откры-

той и частию покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну, или сдѣлался жертвою своей смѣлости, не находимъ извѣстія въ сочиненіи исторіографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булакова.

Въ 1649 году, Булаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ. Прозимовавъ въ Жиганскѣ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтрами, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ, подъ парусами, въ Омолоеву губу, гдѣ встрѣтилъ льды, между коими кочъ его былъ 8 дней, и немало повредился. Приближась къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двои сутки пробивались между льдинами. Булаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣлъ, что море ото льда, какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омолоеву губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали идти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшихъ казакамъ и

промышленникамъ, готовыхъ выступить въ море. Когда насталъ вѣтеръ съ берега и море очистилось ото льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омолоевой губѣ, въ которой былъ также наносный ледъ; сквозь него пробивались не безъ затрудненій. На другой сторонѣ губы находятся острова; протокомъ между спмъ островомъ и берегомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то время протокъ былъ совершенно затертъ льдомъ, осѣвшимъ на дно моря; путешественники съ усиленіемъ размочали ледъ и вывели свои кочи; въ семь мѣстъ встрѣтили еще 4 коча, которые шли съ Колымы на Индигирку.

1. Юля 15-го, по выходѣ кочей изъ протока, насталъ попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ однѣ сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять они встрѣтили столько льду, что могли быть раздавлены, ежели бы по отлогости морскаго берега, препятствующаго большимъ льдинамъ приближаться къ нему, не оставался для нихъ свободный путь. Слѣдуя подлѣ берега, они благополучно миновали Святой мысъ, который, по сѣверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ мореплаватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плаваніе кочей, особливо когда отъ ночныхъ морозовъ намерзалъ новый ледъ, которымъ 30-го Августа покрылось все море; тогда пять кочей находились недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Предприм-

чивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ; но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полпядени, подулъ съ берега жестокий вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько чловѣкъ, чтобы узнать, какъ ближе подойти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ѣзды, бывший съ ними кочъ казака Андрея Горьлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на сей кочъ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ морѣ прибыла вода и ледъ изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скорѣе. Черезъ пять дней вѣтеръ утихъ, и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченія столькихъ бѣдствій, сопутники Булдакова были въ отчаяніи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взявъ каждый изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдовавшаго ихъ несчастія. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощію шестовъ и веревокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну

послѣ другой, разбивало льдомъ. Напослѣдокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Индигирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по ней до Уяндинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзней и трудовъ и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его начальникомъ острога на Колыму посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностію освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ морѣ. Миллеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованіи сего острова, и говоритъ, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколѣ наконецъ, въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская Канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ морями. Слѣдующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годами, служивый Никифоръ Мальгинъ, съ торговымъ человекомъ Андреемъ Воропаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены на Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частию подлѣ берега; потомъ, по причинѣ примкнувшася къ берегу льда, держали мористѣе. На семъ пути, бывшій съ ними ко-

чевщикъ Родіонъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сую сторону Колымы, вдали, островъ, который они всѣ видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ сему острову, и посылаемые на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человекъ Тарасъ Стадухинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человекъ, на кочѣ, ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойти не могли, а перешли на другую сторону его пѣшкомъ, и построивъ кочъ, шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжины.

Нѣкто Михайло Насѣткинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Даніилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ, противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Устьянскаго казака Якова Пермякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго носа островъ, и что противъ устья рѣки Колымы находится островъ, и на немъ есть горы, усматриваемыя съ матераго берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насѣткинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермькова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Ляховскаго и Крестовскаго острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, а частію и достовѣрныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауернихта произвестъ о семъ изысканіе съ возможною подробностью, особенно, когда, въ 1711 году, Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на новую землю, что островъ противъ р. Колымы, и удержались-де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлить не изволь.»

Трауернихтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой въ Колыму; имъ предписали обозрѣть Ледовитое море, лѣтомъ или зимою, и невозвращаться, доколѣ не разрешать вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, поручень казаку Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Усть-Янска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и

держась берега до Святаго носа, пустился прямо на сѣверъ. Они пріѣхали къ одному острову, на которомъ не было никакого лѣса; вокругъ него ѣзды 9, или 12 дней. Съ сего острова видѣли другой островъ, или землю, но за позднимъ временемъ, и по недостатку въ сѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ запастись рыбою, и слѣдующею зимою опять выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ носомъ и рѣкою Хромою, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ; почему оно прозвано *Катаевъ крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но неимѣя сѣстныхъ припасовъ, принуждены были ѣсть собакъ, на которыхъ ѣхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ яицами. Бывшіе съ Вагинымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Устьянскъ, убійцы скрыли преступленіе разными вымыслами, и объ островъ не упомянули ни слова. Положеніе перваго Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его, конечно, не соотвѣтствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весь-

ма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, воеводою Трауернихтомъ отправленный, состоялъ изъ 22 человекъ, на одномъ шитикѣ, * подъ управленіемъ казака Василія Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно, что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы, протянувшійся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, говорить о Шелагскомъ мысѣ, который предшественники его называли Святымъ носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныя отпращенія казаковъ Алексѣя Маркова и Григорья Кузякова. Первому велѣно идти въ море съ устья Колымы, и ежели увидить, что шитики неудобны, дозволено построятъ другія суда. Каждому дано было по одному матросу, изъ присланныхъ Княземъ Гагаринымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по пріѣздѣ въ Устьянское зимовье, послалъ, 2 Февраля 1715 года, въ Якутскъ донести, что на Святомъ морѣ лѣтомъ и зимою

* Шитики того времени были длиною въ 5 сажень, шириною въ 2 сажени, съ палубою, плоскодонные, конопачены мхомъ; вмѣсто веревокъ и канатовъ, на шитикахъ употребляли ремни лосиные; паруса бывали ровдужные, якоря деревянные, съ навязанными камнями. Нынѣ шитиками называютъ безпалубныя большія рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители попятія не имѣютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

всегда стоитъ ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ; онъ отправился 15-го Марта, взявъ 9 человекъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Устьянское зимовье, и привезъ извѣстіе, что вѣхалъ по морю, прямо на сѣверъ, семеро сутокъ, съ самою большею, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли, какъ высокіе холмы, всходилъ на овья и вдали не усмотрѣлъ никакого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду издыхали и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней непрерывной ѣзды, Марковъ не могъ проѣхать болѣе 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; следовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ изъ лежащихъ противъ устья рѣки Яны и Святаго носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузякова не отыскано никакихъ свѣдѣній, кромѣ слышаннаго Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузяковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было такъ же безуспѣшно, какъ и Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпріимчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Федотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до

устья Индигирки и далѣе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. Въмѣсто того, чтобы поиски начать съ Яны, или Индигирки, потхалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сей рѣки, Іюля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льда, что не рѣшился онъ продолжать пути далѣе.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подтвердилъ слухъ о помянутомъ островѣ, рассказывая, что въ Ноябрь 1720 года, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьемъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочей по льду на тотъ островъ, или землю, но за непрерывными вѣтрами и туманомъ они не могли ѣхать вдаль, почему и не знаютъ, твердая ли то была земля, или островъ, и есть ли на немъ жители и растеть ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онъ принадлежать. Землю сію, при ясной погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святаго носа до меридіана рѣки Яны съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы и далѣе, до жилищъ Шелаговъ, поколѣніе Чукчей. Вилегинъ заключалъ такъ по расска-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Іюля 13-го; сіе послѣднее согласіе съ показаніемъ Амосова, что въ море висло ледъ.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ напелъ тутъ лѣсъ, но у Миллера того нѣтъ.

замъ какаго-то Копая, изъ племени Шелаговъ, и полагалъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочьей и Индигирки невозможно, по причинѣ множества льда, по противъ жилищъ Шалаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ сей стороны.

Амосовъ, утвѣрдясь на семъ мнѣніи, пошелъ моремъ подлѣ берега къ жилищу Копая, котораго достигъ 7-го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, но даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова ѣхать на нартахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую Воеводскую Канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Ноября 3-го 1724 года, нашелъ я на морѣ островъ, или землю, и оттуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыя земляныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди, и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корма для собакъ не достало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и провѣдывать. Путь по льду былъ весьма трудень, потому что море замерзло не гладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ *.»

* Описанія сихъ путешествій, и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ,

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ его путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстѣ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшого острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли, между рѣками Чукочьей и Алазеею, ѣзды до открытаго Амосовымъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семь островѣ горы немалой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служащій для нихъ пищею мохъ растеть по всему острову.

Обрѣтенія Вилегина и Амосова одно и тоже. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша, вѣроятно, объ усмотрѣнной противъ Яны землѣ (1-й Ляховскій островъ), вообразилъ, что сіи двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадея (около двухъ сотъ верстѣ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ сего мѣста къ сѣверу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстѣ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго мыса, съ ко-

занимствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, а поправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ Миллера.

торыми въ 1822 году мы имѣли сношенія, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, хотя и не скрывали отъ насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстѣ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, и въ 300 верстахъ отъ жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ быть, Копая и Вилегину то было извѣстно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго устья, и о большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣвъ Вилегинымъ. Не должно-ли заключить, что сіи-то четыре острова и приняты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхностному обозрѣнію сѣверныхъ береговъ Сибири, которые отъ Карскаго моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половины столѣтія открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Всѣ путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ нѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ разсказовъ.

Казацкій полковникъ Шестаковъ, пріѣхавшій въ 1726 году изъ сѣверной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижѣ географы Де-

лилѣ и Бюашѣ. На сей картѣ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной ѣзды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противолежащими сему острову рѣками Колымою и Алазеею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шелагами. За нимъ къ сѣверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоятъ онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный переездъ (слѣдовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли).

Противъ сѣверовосточной оконечности Азіи, на востокъ, означенъ большой островъ, съ слѣдующею надписью: «Островъ противъ Анадырскаго носа; на немъ многолюдно и всякаго звѣря довольно; дани не платятъ; живутъ своею властію.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій мысъ непримѣтны.

Другая карта, попавшаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Ивановымъ Львовымъ. На сей картѣ изображены два носа. Крайній, къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ носомъ, или Восточнымъ мысомъ, названъ Шелагскимъ и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ перваго, названъ Анадырскимъ носомъ, и между ними двумя мысами, въ обширной губѣ, положенъ островъ, обитаемый Чукчами, а противъ Анадырскаго носа назначены два острова, одинъ

другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега ѣзды водою полдня. На немъ обитаютъ люди, коихъ Чукчи называютъ Ахьюхалать. Они говорятъ особымъ языкомъ; платье носятъ изъ утиныхъ кожъ; питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островъ лѣсу, варятъ рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней ѣзды водою. Жители онаго называются по Чухотски Пеекели. Они щеки пронимаютъ и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носятъ изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображена большая земля, съ надписью: «Чукчами именуются Кичинъ-Элатъ. Сіи говорятъ особливимъ языкомъ; платье носятъ соболье; живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучной. Звѣри въ нихъ водятся всякіе, коихъ кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растетъ ельникъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На сей картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорятъ языкомъ особливимъ. На бою весьма жестоки и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ помонъ попадетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на сихъ картахъ, составленныхъ

часть I.

въ Якутскѣ самоучками-географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго Носа отъ восточной оконечности Азіи и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣднему мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагскій его мысъ на сѣверѣ неограниченнымъ, и тѣмъ изъясняли сомнѣніе о плаваніи Дежнева; но должно замѣтить, что оно не было извѣстно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый нашелъ свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ Большой Землѣ, за островами противъ Анадырскаго Носа, мы узнаемъ сѣверо-западный берегъ Америки, и Большая Земля противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того берега на сѣверѣ. Предположеніе наше объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Въ 1711 году, Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырскаго острога ѣздилъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ Носа, по обѣимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ морѣ, виденъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами,» и проч. Потомъ го-

ворится о берегъ, простирающемся южнѣе и сѣвернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ моремъ часть Океана къ сѣверу отъ Чукотскаго полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ его Анадырскимъ моремъ. Восточную часть Чукотскаго полуострова, слѣдовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ сего весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что извѣстный географъ Делиль перенесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены: островъ противъ Колымскаго устья, въ широтѣ 73° , а за нимъ, въ широтѣ 75° , Большая земля, будто бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго князя Копая; но въ означенномъ году ѣздилъ Амосовъ къ Копая и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельномъ разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ о сихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить неосновательность географіи сѣверо-восточной Азіи, и

*

находить незначащіе острова, или чистое море, тамъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опознаніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго моря до Берингова пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ моремъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска, два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ, до устья Енисея, одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставя главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совету мореходцовъ того края построили два коча, Экспедиціонъ и Обь, длиною въ 52½ фута, шириною въ 14 футовъ, глубиною въ 8 футовъ. Экипажъ каждого судна состоялъ изъ 20 человекъ; командирами опредѣлены лейтенанты Мурьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Іюля 1734 года, достигли Мутнаго залива (въ

Карскомъ морѣ) и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Іюнь мѣсяцъ 1735 года вышли опять въ море, прошли недалѣе, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть желаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала постронть у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оные подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Малыгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочѣ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ; 29-го, противъ устья, льдомъ кочъ разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправя немедленно другой, бывшій съ нимъ кочъ Обь, Малыгинъ отправился въ путь 17-го Іюля. Превозмогая чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣлъ на первый ботъ, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочѣ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семъ же году, въ Іюль и Августъ мѣся-

цахъ, геодезистъ Селифонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской губы, и перешавъ на карбасъ къ острову Бѣлому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому морю, для описи матераго берега и острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Въ началѣ Іюня 1737 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается ото льда не прежде половины Іюля, то Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробыть на мѣстѣ до 1-го Іюля. Въ половинѣ Іюня показалась между служителями цынготная болѣзнь, которую однакожь успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ*.

3-го Іюля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Іюля усмотрѣли островъ Бѣлый, и 24-го легли на якорь въ проливъ, отдѣляющемъ островъ отъ матераго берега. Широту опредѣлили 73° 8'. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многими сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч., воз-

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, стр. 87.

вышенье воды $1\frac{1}{2}$ ф. Пролить устья мѣлами, между коими бываютъ сильныя спорныя теченія. Противныя вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ семь проливъ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самождами Ямалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, гдѣ и зимовали; служителей помѣстили въ Березовъ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С. Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытавъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ-Коллегіею. Дубель-шлюпка была длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами; вооружена, какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 человекъ; сверхъ того іеромонахъ, штурманъ и геодезистъ*.

* Помѣщаемое здѣсь описаніе путешествій лейтенантовъ Малыгина, Овцына, Прончицева, Лаптева, и штурмановъ Челомского и Минина, заимствовано мною частью изъ Записокъ бывшаго Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, на 1820 годъ; довольно значительныя ошибки и пропуски, въ семь изъ

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изготовленіи дубель-шлюпки Тоболь, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагруженныхъ провіантомъ и морскою провизіею. Тобольскій губернаторъ Плещеевъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессеры Академіи Наукъ, находившіеся при Камчатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-ть дней, онъ шель внизъ по Иртышу, миноваль многія Русскія деревни и Остяцкія юрты; 24-го Мая остановился на короткое время при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, называемой Самаховскій Ямъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе, внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюня пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющейсѣ у него командѣ. Чрезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, послѣднему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина больше, вышелъ въ губу 19-го Іюля. Въ сіе время, отъ сильнаго и крѣпкаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломали; изъ влеченія, мною замѣченные, исправлены и пополнены изъ подлинныхъ журналовъ.

лѣса построили на берегу магазинъ, и выгрузили въ него провіантъ и прочіе припасы. При этомъ мѣсть семь озеръ, почему и назвали оное Семиозернымъ. Широта по наблюденіямъ найдена 66° 36'.

Оставя караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подлѣ праваго берега Обской губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтеръ-офицера и семь человекъ служителей, впередъ къ Ледовитому морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встрѣчи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и мѣлей, между коими надлежало искать фарватера, Овцынъ шелъ впередъ по Обской губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту 70° 4', и опасаясь пускаться далѣе, по приближавшейся осени и наставшимъ морозамъ, рѣшился идти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ нему 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ безлѣсныя тундренныя мѣста, и землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданія съ кочующими Самовдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюбку разружили и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Объ покрылась льдомъ.

Въ Ноябрь пріѣхали въ Обдорскъ съ запад-

ной стороны оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Ледовитаго моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустозерска на оленяхъ, для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣми Самоѣдами отправилъ въ Пустозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на ея устьѣ.

1735 года, Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Оби, но льдомъ принуждаемъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ Семиозернымъ магазинамъ и взялъ оставленную прошедшаго года провизію. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской губѣ; 20-го ледъ взломало и фарватеръ началъ очищаться, но до 8-го Іюля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпкѣ вслѣдъ за льдомъ весьма медленно; въ то время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цынга, которая вскорѣ усилилась до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человекъ оставалось здоровыхъ только 17 человекъ. Овцынъ былъ также тяжело боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизіи, онъ, при помощи присланныхъ

къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшавъ плаваніемъ, но пришелъ къ Tobольску не прежде 6-го Октября; въ сіе время по Иртышу уже несло ледъ и рѣка вскорѣ стала.

Чрезъ два мѣсяца по прибытіи въ Tobольскъ, Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и предстоявшихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему повелѣно будетъ на будущее лѣто идти въ Ледовитое море, то, по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспоможенія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ почитаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія, находя представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Tobольскъ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на оный командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и положила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго моря. Овцынъ поспѣшилъ возвратиться въ Tobольскъ, взявъ съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе новаго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію лѣсовъ, и

Марта 11-го заложили палубный боть, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною въ $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни поспѣшали строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семиозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около сего мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Обь покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцъ пріѣхали къ Обдорску оленные Самоѣды, для вноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезіи ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Объ, пошли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби, 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ то время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на нее командиромъ мастера Кошелева, а самъ перешелъ на ботѣ.

29-го Іюня, оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семиозернымъ магазинамъ; взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ $72^{\circ} 46'$, у праваго берега Обской губы, близъ устья залива, называемаго Гыдыямъ, вдавагося внутрь берега къ юго-востоку на 160 верстѣ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой день мореплаватели вышли въ Ледовитое море; близъ устья Обской губы, въ широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3\frac{1}{2}$ мили, отлива на NO съ равною скоростью. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ сѣверу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, вы-

сокими буграми стоявній лёдъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ семь мѣстъ была 11 сажень; теченіе моря къ западу по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SOtS, и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 сажень; грунтъ сѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи полумили, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на SiO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботъ штурманъ Мининъ, который, къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундренная и нѣтъ никакого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медвѣдя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 10'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено, съ 7-го часа утра до полудня, $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣ-

веро-восточный мысъ, называемый Мате-Соль*, былъ отъ нихъ на OSO, въ $3\frac{1}{2}$ миляхъ. На семь мысъ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской губы къ востоку. Въ семь мѣстъ вода горька и солона, цвѣта свѣтло-зеленаго; приливъ и отливъ N и S по $3\frac{1}{4}$ мил. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество лѣса, несомата отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неравныя и обширныя мѣли простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль, къ StO, вдался большой заливъ на 100 верстъ, шириною до 35. Далѣе сего залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстъ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытіемъ на лодкѣ геодезіи ученика Прянишникова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября, оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, на-

* Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть 1-я стр. 124, ошибочно сказано, что сіе четвертое плаваніе Омыра было въ 1738 году, и что онъ тогда, обходя мысъ Ялмалъ, вошелъ въ рѣку Енисей; у Миллера также ошибка въ годѣ, но мысъ называетъ онъ Мате-соль. Мысъ Ялмалъ, какъ мы выше видѣли, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мате-Соль на Самоѣдскомъ языкѣ значитъ Тупой мысъ.

рочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Ширина сего мѣста найдена $71^{\circ} 31'$; склоненіе компаса $\frac{3}{4}$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеємъ; въ продолженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣвая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ отсталъ на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованья, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое море, и стараться обойти Таймурскій мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію ненадежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ боть, на которомъ, Іюня 4-го, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго, каменнаго берега мысъ, назы-

ваемый Ефремовъ Камень, въ широтѣ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтѣ $72^{\circ} 53'$, на глубинѣ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта его найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ сѣверу, вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ $73^{\circ} 8'$, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далѣе, за великими льдами, продолжать плаванія было невозможно. 22-го послали на ялботъ штурмана Стерлегова, подлѣ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройти; черезъ три дня посланный возвратился и донесъ, что онъ шелъ подлѣ самаго берега, между льдовъ, съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣлъ, что берегъ заворотился къ востоку и дальній мысъ впереди былъ тогда на $ONO \frac{1}{4} O$, въ 16 миляхъ. Идти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ ботъ былъ на якорѣ, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимовалъ, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась.

часть I.

4

Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ фарватеръ нашель онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Іюня, на боть, ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы запастись провизіею, долженъ былъ ожидать ея до 31-го Іюля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, донелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска, на собакахъ, посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у сѣверо-восточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 5'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 9'$, нашель склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и, какъ онъ говорить: «Надъ водою стоитъ паръ, яко дымъ». Продолжая опись вдоль берега на сѣверъ, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близъ него лежащіе острова скалисты, до широты $75^{\circ} 13'$, въ которой находился Стерлеговъ Апрѣля 12-го. 14-го, на высокомъ каменномъ мысѣ, въ широтѣ $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ.» Компаса склоненіе отъ праваго сѣвера (такъ говорить Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и неравное, и уповаемо, что въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ маг-

нитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны снѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ принужденъ пойти въ обратный путь, и остановилса при устьѣ рѣки Пясины, въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изъ коихъ большая половина такъ истощали, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Іюня, на ботѣ, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Августа вышелъ въ Ледовитое море, и слѣдовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прошедъ острова сѣверо-восточные, терпѣлъ жестокий штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ, и 14-го Августа, для укрытія отъ волненія, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на якорѣ. Продолжая плаваніе, 16-го находился близъ устья рѣки Пясины, въ которое, по причинѣ мѣлей, войти не могъ. 17-го, осмотрѣлъ заливъ въ устьѣ сей рѣки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ; глубина $4\frac{1}{2}$ сажени; грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ $74^{\circ} 43'$, усмотрѣли за двумя островами закрытый заливецъ. При благополучномъ вѣтрѣ, продолжая плаваніе на N, находили глубину 8 и 10 сажень, и вдругъ лотомъ недостали дна *. Августа 21-го, въ ши-

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько сажень дна выпустили.

ротъ 75° 15', Мининъ встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналъ его сказано: «Отъ незнанія впереди положенія берега, къ приближенію отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна, принужденъ былъ поворотить назадъ». Время уже настало холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты 69° 40', гдѣ, 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудина остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мининъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставя ботъ Почталіонъ-Объ, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюбку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскъ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Прончищевъ, которому предписано идти Ледовитымъ моремъ, отъ устья Лены на западъ, къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскъ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласиніуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому морю, близъ береговъ, и стараться пройти Беринговымъ проливомъ въ Восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Іюня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровож-

даемыя дощениками, на коихъ погружень былъ запасный провіантъ, съ другими разными потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты лиственничнымъ и березовымъ лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промышленниковъ, ловившихъ рыбу; по всемъ симъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое море пятью рукавами, образуя черезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощеники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласиніусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ, не прежде 14-го направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кырылолъ, Тумиты и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляются отъ матерой земли.

16-го Августа, Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льда, и потому, не удаляясь отъ вышепомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверо-западу,

на глубинѣ $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажень; 24-го, пришелъ къ западному устью рукава Лены, поворотилъ на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приближась, 26-го числа сталъ на якорь и послалъ промѣривать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтнихъ промышленныхкихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множества льда, который бывшимъ тогда морозомъ скрѣпило, и рѣка стала.

5-го Октября отдѣлали для житья землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Широта сего мѣста по наблюденіямъ найдена $72^{\circ} 54'$. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ*.

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента выведена изъ показаннаго времени сокрытія солнца за горизонтъ широта мѣста $70^{\circ} 57'$, и по разности сей широты съ опредѣленною Прончищевымъ заключили, что сія послѣдняя опредѣлена невярно. Основываясь на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Биллингсомъ $69^{\circ} 29'$, на $1^{\circ} 46'$ мѣнѣ означенной на прежнихъ картахъ Ледовитаго моря, выведено заключеніе, что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвернѣе настоящаго. Для опроверженія всего этого, нужно только замѣтить:

1. Широта устья Оленека изъ картъ Прончищева $72^{\circ} 54'$.

— — — — — лейт. Анжу $72^{\circ} 57'$.

2. Широта (счислимая) маяка при устьѣ рѣки Ко-

лымы, Лаптевымъ $70^{\circ} 05'$.

Врангелемъ $69^{\circ} 35'$.

Съ наступленіемъ весны 1736 года, лейтенантъ Прончищевъ началъ готовить судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранѣе 21-го Іюня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Оленека, и Прончищевъ направилъ путь къ сѣверо-западу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, посылалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; черезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го, Прончищевъ отправился далѣе къ сѣверу, вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный, и отъ него къ западу другой, утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень. Прончищевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣтъ ли жителей; посланные, вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнный шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ,

3. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, зимою и при таяніи снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ такъ велика и неравномѣрна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычисленія широтъ по времени сокрытія свѣтилъ за горизонтомъ.

изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюдению высоты солнца, Августа 14-го находились въ широтѣ $74^{\circ} 48'$; склоненіе компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на SW $2^{\circ} 44'$, въ 30 миляхъ.

17-го, увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирались далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающего, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видимы были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на юго-западѣ. Море было наполнено буграми плавающего льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный, гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на юго-западъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мили.

Проедѣвъ сіи острова, Прончищевъ держалъ къ сѣверу, дабы обойти сплошные, неломанные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели

нами полагали, что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперекъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробираясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чаетъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоявшаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было никакихъ заплесковъ, но отъ него простирались въ море лдяныя закраины, по которымъ во множествѣ ходили бѣлые медвѣди. 20-го Августа, около полудни, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности идти далѣе, и потому, въ широтѣ сѣверной 77° 29', Прончищевъ рѣшился, по совѣту своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и идти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покры-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18 Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а немого далѣе лотомъ дна не достали. Въ подлинномъ журналѣ Прончищева о томъ ничего не упомянуто.

** Прончищевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ сѣверо-восточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью лейт. Х. Лаптева и штурмана Челюскина.

лось льдомъ. Оставалось одно средство—пробираться назадъ греблею между льдовъ.

25-го, задулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаявались въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастью ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войти въ него не имѣли возможности, по множеству льда, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней взадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастная супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ его путешествіи, лишась нѣжно любимого ею мужа, не перенесла такой потери; снѣдаемая печалью,

она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Іюля, вышелъ онъ на дубель-шлюбкѣ въ Ледовитое море, и предполагая, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился идти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ сей городъ, не найдя тамъ командора Беринга, который былъ тогда въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ-Коллегія, по разсмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердясь на его объясненіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюбкѣ, по Ледовитому морю обойти сѣверный Таймурскій мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать было бы невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на

дубель-шлюбку опредѣленъ, вѣсто лейтенанта Прончищева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г., лейтенантъ Лаптевъ, исправя дубель-шлюбку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Іюня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Ленѣ; 20-го Іюля, вышедъ въ Ледовитое море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ высокаго лѣса маякъ, вышиною въ 7 сажень, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощаники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провіантъ, и на дубель-шлюбкѣ пошелъ къ западу вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжая путь между ними, миновалъ рѣку Оленекъ, потомъ губу, покрытую стоячимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію называлъ онъ Норд-вигъ; наконецъ, 6-го Августа, пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ семь мѣстъ лейтенантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить изъ дубель-шлюбки часть провіанта, но окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, который принесло возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюбка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа; тогда переимѣнившійся вѣтеръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Ѳаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюбку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили ей путь.

21-го, остановясь на якорѣ подлѣ самаго мыса св. Ѳаддея, въ широтѣ $76^{\circ} 47'$ по счисленію, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два человѣка посланы къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестеро на мысъ, для устройства на немъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовый рогъ. «Мысъ св. Ѳаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мѣлкій камень, бѣлый, какъ алебастръ, вязкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ и простирающіяся отъ N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля сія была та самая, отъ которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NW близъ 10-ти миль, признанъ за послѣдній къ сѣверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился, не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посланный на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что

далѣ къ сѣверу губа и море покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣшился, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ семъ мѣстѣ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не имѣютъ оленей, а вмѣсто ихъ, для зимней ѣзды, держатъ собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-плюбки перебрался на берегъ, въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построенія жилищъ, а къ согрѣванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣскольку верстъ. Сіе безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отправилъ, 1740 года,

23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ, къ рѣкѣ Таймурѣ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Пясины. Тунгусы взялись везти Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились сопутствовать, но 9-го Апрѣля возвратились и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ, доѣхавъ до рѣки Таймуры, продолжалъ путь внизъ оной до морскаго берега, и потомъ вдоль онаго къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста, далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что сѣверный Таймурскій мысъ обойти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ него сплошнаго неподвижнаго льда, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія и рѣшился идти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробиваться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюбку сжало льдами, выломило форштвень, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня

безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизию на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семь бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предались отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ полныя мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-плюбки пошли пѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что оный находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали полыньи, черезъ которыя принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того продолжавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себя и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ ко-

торыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и прочую провизію, но 30-го, возставшимъ крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ взломало и унесло въ море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизіи, оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая стужу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ твердостію, безъ роптанія, переносили свое несчастіе.

21-го Сентября, преграждавшія путь рѣки покрылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизіи, истощенныя собаки везли на нартахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, изнуренные 25-ти-дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогою 12-ти человекъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провести зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться со всею командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приготовленный въ магазинахъ провіантъ.

ЧАСТЬ I.

5

Въ данномъ ему наставленіи предписано было осмотрѣть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвести берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1741-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣлъ ему, выкормя собакъ и запасшись кормомъ у сидячихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, вѣхать на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправить-ся на встрѣчу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурскаго, описать берегъ, неосмотрѣнный лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти нартахъ, провіанта и другихъ съѣстныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ, на 60-ти оленьихъ санкахъ, команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ повѣхалъ, на 3-хъ нартахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстъ. Отъ сего мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ верстъ) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтова-

таго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины и въ 3 поперекъ, коей стѣны состоятъ изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по всемъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланные впередъ нарты съ провизіею; по наблюденію широта сего мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились черезъ тундру на востокъ, дабы выѣхать къ морскому берегу и онѣй описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставляя запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непременно быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлилъ широту $75^{\circ} 33'$; 21-го пріѣхалъ къ скалистому мысу, гдѣ опредѣлилъ широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное; продолжалъ описывать берегъ, слѣдуя вдоль онаго по льду, который, по видимому, льдомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюденію, широта мѣста $76^{\circ} 38'$.

Проѣхавъ 3 версты къ SW, и удостовѣрясь, что направленіе берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ котораго, въ 17-ти верстахъ, пріѣхалъ къ

*

маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го, широта по наблюденію определена $76^{\circ} 23'$; въ семь мѣстъ нашли довольно много плавнику; на восточномъ берегу его не видно. 29-го, по наблюденію, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Іюня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на немъ отлогія горы. 2-го Іюня, лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ продолжалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жилие. Прибывъ къ оному Іюня 10-го, определили широту мѣста $73^{\circ} 39'$ (на подлинной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ}.00'$ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Мининымъ, и въ лабазахъ оставлялъ съѣстные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилию, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ, за худостію собакъ, остался весновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибылъ 29-го Іюля на устье рѣки Енисея, продолжалъ путь вверхъ рѣки, 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины пріѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ,

который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангъ, откуда прямымъ путемъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Дудина. 29-го Августа, всѣ прибыли въ городъ Мангазею, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса св. Ѡаддея, отправилъ, Декабря 4-го, штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазеи, на 5-ти же нартахъ, для произведенія описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазею Іюля 16-го, не пріобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ пріѣхалъ къ мысу св. Ѡаддея Мая 1-го, и занимаясь описью берега, удостовѣрился, что мысъ св. Ѡаддея не есть самая сѣверная оконечность Азіи; однакожь, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюденій для опредѣленія широты, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи сего берега знаемъ токмо, что оный омываемъ океаномъ, не соединяясь ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой сѣверной оконечности сего берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближнимъ Якутамъ, и 20-го Іюля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазеѣ.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всѣми состоявшими

лѣе, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковского Протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мѣль. 27-го усмотрѣли по полярной звѣздѣ склоненіе компаса 3° . 00' восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба,» гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверхъ рѣки, по фарватеру, 5, 3, 2 сажени. 6-го Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена имъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движеніемъ, и декогтомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи и невозможности пройти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святаго, простирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около сихъ мысовъ сплошныя льды препятствовали идти далѣе. Якуты увѣряли, что льды никогда не отнositъ отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, почитаетъ онъ тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шлюпкою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему сіе исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленѣ, на глубинѣ 4, 3 $\frac{1}{2}$ и 3-хъ сажень. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Беринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда произвести опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе сего Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ ботъ Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизією, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Ленѣ; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посыланый берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ,

укрываясь отъ носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлили по считанію $71^{\circ} 42'$. Въ то время штурманъ Щербинъ ѣздилъ описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 миль, между N и NNO, отмѣль, приметную по стоящему на ней льду.

24-го, боть вышелъ въ море, пробираясь между мѣлей, которыми фарватеръ до острова Быковского весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейтенантъ Лаптевъ, 8-го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаптевымъ $71^{\circ} 55'$. Того же дня обошли отмѣль, и 11-го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ семъ положеніи, наставшимъ жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на боть, но, къ счастью, огромнѣйшія льдины остановились на мѣли, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мѣлкій ледъ. Немногія льдины однакожь прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посыланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6 и 7 фут. глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плава-

ніе къ Святому Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 сажень.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штормъ, почему, опасаясь набѣжать на мѣль, положили якорь, а 15-го, по укрощеніи вѣтра, вступили опять въ путь; того же дня прошли Свѣтой Носъ, положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ $72^{\circ} 50'$. Продолжая плаваніе къ О, имѣли глубины 18, 17, 13 сажень; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 сажень. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ *Меркурьевъ* на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомиды, на NNW $\frac{1}{4}$ W, въ 3 $\frac{1}{2}$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го, западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно рассмотреть сего открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увѣрились въ обманъ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, подобныя которымъ

* Кажется, сіи два острова лежали въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не названъ, а Св. Діомиды положенъ согласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что сіи острова нынѣ не существуютъ.

носились по морю во множествѣ и во всѣхъ направленіяхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорь, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталъ штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ боть отстоялся на якорь; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣтя, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пушекъ частые призывные сигналы невозвращавшейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO наносило на боть много льда, для избѣжанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мѣлкимъ, однакожь и то не спасло боть отъ поврежденія форштевеня и самага борта, что съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лаптевъ послалъ интурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зи-

мованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ , при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ семъ положеніи дѣлали непрерывные , но тщетные сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа насталъ жестокій вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать , ледъ изломало и боть понесло къ NO , съ 10 футовъ глубины на 5 сажень , по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью , вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки , и утвердись въ NW четверти, приблизилъ боть къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно, на 12 футахъ, совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели , не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались идти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ въ шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на боть, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближняго рукава сей рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Такимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые от-

правились пѣшкомъ на берегъ , а 24-го числа и вся остальная команда перебралась съ бота въ Русское зимовье ; Якуты перевезли на собакахъ часть провизіи.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндякова, на нартахъ, описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мѣлкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмѣли простираются отъ него въ море, на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ предпринялъ спасти ботъ. Для того, со всею своею командою, разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Іюнѣ мѣсяцѣ привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, $70^{\circ} 58'$; склоненіе компаса $7^{\circ}. 00'$ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, направля путь къ востоку вдоль берега. 2-го

Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашелъ по счисленію $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый Первымъ Медвѣжьимъ, къ которому подошли вплотъ, имѣя $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Актомя*, и нашелъ по счисленію широту средины $71^{\circ} 00'$. Спыша воспользоваться безледностію моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ устья *Средней Колымы*, остановился на якорѣ, пославъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давши о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плылъ онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у Малаго Баранова Камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на OSO, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнаго прикрытія у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у Большаго Баранова Камня, остановлены льдянымъ полемъ, приикнувшимъ вплотъ къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ W; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а пройдя *Каменное* (холмъ на Мерхояновомъ островѣ) — глубину нашли отъ 2 до 7 сажень. 24-го находились противъ Нижне-Колымскаго острога,

гдѣ тогда было 10 жилыхъ домовъ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ, по обсерваціи, нашелъ широту острога $68^{\circ} 31'$, а 31-го числа наблюденіе показало $68^{\circ} 34'$ широты; склоненіе компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюденій лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя симъ мореплавателемъ, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ:

Лаптева. Въ 1823 г.

Мысъ Борго. $71^{\circ} 55'$ $71^{\circ} 56'$

« Святой Носъ $72^{\circ} 50'$ $72^{\circ} 54'$

Нижне-Колымскій острогъ. . $68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$ $68^{\circ} 32'$

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большею удобностію полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтъ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Іюля, вышелъ онъ на ботъ въ Ледовитое море, и плылъ на востокъ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ и промѣривать глубину; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдетъ удобный проходъ между льдами для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ, при противныхъ большею частію вѣтрахъ, подвигался медленно впередъ; 5-го Августа навалила на ботъ льдина, возвышавшаяся около 15 сажень надъ водою, и угрожавшая боту гибелью, но однакожь счастливо избежали опасности. Того же числа, находясь въ

30 миляхъ Италъ, отъ Лаптевскаго маяка на Колымѣ, у выюкаго каменнаго утеса, встрѣтили непроходимыя льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Колымскъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти Большаго Барадова Камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осматрѣннаго симъ удержаннымъ офицеромъ отъ рѣки Лены на 37° разности долготы,

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись рѣки Анадыря, и утѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, черезъ горы и страну, обитаемую враждебными намъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымскаго, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ Лобазнаго, на Большомъ Анию, Ноября 4-го, Лаптевъ, отданнымъ по командѣ приказомъ, установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походъ черезъ неприятельскую землю,

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Анию, потомъ перерезавъ чрезъ хребтъ горъ на рѣку Яблонъ, впадающую въ рѣку Анадырь, путешественники,

Ноября 17-го, достигли благополучно Анадырскаго острога, не видавъ на всемъ пути ни одного инородца. Въ острогѣ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывая Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналѣ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано : «Отъ 26-го до 28-го числа, по «ночамъ, видима была чрезвычайная звѣзда, или «комета, которая являлась около полуночи; хвостъ «отъ нея долгой, острой, лежащей къ югу, а «ниногда къ концу хвоста разделяется на двое «острыми же концами; свѣтлостію на подобіе «звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ поворачивается къ «W и отемнѣваетъ, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца, опредѣлилъ широту Анадырскаго острога $64^{\circ} 54'$; склоненіе компаса 20° . 00' восточное.

Іюня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Іюля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го повѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ сей городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ канитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи высшему начальству.

Описаніе сихъ путешествій представляетъ читателю рядъ опасностей, трудовъ и неудачъ, про-

тивъ конхъ плаватели наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимымъ рвеніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей и мужественнымъ терпѣніемъ, сими отличительными свойствами мореходцовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Не ослабляясь пристрастіемъ, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласиніуса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомятъ они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многого. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операцій замѣтимъ вкратцѣ : отъ Бѣлаго моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплаватели, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благопріятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи примѣтныхъ мысовъ и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія то было бы нужно. Однакожъ опись и

не вовсе лишена астрономических наблюдений широтъ и премировъ глубинъ, какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овчина, Минина, Челюскина, Прончищева и обонхъ Лаптевыхъ представляютъ немало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣки Таймуры, и отъ рѣки Оленека до Баранова Камня.

Но какъ описъ, болѣею частію, основана на счисленіи, подверженномъ неизбежнымъ погрѣшностямъ отъ теченій и непрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для широтъ не всегда были надежны, а для долготъ и вовсе ихъ не дѣлано, то она могла служить только приготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса св. Фаддея берегъ не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверо-восточнаго, иначе Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азіи, остается неопредѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ сихъ путешествіяхъ испытанныя, и невознаградившіяся желанными успѣхами, послѣ 20-ти лѣтняго бездѣйствія, казалось, усугубили духъ предпримчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ

построилъ при рѣкѣ Лена, на собственное издѣніе, галіотъ (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверо-восточной Азіи въ великій Океанъ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говоритъ, что Шалауровъ побуждался къ такому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етериканомъ, и исключительнымъ правомъ, даннымъ купцу Ляхову промышлять ихъ — мѣлнѣ, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе имѣло цѣлю и открытіе земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожъ Шалауровъ не пытался простирать своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ. Напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Шелагскій мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за славою разрѣшенія вопроса о сѣверо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ — сей славы принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь*.

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ текстѣ указа сказано, чтобы Устюжскимъ купцамъ Ивану Бахову и Никитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носа, отпускъ имъ учинить.

Сокращенное извѣстіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ извѣстнаго сочиненія Кокса и Сауерова описанія путешествій Биллингса. Иные достовѣрнѣйшіе и полнѣйшіе источники мнѣ неизвѣстны *.

Въ 1760 году, Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотъ внизъ по Ленѣ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалеко рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюль 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошедъ 6-го Сентября Святой Носъ, открылъ на сѣверѣ, въ маломъ разстояніи, гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошелъ не прежде 15-го числа черезъ проливъ, находящійся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діомиды. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за сѣмъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими островами и матерымъ берегомъ, былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и баттареею изъ быв-

* Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписями, которыми я также въ сѣмъ обзорѣ воспользовался.

шихъ на суднѣ пушекъ. Дикіе олени табунами приходили къ сему мѣсту, и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленіемъ зимы, пошла вверхъ по рѣкѣ рыба, нельмы, муксуны и омули, которая, доставляя мореплавателямъ въ изобиліи свѣжую пищу, предохраняла ихъ отъ цынги; однакожъ въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ сей болѣзни Иванъ Баховъ, оставя Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Іюля. Тогда Шалауровъ вышелъ изъ рѣки въ море, и до 28-го плылъ на NO и NO¹/₄O. Вышедъ на берегъ, сыскалъ онъ склоненіе компаса 11° 15' восточное. Противный вѣтръ и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтріе понудили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ вопутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣе NOtO; но галіотъ былъ увлекаемъ огромными массами льда, несомато сильнымъ теченіемъ, которое, казалось, направлено было къ западу, по одной верстѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, плаватели, противъ ожиданія, увидѣли себя близъ берега, возлѣ «яру сѣраго песку,» названнаго Пещаный мысъ. Впереди плавало немалое число ледяныхъ острововъ, которые 19-го числа галіотъ окружили и совершенно затерли *. Въ

* На Шалаурова картѣ написано: «За покрытіемъ туманомъ берега, и за неизвѣстнымъ моретеченіемъ, яко къ стѣнѣ мятлы льдины загустились, а сзади наплыло много льдовъ и судно при-

такое положеніи, и всердшнемъ туманѣ, оставился Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держась NO, войти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря; но противныя вѣтры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ пловучаго льда; пройдя черезъ нихъ, онъ опять направилъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій мысъ, но не дошедъ до него, встрѣтилъ противныя вѣтры, побудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ пачреніи поплылъ Шалауровъ на SO, къ отверзстой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго мыса и никакъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мѣль; у нижней оконечности, противъ устья рѣки Нахл. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на вольную воду, поплылъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни наноснаго лѣса, то, ища другаго мѣста, плывъ онъ по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабдеа*.

5-го Сентября, находясь противъ узкаго про-

тѣснито, а стояли до 23-го числа, иначе за незнаніемъ въ такой близости поперечнаго берега, а ежелибъ вѣдали чтобъ миновали Шелагскій мысъ и препятствіемъ спаслись.»

* На картѣ Шалаурова островъ названъ Заведей:

лива, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, конхъ жители убѣждали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадея; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехть на льдину, и плыли по теченію 5 верстъ» къ WSW; около сего времени увидѣли къ NOtN, въ дальномъ разстояніи, гору *.

12-го числа, Шалауровъ вошелъ въ Колыму и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примѣчательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ беретъ заворачивается къ NO, и проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Залчымъ Камнемъ*, и подобна согнутому рогу, а другая *Бараній Камень*, въ видѣ груши, то есть, верхъ шире низа, и возвышается надъ горизонтомъ воды на 29 ярдовъ. Такихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить: какія скалы, или горы Шалауровъ разумѣетъ? Гора, известная нынѣ подъ названіемъ Баранова Камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго моря до Шелагскаго мыса, я не за-

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 3-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстъ въ часъ; но я основывался на оригинальной картѣ Шалаурова, приписки въ ней совершенно объясняютъ его плаваніе.

мѣтилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго моря, отъ рѣки Яны до Шелагскаго мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею немалую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде него ни кѣмъ не осматрѣва, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $1\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было, что не касается берега между Колымою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о коей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунъ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго мыса, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по румбу NOtN, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на сей линіи, въ 75 Итал. миляхъ, отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожь мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему полагаю, что ледная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ $11^{\circ} 15'$ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, $17^{\circ} 12'$ восточн., а мною, въ 1822 году, $12^{\circ} 35'$ восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другими морепла-

вателями замѣчено въ семь морѣ, гдѣ лѣтомъ воды стремятся отъ востока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діомидъ, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ Дмитрій Лаптевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ Геденштремомъ въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ сей не найденъ, и прежняго существованія его не осталось даже и въ преданіяхъ промѣшленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ развѣзжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хронъ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діомидъ положенъ на обѣихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миль отъ ближайшаго берега. Сравнивая сіи карты съ картою лейтенанта Анжу, мы съ перваго взгляда удостовѣряемся, что островъ Діомидъ не присоединился къ берегу *, а, вѣроятно, смытъ, или сдвинутъ отъ сильнаго напора льдовъ; та же причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ сѣверу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучшій успѣхъ въ слѣ-

* Хрон. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

дующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обходъ Шелагскаго мыса, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Лену. Оттуда вздиль Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ Правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу, въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различныя были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предпріимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто сіе находится на матеромъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынѣ, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предпріимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ сомнительной неизвѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ пещрахъ земли тундреннаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой *, мамонтовые рога, подстрекали къ новымъ обрѣтеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ противъ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и настало время повѣрить извѣстія и распространить провозвѣщенность.

* Хрон. Истор. г. Берга, часть II, стр. 144.

Въ 1759, или 1760 году*, Устьянскій Якутъ Этериканъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчанное открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ названіе Этериканъ, или Первый Ляховскій островъ; послѣднее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь Ляхова, вздѣвшаго туда и открывшаго новые острова.

Купецъ Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикана было уже извѣстно, находясь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера черезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли сіи звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ, по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстѣ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался ночевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстѣ, другаго острова. Слѣдъ, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выѣхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ его поѣздкѣ, Правительство предоставило Ляхову исключительное право промышлять мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впредь откроетъ.

* См. Путешествіе Геденштрема, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 года, Ляховъ, сонутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливѣ морская вода казалась имъ весьма солона; теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на сѣверѣ, и скоро пріѣхалъ на нее, назвавъ ее Третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля, гористая, казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ наноснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котелъ мѣдный, обстоятельство, доставившее ему названіе Котельнаго острова.

Протодяконовъ рассказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песка со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовыя. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество наноснаго лѣса, и въ рѣчки вливали съ моря рыбы, между коими и краснотельная нерка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ, ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ

и оленей. Незнѣстность пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землеѣръ Хвойновъ, съ порученіемъ сопровождать Ляхову на ту землю и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибылъ въ Устьянскъ и по льду переправлялся къ Святому Носу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперекъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20 въ самомъ узкомъ. По срединѣ нашелъ онъ озеро, значительной величины, но весьма мѣльное, хотя берега его были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурныя погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землеѣра безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовьѣ на семь островъ до 6-го Іюня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь и благополучно пріѣхалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало Хвойнову довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурныя погоды и недостатокъ въ съестныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣлъ онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожь, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько извѣстій, что на картѣ начертилъ и второй островъ

со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова невѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣлъ Хвойновъ отрядынь во льдахъ, который на его картѣ, ниже на новѣйшей картѣ лейтенанта Анжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйствительно, болѣе не существуетъ *.

О Медвѣжьихъ островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя извѣстія. Надлежало ихъ привести въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о продолженіи Америки мимо Колымы, въ недалекомъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло поручено было геодезіи сержанту Андрееву**, посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго генер. губернатора Чичерина на Колыму.

* Извѣщено изъ журнала Хвойнова, помещеннаго въ *Atlas neue nord. Beyträge*; 7 ч., стр. 134 — 142.

** У Паласа, въ *Neue nord. Beyträge*, т. I, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысова, вздвигшихъ по Ледовитому морю въ 1763 году. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: «Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева,» и проч., веденный въ 1763 году. По Хронол. Ист. Берха, стр. 148, ч. II, сказано, что полковникъ Плениснеръ, будучи посланъ осмотрѣть Анадырскій островъ, и получивъ отъ Чукчей свѣдѣніе, что къ сѣверу отъ рѣки Колымы есть большая земля, именуемая Имогильнъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовѣриться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ о путешествіи Андреева вкратцѣ тоже, что въ прежде упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говорить, что послѣ

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымскаго острога, на собакахъ, къ рѣкѣ Крестовой, и оттуда на рѣку Индигирку, съ казакомъ Шкулевымъ, который долженъ былъ указывать путь. Возвратясь къ Крестовой и откормивши собакъ, Апрѣля 22-го, при благополучной погодѣ, отправились они по льду, на собакахъ, въ море, и перѣхавъ 90 верстъ, прибыли къ первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу, отъ востока къ западу, на 50 верстъ; ширина острова около 40, окружность до 100 верстъ.

Андреевъ, описывая подобнымъ образомъ и прочіе острова сей группы, находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости, развѣлившіеся землянки, или вкопанныя въ землю юрты. Особенно примѣчательна юрта, найденная имъ на скалѣ у третьяго острова, который, по описанію Андреева, превышаетъ величиною первый островъ, имѣя 120 верстъ вокругъ и 60 въ длину. Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны острова имѣется у берега называемый отпрядышъ, разстояніемъ отъ берега 11 сажень печатныхъ, и на прибыли межутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мѣлкая дресва, а оный камень отпрядышъ весьма

Андреева (путешествовавшего въ 1763 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, ѣздили по Ледовитому морю три геодезиста, Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ. По рукописному же журналу сихъ трехъ геодезистовъ видно, что они ѣздили по Ледовитому морю въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, а что касается до земли Имоглинъ, то извѣстно, что первый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ проливѣ назывался Имоглинъ. (См. Палласа, Н. п. В., IV, 107).

мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), лиственничныхъ; а становлены лѣсины вверхъ кореньями, къ землѣ же вершинами; такъ прилѣплено, какъ птица на деревѣ гнѣздо вѣсть, а сдѣлано подобно, какъ бытъ надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ наноснаго лиственничнаго матераго жъ лѣсу; поверхъ пола настланъ песокъ съ мѣлкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обставлено вокругъ, на подобіе юрты, дощечками и пластинами шести-четвертными, столь высоко, человѣку въ поясъ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накиданъ мѣлкій, наносный, лиственничный, еловый и осиновый лѣсъ, на коемъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями; оные проухи рублены и доски тесаны топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ, или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ея четыре сажени, въ длину $4\frac{1}{2}$ сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 сажень; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много же развалилось. А признается дѣлана оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣсотѣ того залавка, токмо

строена не Русскими людьми, а другими, но каковыи о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый, по его словамъ, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшибся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому Носу.» Описавъ найденныя два развалившіяся юрты, и «два камня, стоящіе, съ прѣзда отъ западной стороны, въ полугоръ, называемые кекуры, съ издали видимы наподобіе челоуѣковъ,» Андреевъ продолжаетъ, «да на «семъ же островѣ всходили на верхъ горы и смотрѣли во всѣ стороны. Въ полуденную сторону «виденъ голомешитъ камень, который, по разсужденію нашему, тотъ Ковыжскій камень, а въ «сѣво, въ восточной сторонѣ, едва чуть видѣть, «синь свѣтъ, или назвать какая чернь: что «такое, земля или полное море, но томъ въ по««длишникъ обстоятельно донести не умѣю.» Отъ сего острова возвратясь къ Крестовой рѣкѣ, по««чвали на третьемъ островѣ. Мая 1-го, потоваясь «бать, встали поутру рано, и «увидѣли, что два «медвѣдя побѣжали въ море, за которыми от««пустили собакъ и расшибли ихъ порошн, а «раздѣля на двое команду, догнали медвѣдей и «убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего, говорить: «Хотя по сказкѣ, данной отъ казака Федора Татаринова, съ товарищи, и показано отъ рѣчки

*

Крестовой до перваго, а отъ перваго до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, поперекъ и вокругъ, разстояніемъ верстъ, но только онаго весьма явилось много; а что касается по моей описи, то развѣ единая въ маломъ числѣ верстъ ошибка быть можетъ.»

Вопреки столь скромному увѣренію, Андреевъ въ описи погрѣшилъ на 440 верстъ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 верстъ. Также взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скалѣ юрта и скала тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году онѣ бывшею тамъ экспедиціею не найдены, почему думать должно, что льдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ сихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, по коимъ видѣли мы также немалое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины сего опустѣнія въ перемѣнѣ климата *.

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «Оставленныя жилища сіи подають намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, кромѣ шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго круговращенія.» Должно замѣтить, что сіи жилища не суть развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому Камню на полдень, синева замѣчена на лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ,» то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами, въ 1821 и 1822 годахъ, на 250 верстѣ: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая долженствовала бы намъ непременно открыться.

Вѣроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на пятомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингсу *, сказано: «Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности, полагаемый имъ величайшимъ, островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не довѣзшая того верстѣ за 20, наѣхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ и въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.»

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его опись Медвѣжьихъ острововъ, и вышеизложенная мною невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направленіи. Если же Андреевъ вѣхалъ въ ту сторону, въ которой усмотрѣлъ онъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую

* См. Путешествіе капитана Биллингса, изд. г. вице-адмираломъ Сарычевымъ, стр. 190.

землю и оленьи слѣды, то его открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, блуци на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно назваться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «Другія извѣстія доказываютъ, что сія земля имѣетъ жителей, которые называютъ ее *Тикегень*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохаевъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ. Нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы. Бывшіе при экспедиціи Биллингса, сотникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже абрисъ видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тономъ.»

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверо-западномъ берегу Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты могли быть извѣстны Американскому томену, а названіе народа Хрохаи взято изъ разсказовъ Чукчей Сѣвернаго мыса, какъ означено въ моемъ журналѣ.

Извѣстія, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверѣ землѣ, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Tobolska на Колыму. Г-нъ Берхъ нащелъ въ Tobolskomъ архивѣ журналъ сей экспедиціи, которая иначе осталась бы для насъ поднесъ секретною.

Въ 1767 году ѣздили геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пущкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ сей острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій островъ, и объѣзжая всѣ другіе острова, дѣлали имъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году, мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23-го Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ, по сѣверному его берегу, Леонтьевъ, по обсерваціи, нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отправились они въ море на $NO 18^{\circ}$, и проѣхавъ 37 верстъ по торосамъ и разолу, остановились на ночлегъ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодою и лургою.

26-го числа, проѣхавъ на $NW 5^{\circ}$ три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему не рѣшились слѣдовать далѣе, ибо

до большой Американской земли разстояніе неизвѣстно*. Притомъ не стало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себя ноги, такъ, что онѣ съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, прѣехали тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счету впередъ и обратно 839 верстъ и 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го изъ устья Чукотской протоки, и направили путь къ Медвѣжьимъ островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погоду оставались на семъ островѣ 5 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верстъ остановились на ночь.

17	на NO 8°	проѣх.	25	верстъ	300	саж.	} торосами.
18	— NO 5°	—	18	—	150	—	
19	— NO 5°	—	25	—	«	—	
20	— NO 5°	—	22	—	«	—	
21	— NO 5°	—	18	—	«	—	} весьма часты-
22	— NO 10°	—	18	—	«	—	
23	{ NO 15°	{	40	{	400	{	ми торосами.
24							

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодую.

27-го, «по видимости, что впереди торосы еще чаще,» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ числѣ 10 человекъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кор-

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что не доѣхалъ 90 верстъ до нея.

момъ и пищею на 3 дня, «для осмотра, не увидится ли гдѣ какая земля. На 5-й верстѣ доѣхали къ великимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстѣ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частіе торосы, черезъ которые не предвидя возможности ѣхать далѣе, поворотили 28-го числа назадъ».

На пути къ острову переехали они 5 разстѣли на льду, шириною по 1 аршину, и 1-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Колыму, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстѣ 150 сажень.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, приводятъ курсы ихъ въ широту $72^{\circ} 00'$ то мѣсто, гдѣ остановлены были свѣжими торосами.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колымска, и отъ устья Средней Колымы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на NO 77° , къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстѣ, почти на истинный востокъ, и не замѣтя ничего примѣчательнаго, поворотили на SW 10° , къ большому Баранову Камню, куда пріѣхали на 50-й верстѣ, 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бѣлаго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе, до губы Шелагинской; 28-го повернули назадъ, за неизмѣненіемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 сажень.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леонтьевымъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты не только вовсе не помышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей сія часть берега проведена съ довольною точностію. Такая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ сію послѣднюю поѣздку, показываются въ саженьяхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ такой способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Ноября 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Пленни-снера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губерна-торъ Чичеринъ, 1773 года, въ Августъ, послалъ

* Старики Нижне-Колымска помнятъ эту цѣпь, и рассказываютъ, что при описи Медвѣжьихъ острововъ тащили ее люди.

донесенія и карты, съ прапорщикомъ Леонтьевымъ, въ С. Петербургъ.

Экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три поѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предполагаемой ей Правительствомъ цѣли, но не была и вовсе безуспѣшна. Медвѣжьи острова съ великою вѣрностью, геодезически описаны, и море изслѣдовано къ северу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андреева о северной землѣ, обитаемой оленными народами, приняло видъ басни, равно и преувеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжьихъ острововъ, и ихъ размѣреніи, достаточно опровергнуто.

1778 года, Августа 11/23, появился Кукъ въ Беринговомъ проливѣ, съ извѣстною цѣлью: отыскать проходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо северныхъ береговъ Америки или Азіи. Лдяныя поля, примкнувшіяся къ Ледовитому мысу, остановили Кука на востокъ, а противныя вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западъ мыса, названнаго имъ *Сѣверный*, который опредѣленъ въ широтѣ $68^{\circ} 56'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$, отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ сего мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учиненная въ 1823 году опись показываетъ,

что догадки Кука въ семь случаевъ были невѣрны, а опредѣленіе широты мыса Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточное.

Азіятскій берегъ до мыса Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными, скалистыми берегами, въ разстояніи 3-хъ миль отъ материка.» На картѣ положенъ сей островъ, названный Burney's island, въ широтѣ $66^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5'$ вост.

Поелику около сего мѣста не находится другаго острова, кромѣ Кулючина, то, безъ сомнѣнія, Burney's island есть тотъ самый, до котораго, въ 1823 году, наша экспедиція доѣхала; описаніе наружнаго вида его совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по обсерваціямъ, учиненнымъ мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 26' 46''$, долгота, по счисленію, $184^{\circ} 28'$ вост.

Далѣе къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 3'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$, усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ него берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу онъ низменъ и направляется къ NNW и NWtW, почти

до самаго мыса Сѣвернаго. Глубины, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега, вездѣ почти одинаковы, какъ у Азіятскихъ, такъ и у противоположащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плывя вдоль нихъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лодка можетъ служить не бесполезнымъ вождемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ».

На счетъ сихъ замѣчаній капитана Кука можно сказать, что весь берегъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго, и отъ сего послѣдняго до острова Кулючина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; онъ перемѣняется, и именно около мысовъ *Оньманъ* (къ западу отъ острова Кулючина), *Кибера* и *Козьмина*, представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы и отвѣсныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азіи и Америки, къ сѣверу отъ Берингова пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Билей неоднократно думали видѣть примѣты близости земли на сѣверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ отъ береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, летѣвшія отъ сѣвера на югъ въ Августъ мѣсяцъ, въ такое время, когда сіи птицы, дѣйствительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льдовъ, все, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю, къ сѣверу отъ пролива. Теченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ , старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на сей предметъ вниманіе и Россіи. Кому неизвѣстны описанія экспедицій, отправленной въ сѣверо-восточную Азію и къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки , для географическихъ изслѣдованій , подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ *, который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Англійской секретаремъ экспедиціи Сауеромъ **.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цель сего предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для того (на рѣкѣ Ясаннѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога) построили два мореходныхъ судна, Палласъ*** и Ясашну****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, поплыли оба судна внизъ по Ясаннѣ и Колымѣ; и 18-го Іюня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ наши широту 68° 17' 14", долготу 163° 17'

* Немецкій переводъ, von Busse, Leipzig, 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 футовъ по килу.

**** 28 футовъ по килу.

30" восточную; склонение компаса 14° 14' восточное.

19-го числа, Палласъ поплылъ далѣе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сарычевъ замѣчаетъ: «Кажется вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ праваго берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевымъ для людей казармы, близъ коихъ вытасченъ былъ и боть его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходитъ съ трудомъ, и то въ водопольѣ, а во время убыли воды отмель бываетъ версты на три.»

23-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волненіе, и въ Ясашнѣ оказалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 сажень шириною, была отъ 3 до 5 сажень; на днѣ жидкій илъ. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подъ нимъ видно много наноснаго лѣса».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшіе заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далѣе. 28-го,

находясь въ заливѣ между Большимъ и Малымъ Барановыми камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію, на берегу, нашелъ широту того мѣста $69^{\circ} 27' 26''$, долготу, по хронометру, $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя: «Изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго моря положенъ далѣе къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

1-го Іюля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2-хъ сажень, понуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверо-западу простиралось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были повернуть обратно, «ибо высокіе и большіе льды, коимъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіяся объ нихъ волны производили ужасный шумъ.» Палась, 2-го числа, положилъ якорь въ заливѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашна скоро съ нѣмъ соединилась.

5-го, и въ слѣдующія числа, пытаюсь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, миновали 19-го Іюля Большой Барановъ камень, но прошедь на сѣверо-востокъ около 11 миль, ледяныя громады, изъ коихъ многія на

16 саженьхъ глубины доставали дно, принудили ихъ укрыться по западной сторонѣ сего мыса, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: «за невозможностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму.» Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и на завозахъ пошли на западъ. 26-го Іюля вошли въ устье Колымы, коей теченіе было столь тихо, что черезъ пять дней дошли до Нижне-Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія, Биллингсъ вторично собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было: «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойти, водою или берегомъ, мысы Целагскій и Чукотскій.» Опытъ показалъ, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство обѣхать мысы зимою на собакахъ, «но оно отвергнуто въ совѣтъ, такъ какъ неудобное, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корма болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ, положено съѣзжать еще покушениѣ съ восточной стороны, отъ Берингова пролива, на суданъ, приготовлявшіеся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суданъ *Слава Россіи*,

* Смотри. Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

зашелъ въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдаркахъ. Повѣривъ такимъ рассказамъ, болѣе нежели собственному опыту *, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойти моремъ Шелагскій Носъ, и, какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: проѣхать чрезъ Чукотскую землю, и вѣрнѣе дикому и коварному ея народу, пренебрегая даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа, капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезін сержанта Гилева, моремъ, на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Кулючина, откуда стараться выѣхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправясь, ѣхалъ на байдарѣ подлѣ береговъ до Восточнаго мыса, перешелъ пѣшкомъ чрезъ перешеекъ его къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ подлѣ береговъ къ NW, то на байдаркахъ, то пѣшкомъ, смотря по тому,

* Известно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его путешествіи, и что Кукъ достигъ мыса Сѣвернаго не встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

какъ носящіеся по морю льды ему позволяли или препятствовали; наконецъ, не доходя до острова Кулючина 90 миль, сидячіе Чукчи отказались провожать далѣе, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чужчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, черезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки Югней, впадающей въ Кулючинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Югней, осмотрѣвъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на 1½ фута тонкими закраинами, сверху загнущимися на вѣшнюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, врытые въ землю. Они всѣ наполнены, съ краями на-ровень, теплою, густоватою, бѣлесовато-го цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющіе съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 сажень въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти сажень. отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышащею сопкою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ,

вздвигъ по Кулючинской губѣ, до ея устья, которое по описанію «лежить въ 120 миляхъ отъ Берингова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина ея не болѣе семи миль. Въ нее впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: *Югней* и *Килью*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Кулючинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ его лежитъ островъ *Песлоне*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мѣлководно, а по восточную глубоко, такъ, что снѣгъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Кулючинъ лежитъ въ морѣ, отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, середина острова Кулючина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $185^{\circ} 26' W$, отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллингса, до перваго Русскаго селенія на Большомъ Аниѣ, при устьѣ Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностью, трудностями пути и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ заставлялъ направленія пути, и измѣрялъ пройден-

ныя разстоянія, означая въ журналѣ своемъ имена рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ разпросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «Она вся состоитъ изъ горъ и безплодныхъ долинъ; на горахъ никакой травы непримѣтно, исключая моха, который служитъ пищею оленямъ; вездѣ видѣнъ голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ намочки тальниковыя, очень нетолстыя; климатъ самый несносный: до 20-го Июля непримѣтно лѣта, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, снѣжныя кучи покрываютъ землю весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самыя долины, большею частию, болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяница, называемая шикшию. При берегахъ сѣверо-восточной, восточной и отчасти южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы, а во время

эймы, когда жители путешествуютъ, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ сей дикой страны, Биллингсъ въ своихъ запискахъ намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные, въ проѣздѣ черезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Ляхова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской Воеводской Канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми Ляховымъ. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ второго острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Столбовой*. Тотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посыланъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ, въ 1805 году, на востокъ отъ третьего Ляховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Өаддеевскихъ* островомъ, потому, что первое на немъ зимовье построилъ промышленникъ Өаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ сей земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Новою Сибирью*.

Въ то же время, купецъ Протодыконовъ, не-

имѣвшій сначала успѣха въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемилостивѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ островѣ, и тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Сіе обстоятельство подало поводъ Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, отправить г-на Геденштрома на сии острова, съ порученіемъ обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда Геденштрома, въ 1808 году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго острова узкимъ проливомъ, и называемый понынѣ *Бѣльковскимъ* островомъ.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г-нъ Геденштромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевинымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоящему путешествію приготовленія, г-нъ Геденштромъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ островѣ главную складку запасовъ и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя сіе намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г-нъ Геденштромъ привелъ се-

бы въ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограничены, но онъ старался вознаградить недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хорошій, «морской, или пель-компасъ.» Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, г-нъ Геденштромъ поручилъ землемеру Кожевину, съ астролябією, описать первую отъ Котельнаго острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Оаддеевскій островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый и запеленговать второй Ляховскій острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узнать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный островъ отъ Оаддеевскаго. Себѣ предоставилъ г-нъ Г., раздѣлясь съ Кожевинымъ на Оаддеевскомъ островѣ, описать открытую, по объявленію Сыроватскихъ, на 300 верстъ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ *Новою Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Янска, приѣхавъ къ первому Ляховскому острову (числа въ журналѣ г-на Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По прибытіи наконецъ на Оаддеевскій островъ, землемеръ Кожевинъ и Санниковъ съ г-нъ Геденштромъ раздѣлились. Онъ самъ направилъ путь на

Новую Сибирь, ввѣвъ вожатымъ Усть-Яскаго крестьянина Портнягина.

Землемѣръ Кожевникъ описалъ западный, южный и восточный берега Оаддеевскаго острова, объѣхалъ также первый, заплениговалъ второй Ляховскій острова, и возвратился въ Усть-Яискъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ переезжалъ во многихъ мѣстахъ проливъ между Котельнымъ и Оаддеевскимъ островами, и нашелъ, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г-нъ Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ; нашелъ, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстъ, какъ объявляли, прѣѣхали по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Яискъ, три дня послѣ Кожевина.

Г-нъ Геденштромъ, намѣреваясь въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на сѣвѣ острову, и увѣриться въ способахъ продовольствія на немъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лодовку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхояискъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Яискъ, чтобы не остаться празднымъ, дѣлалъ г-нъ Геденштромъ опись приморскаго берега къ Индигиркѣ. Тутъ узналъ онъ о возвращеніи, въ на-

чалъ Нолбря, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что даже во многихъ мѣстахъ не сходилъ снѣгъ и травы никакой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что берегового льда въ то лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три стана. Мѣщанинъ Санниковъ также вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Оаддеевскомъ островѣ и на Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное острие, для сбитія съ оленьихъ кожъ шерсти, а на Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все доказываетъ,» говоритъ г-нъ Геденштромъ; въ своемъ занимательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежатъ нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вмѣсто желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго?»

Зиму провелъ г-нъ Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время,»

говорить Геденштромъ, «протекало у насъ скорѣе, нежели у инаго при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посѣтила и насъ. Болѣе двухъ мѣсяцовъ продолжающаяся здѣсь ночь дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и вьюгъ, которые посылаетъ тогда благотворная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для человѣка зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принявъ для спутниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показалась она только у меня и у одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ другихъ предохранялись движеніемъ. Но повторяемые приемы селитры, отваръ кедроваго сланца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ нея.»

1810 года, Января 29-го, г-нъ Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Санникова, лѣтовавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г-нъ Геденштромъ отмылилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ увѣрившись, что Новая Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодолевъ многія препятствія и затрудненія, г-нъ Геденштромъ наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго Устья (на Индигиркѣ), на 29-ти нартахъ, въ море, держа путь къ поставленному имъ, въ 1809 году, кресту, близъ Песцоваго мыса. 13-го числа пріѣхали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малою ошибкою,» говоритъ онъ, «обязанъ я Деревянныиъ горамъ, которыя увидѣли мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ достояннаго навыка въ разъѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ, на 7 лучшихъ нартахъ, описывать берегъ къ востоку. У Песцоваго мыса опредѣлили по наблюденію склоненіе стрѣлки 15° восточн., а широту $74^{\circ} 45'$, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнится только $5'$ недостаточно.

Мыщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нарты черезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у Каменнаго мыса, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса виднѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро пріѣхалъ и Санниковъ. Проѣхавъ землю 70 верстъ на сѣверъ, выѣхалъ онъ къ мор-

скому берегу, откуда поворотилъ къ востоку и ночевалъ въ 5-ти верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Геденштромъ отиѣнилъ намереніе лѣтовать на ней, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новымъ открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, по всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлымъ яромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуцыркулемъ, почти соединяющимся съ Новою Сибирью. Но, къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась въ гряду высочайшихъ лѣдяныхъ громадъ, 15 и болѣе сажень вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Желая заpastись дровами на дальній путь, возвратился Геденштромъ отсюда на Новую Сибирь, и нагрузивъ ими нарты на 14 сутокъ, отправился вторично, 24-го Марта, на востокъ, но торосъ былъ столь густъ, что въ 4 дни проѣхали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и носящійся по морю ледъ. Сія вода была, какъ я послѣ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Новой Сиби-

ри до Медвѣжьихъ острововъ, что составить до 500 верстъ.»

Намѣреваясь ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьи Колымы, три раза приближался Геденштромъ къ полыньѣ, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости сей препоны, поворотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азіятскій берегъ около устья рѣки Курджягиной, пробывъ 43 дня въ пути (считалъ отъ Индигирки), вмѣсто предполагаемыхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, еслибы 11 убитыхъ имъ, бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормъ собакъ. 13-го Апрѣля пріѣхали къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправленія своего на Новую Сибирь, Геденштромъ послалъ на Колыму парочнаго, съ предписаніемъ изготовить подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, но какъ, вмѣсто такихъ, встрѣтили ихъ 4 весьма дурныя нарты, то онъ принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемера Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ онъ для лѣтовки на Котельный островъ.

Наконецъ, 18-го Апрѣля, Геденштромъ отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корма на 20 дней. У Баранова Камня продержала его жестокая буря отъ востока 7 дней; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видѣли мы стадо гусей, летѣвшихъ на NNW, и благо филина; на. N подымались облака; глубина морская уменьшалась. Все доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова Камня переѣхали мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доѣхали до щели въ 15 сажень. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на OSO, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морская, отъ 11½ саж., уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыя испытаны мною, десять лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20°, по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходить по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по коимъ, въ 1821 и 1822 годахъ, мы проѣзжали. 150 верстъ отъ Баранова Камня, гдѣ Геденштромъ нашелъ земляныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда, въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы попеременно полыньи и чрезвычайные тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Нами измѣренная глубина здѣсь 14½ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы 14½ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Геденштрома, и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время коей

многokратно измѣряема была глубина моря, возрастающая съ удаленіемъ на востокъ и умаляющаяся къ западной сторонѣ, не уменьшалась къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ его ошибки, тѣмъ болѣе вѣроятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго, на футь измѣреннаго лотъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ повѣрки обсервованными широтами. Что полагаемыя такимъ образомъ разстоянія весьма не надежны и у Геденштрома всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуетъ его описъ Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и филина въ значительномъ отдаленіи отъ материка не должно также насъ удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверѣ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдаль къ полыньямъ, пока вскрытіе рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а филинъ есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣдкахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ исходѣ лѣта видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностью, что они оставили сѣверную землю и возвращаются въ полуденныя страны.

Не видя возможности ѣхать далѣе на сѣверъ, Геденштромъ желалъ выѣхать къ Шеларскому мысу,

но тонкій ледъ ему и въ томъ покушеніи воспретствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашелъ онъ свой старый слѣдъ, по которому пріѣхалъ, 8-го Мая, къ Баранову Камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его продержала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Геденштромъ отправился, 18-го Сентября, на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ онъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не находя возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправились въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ черезъ тундру. «На семь пути,» говоритъ Геденштромъ, «примѣчательно «озеро Хастахъ, длиною 14, а шириною 6 верстъ. «Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ «великое множество, извѣстнаго по Естественной «Исторіи, смолистаго дерева (bituminosis Holz), «въ видѣ щепъ. Берега завалены имъ въ иныхъ «мѣстахъ на аршинъ вышиною; между сими щепами попадается мѣлкими кусками вещество, «очень похожее на камедь. Оно горитъ, какъ янтарь, но имѣетъ смолистый запахъ, и судя по- «тому есть, вѣроятно, ни что иное, какъ затвер- «дѣлая смола лиственницы. Ближнее разстояніе «сего озера отъ моря 115 верстъ, отъ лѣса 80 «верстъ.»

Онъ сообщаетъ намъ и другое, не менѣ примѣчательное явленіе природы. «На тундрѣ также
часть 1.

«находятъ, далѣе отъ лѣса, въ ярахъ, надъ озерами и рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и корою. Онѣ истлѣли, но жители употребляютъ ихъ на топку, въ случаѣ недостатка въ дровахъ. Онѣ не даютъ пламени. Жители называютъ сіи березы *адамовщина*.»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Геденштромъ о возвращеніи Санникова отъ Котельнаго острова. Вотъ краткій отчетъ его:

«Мѣщанинъ Бѣлковъ (компаньонъ купца Протодьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санниковымъ, лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ островѣ, для промысла мамонтовой кости и персцовъ. Они избрали для лѣтованія западную сторону острова, на которой предполагали имѣть изобильнѣйшіе промыслы, потому, что до сего времени никто на сей сторонѣ не бывалъ.»

«Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному берегу Котельнаго острова, въ 150 верстахъ отъ тѣхъ мѣстъ, до коихъ доходили прежніе промысленики, нашелъ:

1. «На берегу выкопанную могилу; тѣло было вырыто медвѣдемъ. Послѣ могилы стояла долгая, узкая и высокая нарта, строеніе коей отъ всѣхъ извѣстныхъ отлично, и доказывало, что тащили ее люди лямками. Въ одномъ концѣ могилы сдѣланъ деревянный крестъ, обложенный свинцомъ, съ обыкновенною, церковною, Русскою надписью. Подъ креста лежали желѣзный

«ботась (родъ узкаго однолезвѣйнаго копья) и «двѣ желѣзныя стрѣлы.

2. «Въ недалекомъ отъ сего мѣста разстояніи «было четырехугольное рубленое зимовье, въ которомъ найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго рога, тесанныхъ топоромъ.

3. «На рѣчкахъ, гдѣ линяють гуси, находилъ «Санниковъ гусиныя кости, въ доказательство, «что были здѣсь люди, а на морскомъ берегу «видѣлъ китовыя позвонки. Также замѣчено имъ, «что дикіе олени сего мѣста гораздо боязливѣе «и осторожнѣе находящихся на матерой землѣ «Сибири.

4. «Берегъ, въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ «доходилъ, оборачивается на востокъ, а на сѣверо-западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ, «видны высокія каменныя горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Индигирскимъ промышленникамъ было извѣстно, что на западномъ берегу острова никто прежде не бывалъ, то видѣнные признаки бытія здѣсь Русскихъ людей приписываетъ Геденштромъ крушенію какого либо коча мореходцовъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокихъ горъ на NW отъ Котельнаго острова, побудило къ намѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе все наслѣдовать. Окончательную опись Новой Сибири и Фаддеевскаго острова поручили геодезисту Пшеницыну, а казачьему сотнику Татарину, котораго обучили употребленію компаса, приказано попытаться объѣхать съ сѣверной сто-

*

роны полынью, протянувшуюся отъ Новой Сибири къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію изложенныхъ намѣреній для будущаго года въ исполненіе, ѣздилъ Геденштромъ въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ повелѣніе отъ Иркутскаго Гражданскаго Губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправленія на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытіи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что Гражданскій Губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго моря несутъ отъ экспедиціи, представлялъ уже высшему начальству объ ея уничтоженіи. По разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствій Геденштрома, предположено было окончить опись острововъ Котельнаго, Оаддеевскаго и Новой Сибири, однакожь съ тѣмъ, чтобы все выполнено было безъ Геденштрома, котораго Губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мѣщанинъ Санниковъ, сотникъ Татаринцовъ и унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ, находившійся съ Геденштромомъ во всѣхъ его разъѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ*, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Рускаго Устья (деревня на Индигиркѣ) на Новую Сибирь, въ нартахъ,

* Отчетъ сей выписанъ мною изъ приложенія къ журналу г-на Геденштрома.

обѣхалъ ее, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ ; съ сѣверной стороны Каменнаго мыса, сотникъ Татариновъ пускался въ море, но проѣхавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льда, за которымъ видно было открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго лѣса на южной сторонѣ довольно, а на сѣверной, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта 1811 года, пустился изъ Усть-Янска, въ трехъ нартахъ, на Оаддеевскій островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рѣшетникова, для приготовленія всего нужнаго къ лѣтованью на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Оаддеевскій островъ, и давъ нужный собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ его, съ которой началъ путь свой, море, почитаемое прежде проливомъ, оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Оаддеевскій островъ соединяется съ Котельнымъ. Сѣверо-западная оконечность Оаддеевскаго острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго, узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юго-востокъ и востокъ, составляетъ губу; въ восточной части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенска-

го мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ доѣзжалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣлъ Санниковъ на сѣверѣ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ не болѣе 25 верстъ, когда былъ удержанъ полыньей, простиравшеюся во всѣ стороны; земля ясно была видна, и онъ полагалъ, что она отъ него тогда не болѣе 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но проѣхавъ не болѣе 30 верстъ, доѣхалъ до открытаго моря.

12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный островъ для лѣтовки. 2-го Мая, обозъ его выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ благополучно на Котельный островъ. Олени, по долгому ожиданіи, наконецъ пригнаны на островъ 9-го Іюня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ уже былъ изрѣзанъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Назначенные для Пшеницына на Оаддеевскій островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшіе недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальняго пути къ Котельному острову, были весь-

ма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Юня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли всегда держаться берега, гдѣ рѣдко бываютъ довольно хорошія для оленей кормовища; зная также западную и восточную стороны острова на дальное разстояніе, приняли намѣреніе пройти внутрь земли, какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться его, сколько возможно ближе, пока опять дойдутъ до извѣстныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вверхъ по Царевой рѣкѣ, съ которой своротили вправо, на восточную сторону острова, къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой, все уже держась берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей путь совершили въ 54 дня, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. На пути питались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій Князекъ, посредствомъ приученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ семъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышенныхъ мѣстахъ, лошадиныя, буйволовыя, бычачьи и овечьи головы и кости въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что сіи животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но чѣмъ могли они питаться въ

такой бесплодной и суровой странѣ? Иначе изъяснить невозможно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сіи стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, кости которыхъ во множествѣ тамъ находятся, и тогда же произрасталъ и лѣсъ, окаменѣлые остатки котораго встрѣчаются цѣлыми слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150, множество Юкагировъ удалились на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вѣроятно, что сей народъ перешелъ потомъ на другіе острова или земли Ледовитаго моря.

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго ила. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости, и онѣ доказываютъ, что отъ Котельнаго острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающійся льдомъ, подобно Ледовитому морю при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ и костей ихъ не видывано.*

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты нерѣдко попадались въ сѣмъ морѣ.

самомъ берегу старое Русское зимовье и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ на то мѣсто, рѣшились открыть могилу; они нашли въ ней деревянный срубъ, а въ немъ нижнія челюсти чловѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбѣ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, кремѣнь обитый, костяной гребѣнь, и истлѣвшіе песцовые, оленьи и овчинные лоскутья, и юфтевые переды чарковъ (Сибирскихъ котовъ). Неподалеку отъ могилы нашли желтой мѣди кастрюлю, топоръ и перерубленные лыжи. Могила была вытаяна огнемъ, что доказывали найденныя въ ней обгорѣлыя головни и опаленная дрсва. Откуда чловѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ? Кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіатскимъ? Когда онъ здѣсь былъ и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.

«5-е. Близъ устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ соснового, а кокоры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленные мочалы.»

4-го Октября, Санниковъ отправился для обозрѣнія низменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда отсюда на Ѳаддеевскій островъ, для навѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрома, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣхалъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ

сотникомъ Татариновымъ на Ѳаддеевскій островъ, полагая провести на немъ лѣто. Онъ расположился въ зимовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ былъ туда привести Князекъ Юкагирскій, но какъ Князекъ не прибылъ, то старался Пшеницынъ пѣшкомъ, сколько возможно, слѣдовать берегомъ.

Перенеся величайшія трудности, онъ не могъ пройти и 50 верстъ, возвратился въ зимовье, и ожидалъ осени, чтобы выѣхать на матерую землю, или на Котельный островъ. Къ несчастію, не было въ то лѣто мышей на островъ (мыши островныя часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю), и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда ихъ прокормленія полагалась на мышей, которыхъ онъ лѣтомъ сами ловятъ. Завезенный кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября, прибылъ Санниковъ на Ѳаддеевскій островъ, и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ у нихъ перемерла, а остальные, по недостатку въ кормъ, столь были худы, что никакъ ѣхать было невозможно, а также и въ сѣстныхъ припасахъ терпѣли они крайній недостатокъ.

10-го Октября, всѣ, съ Санниковымъ и Рѣшетниковымъ, отправились съ Ѳаддеевскаго, и 13-го прибыли на Котельный островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словес-

ныхъ разсказовъ, составилъ журналъ и сочинилъ Котельному острову карту.

27-го Октября, отправились съ Котельнаго острова въ путь. На моръ подвержены были, по причинѣ тонкаго льда и многихъ полыней, великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всего избавлялись.

12-го Ноября, съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ. Отсюда Санниковъ и Рѣшетниковъ, 27-го числа, выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ, оленей экспедиціи, и удовлетворенія жителей за кормъ, нарты, и прочее. Окончивъ все, возвратился онъ въ Иркутскъ, въ Сентябрь 1812 года.

Тѣмъ кончилась экспедиція г-на Геденштрома, столь занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія сего достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естествознанія льдистой страны, такъ, что не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратцѣ изъ его журнала:

«По всему берегу Ледовитаго моря лѣсъ не растеть. Онъ оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мохомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растеть еще низкій тальникъ и ерникъ (*betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и нако-

нецъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ крайнихъ къ сѣверу мѣсахъ.

«Все пространство отъ мѣсовъ до берега Ледовитаго моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усыяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ наноснаго лѣса. Все доказываетъ, что сей увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальное разстояніе мѣли, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льда и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерывающія земляные слои.»

На Ледовитомъ морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣль мѣсяцъ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видать *Деревяныя горы* * на Новой Сибири. Разстояніе ихъ отъ Индигирки не менѣе 312 верстъ. Быковскій мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также часто ясно видѣнъ бываетъ съ мыса Бархая, влѣво отъ Яны, на разстояніи 115 верстъ.**

* Вышина ихъ, по измѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 20 саж.

** Въ журналѣ Геденштрома сказано 300 верстъ, но несправедливо.

О сѣверныхъ островахъ Геденштромъ замѣчаетъ, что берега ихъ, большею частію, состоятъ изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ, повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющееся, гнѣздообразное; имъ питаются бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кромѣ сѣверныхъ береговъ Оаддеевскаго острова и Новой Сибири. *Четвероногія*: олени, выше станомъ оленей материка Сибири; песцы, бѣлые и голубые; бѣлые медведи; мыши, бурья съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлыя; также замѣчены слѣды росомахи. Всѣ сіи звѣри туземные, вѣроятно, кромѣ росомахи. *Птицы*: бѣлыя куропатки; бѣлые филины, какіе бываютъ въ Лапландіи и по всему сѣверу; турпаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣ казарки, у коихъ крылья черныя, хвостъ и спина бурые, брюхо и зобъ свѣтло-бурые. Жители приморскіе называютъ ихъ *нѣмкѣми*. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. *Рыбы*: на Котельномъ островѣ, въ Царевой рѣкѣ, ловится красная рыба *зубатка*, а на Новой Сибири довольно *рогатки*. Она величиною до 4 вершковъ, походить на налима видомъ и вкусомъ, только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонѣе; на головѣ четыре твердыя, конической фигуры, возвышенности, отъ которыхъ рыба сія и имя свое получила.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири

смолистое дерево; тутъ же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутыя выше *Деревянные горы* названы симъ именемъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящіе изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ пещаника и смолистаго дерева, въ видѣ бревень. Въ утесахъ бревна сіи имѣютъ горизонтальное положеніе, а на самой вершинѣ горы стоятъ вертикально одно подлѣ другаго. Вышина концовъ, на поверхности земли, отъ 2 до 4 вершковъ. Видъ ихъ весьма походить на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что онъ совершенно походить на потухшій только что уголь, подернутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепломъ. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ нѣжная, бѣловатая плева его, крѣпко впрочемъ соединенная съ углемъ. *

На Котельномъ островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрѣдка темно-красные сердолики. Мамонтовые клыки, или, какъ нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попада-

* Лейтенантъ Анжу говорить о Деревянныхъ горахъ слѣдующее: «Онъ суть ни что иное, какъ отвѣсный, до 20 саж. земляной яръ, образующій морской берегъ, на разстояніи около 5 верстъ; въ семь яръ лежатъ, почти горизонтально, бревна кучами, мѣстами по 50-ти вѣсть, выходящія концами своими наружу. Самое толстое, мною видѣнное, имѣло въ діаметрѣ полторы четверти; составомъ хрупки, полутверды, чернаго, слабо-лоснящагося цвѣта; горять на угольяхъ трудно и издаютъ смолистый запахъ.»

лись тяжеле шести пудовъ, а напротивъ, на матеромъ берегъ, въ некоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнь того островная кость свѣжѣе и бѣлѣе. На первомъ Ляховскомъ островѣ примѣчательно, что если отиѣль на западной сторонѣ острова, отъ продолжительныхъ вѣтровъ, обнажается, то находятъ на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, не заслуживаютъ большаго вниманія. Широта Святаго Носа, полагаемая имъ $71^{\circ} 50'$, разнствуетъ ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, также недостаточно, противъ вѣрнѣйшей обсерваціи лейтенанта Анжу. Въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полу-градуса положенъ южнѣе новѣйшихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго острова до самаго восточнаго Новой Сибири по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 25 миль Итальянскихъ. Подобныя невѣрности дѣлаютъ опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотритъ изъ предшествовавшаго, что хотя сѣверные берега Сибири, и прилежащія къ нимъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однакожъ, за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна

географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соответствовать требованіямъ географовъ и мореходцовъ, и морскія карты берега разнствовали въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Такъ, напримѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ при путешествіи экспедиціи капитана Биллингса, положены: Святой Носъ $70^{\circ} 53'$, а сѣверный пунктъ берега между Алазеею и Колымою $70^{\circ} 07'$; у Геденштрома, первый $71^{\circ} 50'$, второй $70^{\circ} 27'$, а на оригинальной картѣ Дмитрія Лаптева, первый $72^{\circ} 50'$, а второй $71^{\circ} 05'$.

Сверхъ того, отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстія о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагскаго мыса. *

Наконецъ, неопровергнутыя преданія, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованіи земель на сѣверъ отъ Котельнаго острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію сей части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время, когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

* См. Burney's Chronological History.

Таковы были причины, побудившія блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ, съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ морѣ земель и точнѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскій мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда, въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части Естествознанія, и двухъ чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отпра-виться на рѣку Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ рѣки Колымы, порученъ мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлены къ сему отряду:

Мичманъ Матюшкинъ,
Штурманъ Козьминъ,
Докторъ Медицины Киберъ,
Слесарь Иванинковъ.
Матросъ Нехорошковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюденій находилось при семъ отрядѣ:

Секстановъ	3
Артифиціальныхъ горизонтовъ со ртутью	3
Карманный секстанъ	1
Азимуфъ-компасъ	1

тельнаго тайнаго совѣтника, Михайла Михайловича Сперанскаго; всѣмъ, что экспедиція совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ Его Высокопревосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ, отъ недостатка мѣстныхъ способовъ.

=

ГЛАВА II.

Отъездъ Экспедиции изъ С. Петербурга. Принятіе въ Иркутскъ. —
Плаваніе по рѣкѣ Ленѣ. — Городъ Якутскъ.

Оба отряда нашей экспедиціи отправились изъ С. Петербурга 23-го Марта 1820 года, и прибыли въ Москву 3-го Апрѣля. Здѣсь отделился я отъ начальника втораго отряда, лейтенанта Анжу; онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ, со всеми нашими инструментами, до установленія лѣтнаго пути, а я, поручивъ оставшемуся при немъ г-ну Козьмину частный присмотръ за инструментами, принадлежавшими къ моему отряду, поспѣшилъ, съ мичманомъ Матюшкинымъ, въ Иркутскъ, дабы тамъ немедленно заняться нужными приготовленіями къ дальнѣйшему пути. Для ускоренія ѣзды нашей, мы взяли съ собою только два небольшіе чемодана, съ необходимымъ платьемъ и бѣльемъ, и отправились на обыкновенныхъ перекладныхъ.

Разлитіе многихъ рѣкъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ крайне замедляло путешествіе наше, но вѣсть съ тѣмъ однакожъ и разнообразило его окружающими насъ видами. Всѣ удоля превратились въ огромныя вмѣстилища водъ и въ озера; изъ нихъ торчали вершины уже зеленѣвшихъ деревьевъ, представляя взору чудное явленіе плывучихъ садовъ, между которыми, несясь черезъ холмы и горные хребты по хорошимъ, и дурнымъ дорогамъ, достигли мы наконецъ до неизмѣримой Сибири.

Отъ Москвы до Иркутска, на пространствѣ 5317 верстъ, составляющемъ едва треть всего протяженія Россіи отъ запада къ востоку, встрѣчали мы нѣсколько разъ весну и нѣсколько разъ зиму; сворота въ сторону, на незначительное по Сибирскому размѣру разстояніе, мы могли бы найдти столь же легко совершенное лѣто. Въ Казани зеленѣли уже деревья и луга укрѣплялись прекраснѣйшими цвѣтами, а на высотахъ и въ долинахъ Уральскихъ горъ лежалъ еще глубокій снѣгъ. Въ окрестностяхъ Тобольска едва пробивалась свѣтлозеленая трава по отлогимъ мѣстамъ, между тѣмъ, какъ въ романическомъ Красноярскѣ улыбалась намъ роскошнѣйшая весна, а въ Иркутскѣ стояли сады уже въ полномъ цвѣтѣ. Къ сожалѣнію, спѣша на мѣсто нашего назначенія, мы только мимоходомъ удивлялись безпрестанно смѣнявшимся красотамъ природы и рѣзкимъ противоположностямъ всякаго рода, кото-

рыя дѣлались еще болѣе рѣзкими отъ быстрой
вѣды нашей, и отъ того, что не въ состояніи
будучи слѣдовать за постепеннымъ измѣненіемъ
предметовъ, переносились мы изъ великолѣпныхъ
чертоговъ столицы блококаменной Москвы въ юр-
ты кочующихъ Тунгусовъ, изъ необозримыхъ ду-
бовыхъ и липовыхъ лѣсовъ Казани на голыя,
снѣгомъ и льдомъ покрытыя тундры по берегамъ
Алазеи и Колымы. Какая разность въ климатѣ,
произведеніяхъ, населеніи, физіогноміи странъ!
Какое разстояніе между степенью умственного
образованія жителей столицы и народовъ кочую-
щихъ!

Коль скоро перепахнете за Уральскій хре-
беть, или, по тамошнему, за *Каменный Поясъ*,
слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно,
васъ поражаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ
рѣдкое добродушіе и привѣтливость обитателей
сей страны, которую все еще представляютъ се-
бѣ столь многіе, особенно иностранцы, ужасною,
хладною пустынею, наполненною злодѣями и
преступниками. Въмѣсто того, путешественникъ
встрѣчаетъ здѣсь, именно въ южной части, рос-
кошную растительность, хорошо воздѣланныя
поля, отличныя почтовые дороги, большія, хо-
рошо устроенныя деревни и совершенную без-
опасность, какую едвали можно найти въ обра-
зованныйшихъ государствахъ Европы. Вездѣ при-
нимали насъ съ радушнымъ гостепріимствомъ
и безкорыстіемъ, и безъ малѣйшей задержки,

тотчасъ отправляли далѣе. При перемѣнѣ лошадей, случалось ли то днемъ или ночью, вещи наши лежали на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъавленіи на счетъ того опасенія, намъ отзывали простосердечно: «Небось! Тутъ ничего не украдутъ.»

Мая 18-го прѣехали мы въ Иркутскъ, и остановились въ домѣ начальника Адмиралтейства, лейтенанта М. И. Кутыгина, у котораго, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, проведеннаго мною здѣсь, пользовался я самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Немедленно явился я къ бывшему тогда Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, дѣйствительному тайному совѣтнику Сперанскому. Его Высокопревосходительство, удостоивъ меня самаго лестнаго пріема, съ предупредительною готовностью доставилъ мнѣ всевозможныя пособія къ снаряженію и приготовленію всего нужнаго для нашего дальнѣйшаго путешествія, такъ, что въ короткое время успѣлъ я запасти всѣмъ, что только здѣсь и отсюда получить было возможно. Между прочимъ, М. М. Сперанскій сообщилъ мнѣ, по своей благосклонности, всю переписку, веденную имъ по предмету нашей экспедиціи, со всеми мѣстными начальствами тѣхъ областей, черезъ которыя проѣзжать ей надлежало, какъ равно и донесенія господина Гедештрома, посѣщавшаго въ 1811 году берега и острова Ледовитаго моря, приказавъ мнѣ представить

собственное мнѣніе мое обо всемъ, что казалось бы еще нужнымъ и полезнымъ для лучшаго успѣха въ предпріятіи нашемъ. Письменные свѣдѣнія и личное мое знакомство съ г-мъ Гедештрома, вызваннымъ въ Иркутскъ по распоряженію господина Генераль-Губернатора, были для меня весьма важны, ибо я узналъ уже здѣсь, что предстоитъ мнѣ въ Нижне-Колымскѣ и на берегахъ Ледовитаго моря. Картина странъ, покрытыхъ вѣчнымъ саваномъ, сотканнымъ изъ снѣга и льдовъ, странъ, гдѣ, кромѣ суроваго климата, полагалъ намъ непреодолимые препятствія еще недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ всякаго рода, такая картина была, признаюсь, по крайней мѣрѣ, непривлекательна; впрочемъ, она не имѣла никакого особеннаго вліянія на веселую бодрость нашу, съ какою приступивъ къ данному намъ порученію, мы взяли для того надлежащія мѣры.

По прибытіи въ Иркутскъ (въ первыхъ числахъ Іюня) лейтенанта Анжу, съ прочими къ экспедиціи принадлежащими чинами, и съ инструментами, оставили мы 25-го Іюня столицу Сибири, исполненные признательности и благодарности за участіе, дружбу и всѣ пріятности, которыми пользовались въ ней, и которыя были для насъ тѣмъ драгоценнѣе, что здѣсь нѣкоторымъ образомъ разставались мы съ образованнымъ свѣтомъ, отправляясь года на четыре въ льдистыя пустыни, гдѣ надлежало отказаться отъ всѣхъ пріятностей и наслажденій общественной жизни, ко-

торыми съ избыткомъ пользовались въ гостепріимномъ Иркутскѣ, и особенно въ радушномъ семейномъ кругу тамошняго Губернатора И. Б. Цейдлера.

Іюня 27-го, прибыли мы всѣ въ мѣстечко Качугъ, находящееся въ 236 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, которая отсюда начинаетъ быть судоходною. Тутъ нашли мы устроенный для насъ *павозокъ*, большое плоскодонное судно съ палубою, и нагрузивъ его припасами, заготовленными для насъ въ Иркутскѣ Адмиралтействомъ, пустились, 28-го Іюня вечеромъ, внизъ по теченію величественной Лены.

Урочище Качугъ являетъ собою нѣчто похожее на пристань, ибо отсюда сплавливаются всѣ купеческіе товары и казенныя тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Ленѣ.

Для того употребляютъ суда двоякаго рода: *павозки* и *Ангарки*. Первыя суть большія, широкія барки, которыя нагружаются всѣми тяжестями, отправляемыми до самаго Якутска, но по причинѣ своей величины, они не могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, и потому, прибывши къ мѣсту своего назначенія, разбираются, и употребляются, какъ въ Петербургѣ барки, на строеніе и дрова. Ангарки, напротивъ того, суда меньше, поднимающія неболеѣ 80 пудовъ груза, возвращаются назадъ греблею и бичевою. Есть еще родъ довольно большихъ, покрытыхъ палубою судовъ, съ парусами; ихъ употребляютъ для перевозки разныхъ товаровъ

по рѣкѣ, внизъ и вверхъ. Путешественники на-
легкѣ пользуются небольшими скороходными лод-
ками, и для безопасности держатся наѣстреннаго
берега; со станцій, расположенныхъ здѣсь въ
известномъ разстояніи одна отъ другой, они
имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколь-
ко лошадей значится въ ихъ подорожной, такъ,
что могутъ продолжать плаваніе свое доволь-
но скоро и безостановочно, особенно внизъ по
рѣкѣ.

Но вотъ все, что по сіе время сдѣлано здѣсь въ
пользу внутренняго сообщенія по рѣкамъ, а оно,
по своей великой важности, заслуживаетъ осо-
бенное вниманіе, въ столь малолюдной землѣ,
какова большая часть Сибири, гдѣ поселе-
нія отдалены одно отъ другаго нерѣдко на нѣ-
сколько сотъ верстъ, и преимущественно пото-
му, что поселенія, лежащія далѣе къ сѣверу, не
могутъ существовать, ежели не подвезутъ имъ
необходимыхъ для содержанія запасовъ изъ болѣе
южныхъ и болѣе обработанныхъ областей. Ве-
личественныя, исполинскія рѣки пересѣкаютъ Си-
бирь съ юга на сѣверъ, и, кажется, самую при-
родою предназначены нести избытки изъ юж-
ныхъ странъ ея въ отдаленныя сѣверныя, оби-
татели коихъ терпятъ недостатковъ во всемъ;
главныя рѣки соединяются между собою множе-
ствомъ побочныхъ, большихъ или меньшихъ,
но вообще судоходныхъ, такъ, что едвали най-
дется какое либо средоточное мѣсто, до ко-
торого нельзя было бы достигнуть водою. Та-

нить благодніемъ природы хотя и пользуются, отправляя съ Якутской ярмарки * въ Жиганскъ, и въ прочія, внизъ по Ленѣ лежащія селенія, на большихъ или меньшихъ судахъ, нѣкоторыя необходимыя жизненныя потребности и предметы роскоши, какъ то: муку, соль, чай, сахаръ, горячее вино, табакъ, и незначительное количество матерій, однакожь, при несовершенствѣ судовъ и недостаткѣ работниковъ для приведенія ихъ въ движеніе, плаваніе не только бываетъ весьма ненадежно, но и производится обыкновенно столь медленно, что транспорты часто зазимовываютъ, не достигнувъ мѣста своего назначенія, и принуждены бываютъ останавливаться до слѣдующей весны, гдѣ придется. Конечно, въ такомъ случаѣ доставляется иногда сухимъ путемъ нѣкоторая часть самыхъ необходимыхъ вещей, но сего рода доставленіе сопряжено съ столь великими затрудненіями, и обходится столь дорого, что привозимые такимъ образомъ въ незначительномъ количествѣ товары продаются по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, и большая часть бѣдныхъ жителей не въ состояніи ими запастись. Потому безпрестанно находятся они въ мучительнѣйшей неизвѣстности на счетъ столь

* Большая часть товаровъ отправляется по условіямъ, заключаемымъ на Якутской ярмаркѣ въ началѣ Августа; но какъ нижняя сѣверная часть Лены замерзаетъ обыкновенно въ Сентябрѣ, то нерѣдко случается, что значительные казенные караваны не доходятъ даже до Жиганска.

важныхъ для нихъ подвозовъ, тѣмъ болѣе, что остановка ихъ влечетъ за собою, кромѣ недостатка въ той или другой жизненной потребности, вредныя слѣдствія для здоровья вообще. Наконецъ, и самое сохраненіе грузовъ, остановившихся на зимовку, въ продолженіе которой часть товаровъ подвергается порчѣ, крайне обременяетъ прибрежныхъ жителей, обязанныхъ ставить нужное число сторожей для надзора за казеннымъ имуществомъ.

Всѣ сіи неудобства можно устранить, по моему мнѣнію, постройкою одного парохода, съ помощію коего суда успѣвали бы проплывать въ мѣсяцъ отъ Качужской пристани до отдаленнѣйшихъ мѣстъ нижней Лены. Совершая такимъ образомъ плаваніе, можно удобно дѣлать два оборота въ одно лѣто, и черезъ то достаточно снабжать сѣверную Сибирь всѣмъ нужнымъ. Отъ подобнаго ускоренія судоходства по Ленѣ, все пространство, тысячи на четыре верстѣ, между Иркутскомъ и берегами Ледовитаго моря, получило бы новую жизнь, промышленность возрасла бы въ тѣхъ странахъ, жители ихъ имѣли бы необходимыя потребности надежныя и по гораздо дешевѣйшимъ цѣнамъ, и Сибирское лѣто, понынѣ слишкомъ короткое, показалось бы болѣе продолжительнымъ отъ благоразумнаго употребленія времени. При великомъ множествѣ неизмѣримыхъ лѣсовъ, растущихъ по обоимъ берегамъ верхней Лены, снабженіе парохода дровами, уже нарубленными, будучи со-

пряжено съ незначительными издержками, представляет мало затрудненій, а жителямъ открываетъ новую отрасль промышленности.

Обратимся однакожь къ моему рѣчному плаванію. Судно наше, скользя на поверхности величественной Лены, между высокихъ, романическихъ береговъ, неслоь, или по теченію струй, или подъ распущеннымъ парусомъ, когда вѣтеръ благопріятствовалъ, или, въ противномъ случаѣ, на веслахъ.

Лена принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Отъ *Качужской* пристани до станка *Риги* (на разстояніи 400 верстъ) протекаетъ она черезъ страну гористую, покрытую дремучими лѣсами, между берегами живописными (особенно въ верхней, южнѣйшей половинѣ), въ своихъ видахъ до безконечности разнообразными. По скатамъ горъ видишь обработанныя поля, луга, огороды, и между ними хижины поселянъ, живущихъ здѣсь отчасти отдѣльными дворами, а отчасти небольшими деревнями *. Самая рѣка устьяна множе-

* Жителямъ сихъ мѣстъ причиняють великій вредъ разлитія рѣкъ, которыя отъ сильныхъ проливныхъ дождей и скоро растаявшихъ снѣговъ въ ущельяхъ горъ нерѣдко выступаютъ изъ береговъ, и разливаясь, заносятъ обработанныя уже поля, луга и огороды вязкимъ, бесполезнымъ иломъ. Черезъ то они лишаются плода трудовъ своихъ, и средствъ, для прокормленія себя и содержанія своихъ незначительныхъ стадъ рогатаго скота. Въ такомъ случаѣ они обращаются къ казеннымъ магазинамъ, которые каждый годъ, всегда изобильно, наполняются избытками съ плодородныхъ полей Иркутскихъ и Красноярскихъ. Сіи за-

ствомъ низменныхъ островковъ, поросшихъ лѣсомъ. Горы постепенно возвышаются и становятся болѣе утесистыми; у станка Риги вдругъ поворачивается Лена круто на востокъ, и съ перваго взгляда кажется, что сближающіеся внизу оба стремнистые берега, какъ будто стѣсняютъ теченіе рѣки. Съ сего мѣста принимаютъ многія отрасли горныхъ хребтовъ направленіе къ югу, и Лена, освободясь отъ стѣснившихъ ее доселъ горъ и отвѣсныхъ скалъ, величественно и великолѣпно продолжаетъ свое теченіе между низменными берегами.

Изъ рѣкъ, вливающихся въ Лену, на означенномъ пространствѣ, упомяну только объ Орленгѣ, впадающей въ нее съ правой стороны; она замѣчательна по мелко-зернистому песчаному камню, добываемому въ горахъ, образующихъ берега рѣки, и употребляемому жителями на бруски, которыми запаслись и мы; въ послѣдствіи, они были для насъ весьма полезны.

Между Риги и станкомъ Усть-Кутскимъ попадаетъ кое-гдѣ нѣсколько отмелей, затрудняющихъ плаваніе во время мѣлководья; далѣе однакъ ходятъ употребляемыя здѣсь плоскодонныя суда вездѣ безпрятственно. При устьѣ рѣки Куты, впадающей въ Лену съ лѣвой стороны, построено Рускими, въ 1631 году, первое постоянное зимовье на берегахъ Лены, которую

пасныя житницы весьма благодѣтельны и необходимы для существованія здѣшнихъ жителей; нуждающимся въ пособіи отпускаютъ изъ нихъ по дешереымъ цѣнамъ зерно и муку.

открыли въ первый разъ, въ 1607 году, Мангазейскіе, или Туруханскіе, а потомъ, въ 1628 г., Енисейскіе казаки. Послѣдніе спустились съ верховья *Идирмы* въ *Куту*, а первые поднялись вверхъ по рѣкѣ *Нижней Тунгускѣ*, изъ которой, преслѣдуя непокорившіяся еще *Якутскія племена* черезъ узкій волокъ, вошли въ *Вилую*, а по немъ въ *Лену*.

Отъ станка *Заборья* до города *Киренска* считается по сухому пути только 35 верстъ, а по *Ленѣ* 105. Она течетъ большими извилинами по сему пространству, которое отъ того и названо *Великими луками*, и при глубинѣ въ 7-мь сажень, не имѣетъ почти ни малѣйшаго стремленія. Отъ станка *Риги* горы опять начинаютъ показываться съ правой и съ лѣвой стороны. У *Киренска* вся лѣвая береговая покатость состоитъ изъ чернаго шифера, съ настилками слюды. Нѣсколько верстъ внизъ, на той же сторонѣ, находятся слои зеленаго шифера въ красной глинѣ; далѣе верстъ за 100 весь берегъ состоитъ изъ обыкновенной глины и не настоящаго шифера. Около такъ называемыхъ *Щекъ*, въ 250 верстахъ ниже *Киренска*, лѣвый берегъ образуютъ известковыя скалы, содержащія въ себѣ жилы кремнистой породы и кристаллы известковаго шпата. Сія скалы безпрестанно умножаются, на разстояніи 350 верстъ, выше города *Олекмы*, у котораго берега опять понижаются и дѣлаются низменными. Въ нихъ лежатъ во множествѣ обломки зеленаго порфира, простаго квар-

ца, съ глиммерными блестками и глиммернымъ шиферомъ, въ величайшемъ количествѣ. Около 150 верстъ до Олекмы, крутой берегъ состоитъ изъ слоевъ разноцвѣтнаго шифера, свѣтло-зеленыхъ, а въ промежуткахъ свѣтло-сѣрыхъ, очень тонкихъ; попадаетъ также шиферъ зеленого цвѣта, жесткій и неудобораскалываемый пещаникъ, а между шиферными настилками кое-гдѣ нѣсколько гипса. Наконецъ, весь лѣвый берегъ у Олекмы составляетъ глина, въ которой сѣроватый шиферъ стелется довольно толстыми пластами, и нерѣдко показывается прекрасный гипсъ, ослѣпительной бѣлизны.

Около 180 верстъ выше Якутска, у станка *Батомоя*, правый берегъ Лены образованъ изъ отвѣсно стоящихъ скалъ, которыя по своему виду называются *Столбами*; въ нихъ, говорятъ, находятся различныя породы мрамора. Далѣе, верстахъ въ 60 ниже *Столбовъ*, видны въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ, изъ чисто-известковаго камня, пещеры, подземные ходы и тому подобное. Это, кажется, остатки отъ бывшихъ поисковъ серебряной руды, которую, по известнымъ признакамъ, надѣялись здѣсь открыть; но какъ найдено только незначительное количество свинца, а серебра вовсе не оказалось, то работы вскорѣ прекратились. Въ одной изъ сихъ пещеръ, въ 120 верстахъ отъ Якутска, докторъ Киберъ нашелъ странное явленіе природы: посреди пещеры, въ нѣсколько сажень глубины, на утесистой почвѣ, растеть, по видимому, до-

вольно успѣшно, лиственница, не смотря на мракъ, ее окружающій.

Въ заключеніе моихъ краткихъ, неполныхъ замѣчаній о качествѣ Ленскаго берега, сообщу еще изъ что о двухъ примѣчанія достойныхъ, совершенно противоположныхъ ключахъ, находящихся верстъ за 150 ниже Столбовъ. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ крутаго известковаго утеса, на лѣвомъ берегу, издаетъ сѣрный запахъ при высокой температурѣ; другой, выходящій на правомъ берегу, содержитъ холодную, весьма прозрачную, но вкусомъ пресоленную воду.

Городъ Киренскъ есть не иное что, какъ довольно жалкая деревня, и не представляетъ ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшею капустою, картофелемъ, рѣпою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакожъ въ иные годы, при наступленіи раннихъ морозовъ, неслишкомъ удаются. Огороды располагаются всегда такъ, чтобы съ сѣверной и восточной стороны были защищены горами, утесами или лѣсомъ.

Неподалеку отъ станка *Частые Острова*, около 250 верстъ ниже Киренска, Лена, при глубинѣ въ 12 сажень, съ великимъ напоромъ протѣсняется между скаль, отвѣсно поднимающихся на 80 сажень. Сіе мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣлъ разъ сто или болѣе, и притомъ столь

усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышишь продолжительный бѣглый огонь, даже пушечную пальбу цѣлаго парка. На семь мѣствъ, рассказывали намъ, случилось за нѣсколько лѣтъ предъ симъ весьма печальное происшествіе: Тунгусъ, преслѣдуя на лыжахъ лося, замѣтилъ, въ своемъ охотничьемъ пылу такъ же мало, какъ и перепуганный звѣрь, что находится на краю отвѣсной скалы, и—оба низринулись въ 80-ти саженную бездну, на неровный ледъ рѣки, гдѣ нашли ихъ совершенно разбитыми.

По близости Щекъ торчитъ изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, называли *Пьянымъ Бычкомъ*, потому, что за нѣсколько лѣтъ, къ немалой ихъ радости, разбилось объ него, по неосторожности кормчаго, судно съ хлѣбнымъ виномъ, при чемъ они, разумѣется, поживились частію дорогаго груза. Этотъ памятникъ столь занимательнаго кораблекрушенія объѣхали мы благополучно, и при замѣтно уменьшившейся быстротѣ теченія проплыли мимо устья *Витима*, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюды, а еще болѣе по превосходнымъ соболямъ, которые, послѣ Олекминскихъ, почитаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще лѣса на правомъ берегу Лены изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ, какъ на лѣвомъ берегу они попадаютъ рѣже и мѣха ихъ цѣнятся не столь высоко. Естественной причины сказанному долж-

но искать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами, соединяющимися непосредственно съ лѣсами Яблоннаго Становаго хребта, * въ которые не проникали самые отважные промышленники; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, слѣдовательно, для нихъ доступнѣе.

Юля 9-го находились мы напротивъ города *Олекмы* **; тутъ, при сильномъ дождѣ, поднялась съ низу рѣки столь жестокая буря, что совершенно остановила теченіе рѣки съ нашимъ навозкомъ, и заставила насъ прибѣгнуть къ средству, которое употребляется здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ не безъ успѣха: связавъ веревками четыре листвени въ рядъ, прикрѣпили ихъ веревками къ передней части нашего судна, и привѣсивъ къ нимъ камни, погружали ихъ вершины въ рѣку, съ небольшимъ на сажень отъ поверхности воды; при такой глубинѣ, нижнее теченіе въ рѣкѣ, не будучи под-

* Такъ называется горный хребетъ, протягивающійся вдоль Лены съ востока на югъ, и соединяющійся съ Байкальскими горами.

** Олекминскіе соболі почитаются лучшими въ Сибири; нѣкій превосходный соболь продается по 50, по 100 рубл. и дороже. Здѣшніе бѣличьи мѣха, отличающіеся весьма густымъ, длиннымъ и темно-сѣрымъ волосомъ, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорогимъ цѣнамъ. Потому Олекма есть важный городъ въ торговлѣ пушными товарами; онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири порубежную черту земледѣлія, за которою, далѣе къ сѣверу, оно прекращается, да и здѣсь не всегда съ успѣхомъ производится; часто ранніе морозы уничтожаютъ надежды земледѣльца. Свѣютъ почти исключительно озимую рожь.

вержено вліянію вѣтра, понесло насъ впередъ посредствомъ нашего *подводнаго паруса*, вопреки вѣтру и сильному волненію, при чемъ нашего павозка не метало поперегъ рѣки, какъ прежде.

Не смотря на продолжительный дождь во время плаванія, нѣсколько разъ видѣли мы горящіе лѣса, на великихъ пространствахъ вдоль береговъ. Мѣлкій кустарникъ и сухой валежникъ были болышею частію уже сожжены, но испо-динокія сосны и лиственни, совершенно объятые пламенемъ, стояли густыми рядами, подобно огромнымъ огненнымъ столбамъ, и отражавшимся отъ нихъ въ рѣкѣ заревомъ, при ужасномъ трескѣ смолистаго хвойника, представляли, особенно ночью, великолѣпное зрѣлище. Подобные лѣсные пожары, простирающіеся нерѣдко верстъ на сто, случаются здѣсь довольно часто, и почти всегда отъ безпечности промышленниковъ, или провѣзжихъ: они не гасятъ огня, разводимаго ими для приготоуленія пищи, или для того, чтобы посредствомъ дыма избавиться ночью отъ комаровъ, омрачающихъ здѣсь воздухъ своими, подобно облакамъ густыми роиамъ, и причиняющихъ нестерпимое мученіе. Такіе лѣсные пожары, уже сами по себѣ вредные, дѣлаются несравненно вреднѣе потому, что тревожатъ и разгоняютъ дичь и пушныхъ звѣрей всякаго рода въ отдаленныя страны. Хотя вредъ на самихъ промышленниковъ падаетъ, но все таки не можетъ ихъ образумить и сдѣлать осторожными.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ подавались, мы тѣмъ пустыннѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы примѣтны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣльства, но далѣе исчезаютъ совершенно; жители достаютъ себѣ пропитаніе исключительно однимъ скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кромѣ станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія семенія, да и тѣ съ ихъ обывателями находятся въ бедственномъ состояніи. Пріѣзжавшіе къ намъ со станковъ гребцы были покрыты рубищами жалкаго вида, удручены недостаткомъ и нуждою, что замѣтно особенно на Русскихъ крестьянахъ, которые встрѣчаются до станка Улазаны, находящагося верстахъ въ 50-ти отъ Якутска; отсюда далѣе на сѣверъ все народонаселеніе состоитъ изъ однихъ только Якутовъ, которые, какъ природные туземцы, свыклись съ суровымъ климатомъ, проистекающими отъ него недостатками и средствами пособить себѣ гораздо болѣе, нежели чужеземные переселенцы, а отъ того и подвержены нуждѣ менѣе Русскихъ.

Проведя цѣлую ночь на мѣли, наконецъ достигли мы Якутска 25-го Іюля, по 27-ми дневномъ плаваніи отъ Качуга до сего города (около 2500 верстъ). Весною, когда рѣка течетъ гораздо быстрѣе и противные вѣтры не задерживаютъ, можно проплыть отъ 190 до 200 верстъ въ сутки, и совершить плаваніе въ 13 или 14 дней.

По прибытіи въ Якутскъ, немедленно явились мы къ тамошнему главному начальнику, стат-

скому совѣтнику Миницкому, известному своею прежнею, отличною службою во флотъ. Онъ принялъ насъ весьма ласково и дружелюбно, и во все время нахожденія экспедиціи нашей во вѣренной его управленію области, всегда съ предупредительною готовностію старался оказывать намъ пособіе и помощь во всѣхъ потребностяхъ, что въ лишенномъ всего, пустынномъ краѣ имѣло самое существенное вліяніе на успѣшный ходъ нашего предпріятія. Насъ обоихъ, г-на Анжу и меня, помѣстилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ; мы, въ продолженіе нашего пребыванія въ Якутскѣ, извѣли много случаевъ почерпнуть изъ его поучительной бесѣды весьма важные уроки и на опытѣ основанные совѣты, касательно странствованія нашего по такой землѣ, которую изучилъ и узналъ онъ послѣ долговременнаго въ ней пребыванія и многократныхъ путешествій по большей части Сибири.

Якутскъ носитъ на себѣ совершенный отпечатокъ хладнаго, мрачнаго сѣвера. Городъ расположенъ на голой равнинѣ, примыкающей къ лѣвому берегу Лены. Въ его широкихъ улицахъ видны только незначительные дома и хижины, окруженные высокими деревянными заборами. Между сырими, мертвыми бревнами и досками, тщетно будете искать дерева, или хотя одного зеленого кустика; ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременнаго лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею близкою,

быть может, нѣсколько оживляетъ печальную, сѣрую единообразность.

Въ городѣ считается всего 4,000 жителей, около 500 домовъ, 5 церквей (изъ коихъ три каменные и двѣ деревянные), одинъ монастырь; при насѣ строился каменный гостиный дворъ. Единственную достопримѣчательность Якутска составляетъ старинная деревянная крѣпость, или острогъ, съ угрожающими паденіемъ угловыми башнями, которую, въ 1647-мъ году, построили завоеватели Сибири, казаки. Сколь ни ветхъ сей памятникъ перваго основанія Якутска, однакожь жители взираютъ на него съ благоговѣніемъ, и охотно рассказываютъ о богатырскихъ подвигахъ своихъ предковъ, началъ и приращеніи своего любезнаго города, который, къ счастью, большая часть изъ нихъ любить и находить довольно красивымъ. Впрочемъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, онъ дѣйствительно улучшился приуѣтнымъ образомъ; уже исчезли всѣ Якутскія юрты, видѣнныя въ немъ, въ 1793 году; капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами; тогдашнія льдины *, и даже слюда, замѣнены стеклами, по крайней мѣрѣ, у болѣе зажиточныхъ горожанъ, а въ нѣкоторыхъ до-

* Во всѣхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странахъ Сибири вставленная въ отверстіе окна чистая лдяная пластина, спаянная снѣгомъ и водою, заступаетъ стекло, которыя отъ чрезмерно сильныхъ морозовъ лопаются. Да же слюда, изъ которой тамъ сбиваютъ окна, не можетъ устоять противъ жестокой стужи, и потому при наступленіи зимы вынимается и замѣняется лдяною пластиною.

махъ мерцаетъ уже заря комнатной роскоши, какъ то: большія окна, высокія комнаты, створчатыя двери, и тому, подобное, неоспоримое слѣдствіе благосостоянія жителей, и плодовъ неутомимаго попеченія, прилагаемаго достойнымъ областнымъ начальникомъ обо всемъ, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Якутскъ, какъ извѣстно, есть средоточіе немалой части сѣверной Сибирской торговли. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ береговъ Ледовитаго моря до находящагося у Олекмы горнаго хребта Алдана, изъ Удскаго острога, даже изъ Охотска и Камчатки, съ пространства, составляющаго нѣсколько тысячъ верстъ въ окружности, свозятся въ сей городъ драгоценнѣйшіе и простые пушные товары всякаго рода, сверхъ того моржевыя зубы и загадочныя мамонтовыя кости, остатки допотопныя, для промѣна или продажи въ теченіе лѣта. Въ оборотъ привозится всего болѣе нежели на два съ половиною мильона рублей, и однихъ пушныхъ товаровъ бываетъ мильона на полтора *.

Со вскрытіемъ Лежы купцы пріѣзжаютъ изъ Иркутска въ Якутскъ, привозя съ собою въ обмѣнъ всевозможныя товары, какіе только нужны здѣсь въ житейскомъ быту. Кромѣ крѣпкаго Чер-

* На ярмаркѣ 1836 года пушныхъ товаровъ въ продажу поступило: бѣлокъ 615 тыс., лисицъ 16 тыс., рѣчныхъ бобровъ 500, выдръ 300, куницъ 3000, песцовъ 20 тыс., горностаевъ 45 тыс., хорьковъ 3500, струн кабарожьей 10 тыс., соболей 18 тыс., моржоваго зуба пудовъ 1000, мамонтовой кости пудовъ 1900.

каскаго табаку въ папушахъ, играющаго важную ролю, главнѣйшіе предметы торговли суть: хлѣбъ въ зернѣ и мука, чай и сахаръ, горячіе напитки разныхъ сортовъ, особенно водка, Китайскія, бумажныя и шелковыя матеріи, нисшей доброты сукна, мѣдныя и желѣзныя вещи, стекло, и т. д. Жители Якутска не упускаютъ случая занаестись въ продолженіе ярмарки всѣмъ нужнымъ, ибо съ окончаніемъ расторжки мѣлкіе торговаша возвышаютъ цѣны на всѣ товары до чрезвычайности, а нѣкоторыхъ нельзя достать и за деньги.

Времени главной расторжки нельзя назвать собственно ярмаркою, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ въ Россіи: здѣсь не видишь ни тѣни того, что происходитъ на всѣхъ другихъ нашихъ ярмаркахъ; товары нигдѣ не выставляются; особенно ярмарка не сопровождается никакими народными увеселеніями; на улицахъ даже незамѣтно увеличившейся дѣятельности или суетливости. Купцы, какъ будто прячутся со всѣми своими товарами въ домахъ, или дворахъ; тамъ рѣшаютъ они свои дѣла, стараются, какъ можно болѣе содержать другъ отъ друга въ тайнѣ цѣны товаровъ и имена тѣхъ лицъ, съ которыми намѣрены торговать; они, мѣщане и казаки занимаются почти исключительно торговлею пушнымъ товаромъ съ окрестными Якутами; бѣднѣйшіе изъ нихъ употребляютъ капиталъ свой, сколь ни былъ бы онъ малозначущъ, на то, чтобы въ продолженіе зимы, мало по малу, пона-

купить нѣкоторое количество шкуръ, и потомъ съ значительнымъ барышомъ продать ихъ Иркутскимъ гуртовымъ купцамъ, или промѣнять имъ на различныя житейскія и другія потребности. Какъ говорили мнѣ, между Рускими не найдется ни одного ремесленника. Напротивъ того, здѣшніе Якуты, занимавшіеся нѣкогда только звѣриною ловлею и скотоводствомъ, принялись нынѣ за разныя ремесла и доставляютъ своимъ бывшимъ учителямъ, Рускимъ, все нужное, получая отъ того значительную прибыль. Между ними находятся искусные плотники, столяры; рѣзчики, даже живописцы *, и они отличаются понятливостью, любовью къ труду и порядку.

О воспитаніи дѣтей заботятся здѣсь мало; ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой либо Якуткѣ, которая, вскормивъ посылно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько обьякученного, родителямъ; дома онъ дорастаетъ, и научившись нѣсколько грамотъ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства Сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бывають крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества обьясняется, съ перваго взгляда

* Въ образа въ новомъ каменномъ Соборѣ, и столярная и рѣзная работы на иконостасѣ, произведены Якутами, весьма красиво и хорошо.

страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества Якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую Французскій въ обихѣ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцовъ мѣхами, въ именины своей жены. Общество состояло изъ областного начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ Якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе.

Хлѣбосольство жителей Якутска славится повсюду и вошло почти въ пословицу, но какъ здѣсь бываетъ обыкновенно мало пріѣзжихъ, или путешественниковъ, въ отношеніи которыхъ они могли бы исполнять сію добродѣтель, то Якутчане ограничиваются почти исключительно своимъ собственнымъ кругомъ, и имѣя много свободнаго, празднаго времени, проводятъ его въ довольно шумныхъ собраніяхъ, гдѣ кушанья и напитки составляютъ, разумѣется, главные предметы ихъ наслажденія. Послѣ пышнаго стола, приправленнаго наливками въ изобиліи, старики проводятъ остальное время за стаканчикомъ пуншу и карточнымъ столомъ, а дамы за кипящимъ самоваромъ и тарелками съ калеными кедровыми орѣхами, которые пощелкиваютъ безпрестанно; молодежь между тѣмъ танцуетъ Сибирскую

восмерку, модъ гусли, или скрипку. Такъ проходитъ день за днемъ, единообразно, безъ малѣйшей перемѣны, исключая развѣ тотъ случай, что нечаяннымъ образомъ попадется въ Якутскъ какой нибудь новый, въ остальномъ мѣрѣ уже преданный забвенію, дамскій нарядъ; онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, зависть и соревнованіе, ибо, не смотря на уединенность адышняго края, нарядъ составляетъ и здѣсь для дамъ самую существенную принадлежность и наслажденіе жизни. Каково въ Якутскѣ жилали прежде «во дни оны,» не знаю; слышалъ однакожъ отъ многихъ старожиловъ горькія жалобы, что настоящее поколѣніе крайне уклонилось отъ прежнихъ, скромныхъ и простыхъ нравовъ, страсть къ картежной игрѣ, нарядамъ, мотовству, чрезвычайно въ немъ усилилась, и разорила уже не одно семейство въ конецъ. По кратковременному пребыванію моему въ Якутскѣ, я не въ состояніи сказать ничего рѣшительнаго на счетъ основательности такихъ жалобъ; не слѣдуетъ ли однакожъ приписать ихъ отчасти также стариковщинѣ, которая здѣсь, какъ и вездѣ, почитая свой вѣкъ блаженнымъ, охуждаетъ настоящій?

Послѣ моего маленькаго отступленія, обращаюсь опять къ нашей экспедиціи.

Неутомимыми, дѣятельными распоряженіями г-на Миницкаго были мы приведены въ состояніе предпринять путешествіе къ Ледовитому морю еще до истеченія лѣта. Г-нъ Анжу поплылъ съ своимъ отрядомъ внизъ по Ленѣ въ первыхъ числахъ

Августа. Около того же времени отрядилъ я впередъ мичмана Матюшкина въ Нижне-Колымскъ, для приведенія въ порядокъ и устройства всего нужнаго къ принятію и пребыванію тамъ экспедиціи. Вскорѣ послѣ того, едва покрылись льдомъ болота и рѣки, поручилъ я штурману Козьмину присмотрѣть за всѣми изъ Якутска назначенными припасами, следовавшими равномерно въ Колымскъ, какъ главный пунктъ нашихъ дѣйствій, но самъ не могъ отправиться прежде 12-го Сентября.

=

ГЛАВА III.

ПУТЬ ОТЪ ЯКУТСКА ДО НИЖНЕ-КОЛЫМСКА.

Вьючныя лошади. — Первый ночлежъ. — Якуты. — Якутское селеніе Миоре. — Юрты, одежды, обряды, пѣсни, пища Якутовъ. — Якутскія деревни. — Черта Якутскаго характера. — Рѣка Алданъ. Рѣка Тукуланъ. — Ночлежъ въ лѣсу. — Верхо-Янскій хребетъ. Бродячіе Тунгусы. Станки Баранасъ и Таболахъ. — Городокъ Заниверскъ. — Окрестные жители. Рѣка Алазель. — Станокъ Сардахъ. — Средне-Колымскъ. — Зимнее дорожное платье. — Рѣка Онолонтъ. — Ъзда на собакахъ. — Прїездъ въ Нижне-Колымскъ.

У Якутска прекращается тележная и санная ѡзда; отсюда до Колымска и по всей огромной льдистой пустынь сѣверной Сибири нѣтъ ни одной проложенной дороги; только изрѣдка встрѣчаются узкія, кочковатыя тропинки, проложенныя черезъ болота, сквозь обширныя лѣса, густо сросшіеся кустарники, по холмамъ и крутымъ горамъ, такъ, что не иначе, какъ верхомъ на лошади, можно достигнуть до мѣстъ болѣе ровныхъ, гдѣ начинается санная ѡзда на оленяхъ и собакахъ. По такъ называемой Якутской до-

рогъ, отъ праваго берега Лены наискось до Алдана, устроены для перемѣны лошадей станціи, на разстояніяхъ 15, 18 и 40 верстъ.

12-го Сентября, въ полдень, при ясной погодѣ, отправился я въ путь, и съ поклажею своею перѣхалъ въ лодкѣ черезъ рѣку на противоположный берегъ, гдѣ на станціи должны были дожидаться насъ лошади.—Въ семъ мѣстѣ Лена сужена множествомъ острововъ, такъ, что главный средній протокъ ея нешире четырехъ верстъ. Моими спутниками были матросъ, прибывшій со мною изъ С. Петербурга, и отставной унтеръ-офицеръ изъ Якутска, прежде ѣздившій уже съ г-мъ Геденштромомъ по берегамъ Ледовитаго моря. Въ сношеніяхъ моихъ съ Якутами и другими Сибирскими племенами, онъ служилъ мнѣ толмачомъ; сверхъ того опытностью своею, ловкостью и истинно Русскою смѣливостью былъ въ послѣдствіи весьма полезенъ для экспедиціи. Мы заказали вообще тринадцать лошадей, изъ коихъ три были назначены для меня и моихъ спутниковъ, а остальные подъ инструменты, путевые припасы, зимнее платье, и разныя другія, въ дорогъ необходимыя потребности.

По прибытіи моемъ на станцію, я нашелъ ее совершенно пустою; не видно было ни людей, ни лошадей. «Худое начало!» подумалъ я, но унтеръ-офицеръ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что такъ случается часто, и что станціонныя Якуты съ своими лошадьми, вѣроятно, откочевали версты за три въ долину, гдѣ находятся лучшія пастбища. Тотъ-

часть отправили мы двухъ лодочниковъ отыскивать ихъ, а сами между тѣмъ развели на берегу огонь, чтобы пообогрѣться отъ довольно суроваго осенняго вѣтра, и подкрѣпить себя горячими щами къ предстоявшему пути.

Наконецъ, спустя часа три, показались наши проводники съ лошадьми, и мы тотчасъ принялись укладывать на нихъ свои вьюки, перевѣшивая на каждую лошадь по пяти съ половиною пудовъ: или 220 фунтовъ, именно по два съ половиною пуда на каждую побочную, и по полу-пуду промежъ побочныхъ. Для укрѣпленія и привязки вещей употребляются веревки, витыя изъ конскихъ волосовъ. Навьючивъ такимъ образомъ лошадей, привязываютъ заднюю поводами къ хвосту передней, такъ, что онѣ на ходу тянутся одна за другой гусемъ. При нашемъ караванѣ, въ девять лошадей, находились только два проводника; одинъ изъ нихъ сидѣлъ на передовой, управляя потѣздомъ, а другой на самой задней, присматривая за всѣмъ и пособляя первому, гдѣ нужно было. Должность проводниковъ претрудная; она требуетъ особенной смѣловости и умѣнья, потому, что въ гористыхъ мѣстахъ лошади часто сбрасываютъ съ себя ношу и отвязываются, а въ болотахъ вязнуть. Въ такихъ случаяхъ передній проводникъ долженъ быть въ готовности пособить и привести все въ надлежащій порядокъ, при чемъ, разумѣется, задній проводникъ, неусыпно надсматривающій за цѣлымъ караваномъ, работаетъ и хлопочетъ неменѣе своего товарища. Отъ долговре-

менного навыка проводники Якуты приобретают проворство и смелость, в столь высокой степени, что одного опытного из них достаточно бывает для управления выючным караваном в 20 лошадей, и содержания его в совершенном порядке, не смотря на то, что в таком случае он принужден бывает идти, большею частью, пешком. Караван следует шагом, и смотря по более или менее затруднительной дороге, проходит в сутки от 20-ти до 50 верст.

Приведение в порядок и увязка наших вещей занимали нас довольно долго, и мы тронулись уже под вечер, довольно поздно. Вскорь оставил я тянувшийся медленным шагом караван, и с одним из моих спутников отправился вперед. Мы шли по узкой тропинке, извивавшейся частью между ивовыми кустами, частью по равнинам, усыпанным небольшими озерами, на которых и между которыми водится множество диких уток и куропаток. В весьма короткое время, мы настреляли их себя на ужин довольно много, и при заходе солнца привали к стоявшей уединенно Якутской юрте; она величается почтовою станцією и находится от первой в 13-ти верстах. Начало уже смеркаться, и я решился было в ней переночевать, но вскоре оставил свое намерение, когда взглянув в нее, нашел ее наполненною людьми, животными и отвратительнейшею нечистотою. И так расположился я в ближнем лиственничном лесу, где довольно приятно про-

вель ночь, на разостланной медвѣжьей шкурѣ, подѣ толстымъ мѣховымъ одеяломъ, возлѣ ярко пылавшаго костра.

При восхожденіи солнца, я пробудился отъ сильно трещавшаго хвороста, который набросали прибывшіе съ вьючными лошадьми Якуты въ потухавшій уже огонь. Воздухъ былъ чистый и свѣжій; термометръ показывалъ 2° ниже точки замерзанія, что показалось мнѣ при одѣваньи довольно несноснымъ; съ содроганіемъ, въ буквальномъ смыслѣ сего слова, подумалъ я о предстоявшей Сибирской зимѣ, въ продолженіе которой нѣсколько градусовъ мороза называется *теплымъ погодою*, и не понималъ, какъ можно будетъ сносить безпрестанную, жестокую стужу! Но человекъ созданъ для всѣхъ климатовъ, для всѣхъ поясовъ земли. Нужда, твердая воля и свѣчка приучаютъ его ко всѣмъ неудобствамъ, даже къ самымъ ужаснѣйшимъ тѣлеснымъ страданіямъ. Спусти нѣсколько недѣль, мнѣ, паравнѣ съ Колымцами, казался морозъ въ 18-ть и 20-ть градусовъ мяткою температурою.

Вскорѣ все пришло въ движеніе; на огонь поставили для меня чайникъ, а для моихъ провожатыхъ котелъ со щами. Въ продолженіе нашего завтрака пригнали лошадей съ ближняго луга, навьючили, ихъ, и мы пустились далѣе, поднимаясь на возвышеніе, поросшее лиственницею и сосною. У тропинки, по которой тянулся нашъ поѣздъ, стояло нѣсколько устарѣлыхъ деревьевъ; ихъ сучья были увѣшаны конскими волосами, а кор-

ни утыканы множествомъ шестовъ и прутьевъ, изукрашенныхъ также подобнымъ образомъ. Намъ Якутъ проводникъ остановилъ караванъ, слезъ съ лошади, выдернулъ изъ ея гривы нѣсколько волосовъ, и съ благоговѣніемъ прицѣпилъ ихъ къ сучку одного дерева; за тѣмъ объявилъ онъ намъ, что умилостивилъ горваго духа такою, по туземному обычаю принесенною жертвою, можно уже надеяться на его защиту въ предстоящемъ пути. Странствующіе въ такомъ посвященіи здѣсь Сибирскому лѣшему прутья, втыкая ихъ въ землю. Такое простое изъясненіе благоговѣнія передъ невидимымъ существомъ замѣняетъ здѣсь длинныя молитвы, которыя совершаютъ въ Монголіи у Обо, или священныхъ холмовъ, находящихся почти на каждомъ, нѣсколько значительномъ возвышеніи. Здѣсь, равно какъ и тамъ, цѣль одинакова, и обычай протекаетъ изъ одного источника но только шаманскаго горнаго духа умилостивить, кажется, легче, нежели ламайскаго. Якуты впрочемъ строго придерживаются сего обряда, и даже тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, не гнушаются еще оказывать своему отставному горному духу знака почтенія.

Сегодня Якуты мои шли во всю дорогу безъ умолку; напѣвъ ихъ, единообразный и заунывный, есть отголосокъ ихъ скрытнаго, угрюмаго, суевернаго характера. Но болѣе разнообразія и поэзіи представляютъ самыя слова Якутскихъ пѣсенъ: въ нихъ воспѣваются красоты природы, стройно и

*

рѣскошно растущія дерева, шумъ быстрыхъ рѣкъ, высота горъ, и т. п. Пѣвцы большею частію минервизаторы, и усматриваютъ во всемъ однѣ очаровательныя красоты: въ пустынь прелестную страну, въ полуобгорѣвшемъ сосновомъ стволѣ прекрасное могучее дерево, въ первой встрѣтившейся грязной лужѣ чистое, словно кристаллъ, прозрачное озеро. Сначала приписывалъ я такія преувеличенія ихъ выпрѣнному воображенію, но вскорѣ узналъ отъ своего чичерона утѣрь-оффера, что они столь высокопарно превозносятъ область горнаго духа только изъ страха, чтобы его не разсердить и задобрить.

Провхавъ 13-го Августа 63 версты, и перемѣнивъ лошадей только разъ на половинѣ сего пространства, подъ вечеръ прибыли мы къ станціонной юртѣ. Во всю дорогу выхваляли мы ея просторъ, и особенно отличную опрятность; я было напередъ уже радовался хорошему, теплему почлегу, но, къ сожалѣнію моему, удостоверился, что надобно быть непремѣнно природнымъ Якутомъ, дабы найти хоть нѣсколько свѣдѣній досводствовавшую въ немъ, какъ и въ другихъ юртахъ, спертуюся атмосферу, и все ее сопровождавшее. Только частый, холодный дождь принудилъ меня укрыться въ хваленую юрту, но удумливый воздухъ, безчисленное множество всякой гадины, крикъ дѣтей и ревъ скотины, помѣщаемой въ жильѣ отъ холода, не дали сомкнуть глазъ, и я очень обрадовался разсвѣту и возможности отправиться въ путь. Отъ продолжительныхъ дождей дорога, и безъ

того уже негодная, еще болѣе испортилась, а въ нѣкихъ мѣстахъ сдѣлалась почти непроходимой, и потому крайне затрудняла нашу сегодняшнюю ѣзду; за то пробѣханное нами пространство представляло великое разнообразіе видовъ. Всесильный видъ придаетъ сей сторонѣ множество небольшихъ озеръ, которыми здѣсь усыяна вся поверхность, и которыя заставляли насъ употреблять въ объѣздъ болѣе 20-ти верстъ лишнѣхъ. Всѣ сіи небольшія озера, имѣя правильно-овальный очеркъ, заключаютъ въ своемъ образованіи ничто отмѣнно привлекательное: крутые, лиственницею поросшіе берега, защищая водную поверхность, уподобляютъ ее огромному гладкому зеркалу; вѣчно царствуютъ здѣсь тишина и безмолвіе, и нарушаются только изрѣдка испуганною птицею, или вертлявою бѣлкою, прыгающею по деревьямъ.

Провѣвъ около 40 верстъ отъ ночлега, мы спустились въ ложбину, или долину *Mjore*, по многимъ отношеніямъ примѣчательнѣйшее изъ всѣхъ мѣстъ, какія мнѣ встрѣчались на пути: она продолговато-круглаго, правильнаго очертанія, имѣетъ въ поперечникъ 8 верстъ, и окружена землянымъ возвышеніемъ, похожимъ на валъ, въ нѣкихъ мѣстахъ въ 10 сажень вышины, безъ сомнѣнія, берегомъ бывшаго некогда значительнаго, но уже изсякшаго озера; еще и нынѣ находится на самомъ днѣ долины много соединенныхъ между собою озеръ, небольшихъ, но чрезвычайно рыбныхъ. Это обстоятельство, и притомъ защищенное

положеніе долины и весьма обильныя пастбища, побудили некогда одного богатаго Тунгусскаго старшину, Міоре, по имени коего она называется, въ ней поселиться; но модававшіеся безпрестанно съ юга Якуты вытѣснили его отсюда далѣе, на лежащія къ сѣверу тундры, и основали здѣсь значительнѣйшее и многочислнѣйшее изъ всѣхъ поселеній, встрѣчающихся на пути до самаго Алдана. Множество большнхъ и малыхъ юртъ, изъ которыхъ нныя уже нѣсколько поколѣтъ на Русскія крестьянскія избы своимъ размахомъ, двѣ порядочныя церкви, съ колокольнями, живость въ движеніи народонаселенія, большія стада и табуны, все вмѣстѣ представляетъ разительную противоположность сей отменно веселой долины, сего оазиса, съ пустынею, его окружающею. Цвѣтущимъ своимъ состояніемъ обязано здѣшнее селеніе преимущественно одному Якутскому Головъ, который собственнымъ издѣліемъ построилъ и украсилъ упомянутыя двѣ церкви. Говорятъ, что его наличный капиталъ простирается до полумилліона рублей; не смотря на то, придерживаясь своихъ прародительскихъ обычаевъ, онъ еще не измѣнилъ нравовъ отцовъ: живетъ въ юртѣ, грѣется, какъ истинный Якутъ, у *чусала* (камина), пьетъ кумысъ * и ѣстъ на

* Известный напитокъ, который Якуты приготавливаютъ изъ кобыльаго молока, такъ же какъ и Татары, съ тою только разницею, что къ счастью ихъ, не умѣютъ дѣлать его хмельнымъ; онъ весьма пріятенъ и столь питателенъ, что Якутъ, отправляясь далеко отъ своего жилья на сенокосы, беретъ съ собою,

здоровье конину. Главнѣйшую отрасль промышленности сего поселенія составляютъ скотоводство, звѣриная ловля, торговля мѣхами и извозничество, по поводу коего держать здѣсь значительное количество лошадей.

О происхожденіи Якутовъ, ихъ обычаяхъ и образѣ жизни вообще писано уже столь много и столь подробно, что послѣ всего мнѣ кажется почти излишнимъ умножать прежнія извѣстія моими замѣчаніями, схваченными на лету, во время скорой ѣзды; ограничиваюсь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ этнографическихъ, главныхъ очерковъ, нужныхъ для уразумѣнія моего разсказа, дабы тѣмъ избавить читателя отъ труда рыться въ другихъ, полнѣйшихъ описаніяхъ.

Окладъ лица и языкъ Якутовъ совершенно подтверждаютъ преданіе объ ихъ Татарскомъ происхожденіи. * Они народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ по безконечнымъ лѣсамъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ Рус-

вмѣсто всякой другой провизіи, часто только мѣшка два кожныхъ кумыса, и нѣсколько дней сряду имъ питается.

* Преданіе говоритъ, что нѣкто изъ Татаръ, по имени Сахаларъ, перекочевалъ изъ какой-то земли, лежащей гдѣ-то за горами, къ Киренгъ на Лену, поселился тутъ, женился на Тунгускѣ, и сдѣлался родоначальникомъ Якутовъ, которые потому еще и нынѣ называютъ себя Сахаларами.

кимъ, заохотили и пристрастили Якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества приученные къ лишеніямъ всякаго рода, и въ нихъ закаленные, Якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

Пища ихъ состоитъ изъ кобыльаго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ, Якуты не имѣютъ никакаго понятія. Жиръ почитается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе онымъ — высочайшимъ блаженствомъ; они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топлёный, свѣжій и испортившійся, и полагая все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ, какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Дабы умножить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, берутъ они внутреннюю часть коры, сосновой, предпочтительнѣе лиственничной, оскабливаютъ ее, толкутъ мѣлко, мѣшаютъ съ рыбою, частицею муки, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на размазню и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ, такъ называемое, Якутское масло, по

настоящему родъ сыра, или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно изрядную пищу.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и при томъ самый крѣпкій, какой только достать могутъ, преимущественно Черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьянѣніе, которое иногда, ежели Якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Не зная искусства дѣлать курмысь хмѣльнымъ, почему потребно его великое количество къ произведенію желаемаго дѣйствія, они предпочитаютъ ему горячее вино, хотя имъ оно и весьма дорого обходится, по причинѣ привоза изъ отдаленныхъ мѣстъ. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью Якутовъ, ставятъ горячее вино и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

У Якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: лѣтомъ уросы, * родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обтянутыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травоямъ лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ, какъ хозяева стадъ безпрестанно за-пасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна;

* На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими лепестками, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый, и издали уподобляются испанскимъ холстиннымъ шатрамъ.

съ наступленіемъ зимы переходятъ Якуты въ свои теплыя юрты. Онѣ суть родъ хижины, строимыхъ поверхъ земли изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрезанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна, и имѣющей размеръ сообразно съ потребностями въ ней появляющихся. Въ такихъ жилищахъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими, квадратными отверстиями, въ которыя зимою вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбы пузыри, а иногда порядочно напитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ полъ опускается внизъ, обыкновенно на два, или на три фута, и плотно убивается изъ глины, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются изъ лежащихъ шестовъ широкіе залавки, похожіе на низкія полаты, которыя вмѣстѣ служатъ и кроватями, и по числу жильцовъ, или, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій. По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится чумалъ, родъ очага, или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варенья пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуютъ поэтической безпорядокъ и величайшая неопрятность. Въ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ

подъ крышею и кормятся сѣномъ, а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юрту, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ сѣнга. Только въ случаѣ дальнихъ поѣздокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкрѣпленія. Хотя зодчество и устройство Якутскихъ жилищъ крайне несовершенны, однакожь они въ полной мѣрѣ соответствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое гдѣ Русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни тонкіе древесные стволы, равномерно и чуваль, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, надитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ Якута въ разсужденіи удобства жизни, такъ, что онъ спокойно проводитъ продолжительную, ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныйя кожи, шьютъ платье, вяжутъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ,

и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную сосисовую размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса *. День заключаетъ нерѣдко какойнибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чуваль угольевъ совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ — иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Хотя почти всѣ Якуты крещены, и уже переведены на ихъ языкъ заповѣди, часть Новаго Завета и главнѣйшія молитвы, но только весьма немногіе изъ нихъ, и то жившіе долго между Русскими, имѣютъ нѣкоторыя основныя понятія о христіанской вѣрѣ; потому они все еще крѣпко придерживаются шамановъ и множества суевѣрныхъ обрядовъ языческихъ.

Главныя черты Якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходимость и

* Улусъ составляетъ цѣлое Якутское колено, состоящее подъ общимъ начальникомъ, Головою, и раздѣляющееся на нѣсколько наслѣговъ (ночлеговъ); каждый изъ нихъ имѣетъ своего старшину, или княца, изъ числа коихъ избирается Голова надъ цѣлымъ улусомъ. На Колымѣ есть улусъ, состоящій изъ десяти наслѣговъ. Принадлежащіе къ одному улусу называются родниками (родовичами).

скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отомстить, непременно передаетъ мщеніе своему сыну, или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ тяжбамъ, безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу, или доносъ, они тотчасъ готовы ябедничать; и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому провозшему, нмьющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя повздки, чтобы завести только тяжбу, черѣдко изъ-за одной полтины *. Необходимость и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсыянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ впрочемъ весьма разительную противоположность съ гостепріимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проезжимъ. Селиться обществами у нихъ не въ обыкновеніи; только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встрѣчаются кое-гдѣ наслѣги (ночлеги), состоящіе изъ нѣсколькихъ юртъ; напротивъ того, за Верхо-Янскимъ хребтомъ отстоятъ одна юрта отъ другой часто верстъ на двѣсти, такъ, что ближайшіе сосѣди не видаются иногда по цѣлымъ годамъ. Къ такому необыкновенно великому удаленію побуж-

* Тѣмъ отличаются особенно подгородныя Якуты, конечно, не безъ содѣйствія мѣлкихъ чиновниковъ, служащихъ въ ниспихъ присутственныхъ мѣстахъ, и питающихъ въ нихъ страсть къ тяжбамъ, разбирательство которыхъ приносить ябедникамъ пользу;

дается Якуть не столько нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя уже однажды сильную склонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклоняться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проѣзжающій по Якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на великомъ разстояніи жильевъ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

Вскоръ по прибытіи моемъ въ Міоре, явился ко мнѣ Голова улуса, съ однимъ Князцомъ и двумя писарями, чтобы поздравить меня съ пріѣздомъ и пожелать счастія на дорогу. Я угостилъ ихъ чаемъ, водкою, табакомъ, а въ замѣнъ того долженъ былъ выслушать предлинную Іереміаду жалобъ на разныя мнимыя притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ Якутскихъ казаковъ, которые, по ихъ увѣренію, будто бы безъ всякой нужды, безпрестанно проѣзжаютъ черезъ ихъ наслѣгъ и причиняютъ обывателямъ разныя обиды. Я старался успокоить своихъ гостей увѣреніемъ, что все это, вѣроятно, теперь прекратится, ибо Сибирскіе казаки, получивъ новое устройство, будутъ заниматься воздѣлываніемъ отведенныхъ имъ земель, достаточныхъ для прокормленія ихъ съ избыткомъ, слѣдовательно, тѣмъ самымъ лишатся они повода приниматься за непозволительныя средства къ пріобрѣтеніямъ. Но на дѣлѣ ничто не помогло, сколь ни благодѣтельны, сколь ни мудры устройство и вообще все новое постановленіе о Сиби-

ри для пользы и благосостоянія всѣхъ обитающихъ въ ней, разноплеменныхъ народовъ. Якуты все таки не отстаютъ отъ ябедничества и сутяжничества.

Отдохнувъ нѣсколько въ Міоре, и закупивъ достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, мы отправились, 15-го Сентября, далѣе. Дороги были крайне худы, и не разъ попадались мы въ болота, гдѣ лошади влезли по шею; однакожь, при чрезвычайномъ проворствѣ и расторопности нашихъ караванныхъ проводниковъ, намъ удалось безъ особенной бѣды проѣхать девяносто верстъ, черезъ самыя опасныя мѣста. Съ наступленіемъ ночи прибыли мы на станцію Алданскую, или Желѣзную, лежащую въ полуверствѣ отъ Алдана, который за девяносто верстъ отсюда впадаетъ въ Лену. У сей станціи прекращаются соединенныя Якутскія селенія, и встрѣчаются опять не ближе, какъ за 400 верстъ отсюда, за Верхо-Янскимъ хребтомъ, у Бараласа. Все пространство отсюда пустыня, усыпанная горами и скопившимися между ними болотами, которыя весьма затрудняютъ ѣзду; по сей причинѣ караваны никакъ не упускаютъ случая останавливаться у Алданскаго жилья, для надлежащаго приготовленія къ предстоящему пути, выбираютъ по нѣскольку самыхъ дюжихъ, надежныхъ, заводныхъ лошадей, не навьючивая ихъ ни чѣмъ, для замѣны усталыхъ въ случаѣ нужды, запасаются съѣстными припасами, и т. д., выжидая между тѣмъ, иногда по нѣскольку дней, сухой погоды, или мороза, чтобы

удобнѣе проѣхать черезъ болота. Намъ погода благопріятствовала; за нѣсколько времени наступившіе морозы скрѣпили болота, такъ, что мы, употребивши только одинъ день для дрэгготовленій, могли уже продолжать наше путешествіе.

Между Леною и Алданомъ простирается холмистая страна, примѣчательная по своему особенному образованію; ея возвышенія тянутся валоподобными грядами отъ востока къ западу, теряясь далѣе въ болотистыхъ покатостяхъ и низменныхъ мѣстахъ по берегамъ Алдана и Лены. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ, которыя на сѣверномъ спускѣ горнаго хребта образуютъ болотистыя удолья, болѣе или менѣе между собою соединяющіяся; на южной сторонѣ сіи углубленія, будучи отдѣлены одно отъ другаго и наполнены водою, составляютъ множество большихъ и малыхъ озеръ. Почти на срединѣ сего холмистаго пространства лежитъ круглая долина, верстъ восемь въ поперечникъ, усыпанная озерами, которыя всѣ между собою соединяются. Горный хребетъ здѣшній состоитъ весь изъ глинистой почвы, перемѣщенной съ супесью и поросшей преимущественно лиственникомъ; сѣверный склонъ его показался мнѣ гораздо круче южнаго.

Въ семъ мѣстѣ Алданъ будетъ шириною версты полторы, и съ великимъ стремленіемъ течетъ, въ западномъ направленіи, между земляными берегами. На сѣверъ за сею рѣкою показывается вдали гряда остроконечныхъ горъ, съ

снѣжными вершинами, и тянется, какъ мнѣ казалось, въ западно-сѣверо-западномъ направленіи.

Сентября 17-го переправлялись мы съ своими вещами и лошадьми черезъ рѣку. Почти на половинѣ переправы открылась значительная течъ въ нашемъ плоскодонномъ суднѣ; всѣ наши совокупныя усилія вычерпать нахлынувшую воду оставались тщетными; судно тонуло все глубже и глубже, и безъ сомнѣнія, пошло бы ко дну, если бы по близости, на срединѣ рѣки, не случилось, къ счастью нашему, небольшого острова; намъ удалось посадить судно на отмѣль, законопатить его сухою травою и мохомъ, и въ непродолжительномъ времени привести по возможности въ такое состояніе, что безъ дальнѣйшихъ приключеній доплыли мы до противоположнаго берега. Тутъ, на скатѣ, подъ огромною развѣсистой березою, раскинули мы свой большой *пологъ* *, или дорожную палатку, занялись стряпаньемъ себѣ обѣда, а лошадей пустили на отаву, пастись на блекнувшей уже травѣ.

На разсвѣтъ (18-го Сентября) потянулись мы далѣе. Узкая, едва примѣтная тропинка вела по пустымъ, болотнымъ мѣстамъ, на которыхъ невид-но было ни одного дерева; только изрѣдка попадались кое-гдѣ возвышенныя, скудно поросшія

* Пологомъ называется ровдужная, то есть, изъ выдѣланныхъ, мягкихъ оленьихъ кожъ сшитая, четырехугольная палатка, длиною въ 7, шириною въ 4, а вышиною въ 5 футовъ; ее употребляютъ только въ дорогѣ, и раскидываютъ, прикрѣпляя къ отѣсно воткнутымъ въ землю шестамъ.

травую луговины. Спутники мои говорили, что дальше и онъ совершенно исчезнуть; по сей причинѣ мы рѣшились сдѣлать привалъ на первомъ большомъ лугу такого рода, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, и подкрѣпить ихъ силы къ предстоявшимъ трудамъ, хоть и осеннимъ, но все еще довольно изряднымъ кормомъ. До того времени погода благопріятствовала намъ непрерывно, но тутъ вдругъ переменилась; небо заволокло мрачными, свинцоваго цвѣта облаками; пошелъ снѣгъ съ градомъ, а въ полдень стоялъ термометръ уже на 2 градусахъ мороза. Лошади наши между тѣмъ дружно принялись выгребать изъ-подъ молодого снѣга остатки скудной травы; мы сами укрылись подъ пологомъ вокругъ огонька, на которомъ кипѣлъ чайникъ—наша единственная отрада. Вдали слышались глухой ревъ и шумъ Тукулана, который, между узкими удольями горъ Верхо-Янскихъ, съ адскою яростью пролагаетъ себѣ путь къ Алдану.

На снѣдующій день ѣзда была крайне обременительна. Выбравшись съ великимъ трудомъ изъ окружавшаго насъ отвсюду болота, мы вступили въ мрачный лѣсъ, состоявшій изъ лиственницъ, ивъ, осинъ, и должны были продираться сквозь густо сросшіяся вѣтви и увалившія деревья, чтобы достигнуть единственного брода черезъ рѣку. Лишь подъ вечеръ добрались мы до пустынныхъ береговъ Тукулана и остановились почевать на лугу. Передъ нами, на сѣверъ бѣлалась длинная гряда снѣжныхъ горъ, видѣнныхъ мною уже съ Ал-

дана; за нами чернѣлся безконечный густой лѣсъ, а вокругъ царствовала мертвая тишина, прерываемая грознымъ ревомъ буйнаго Тукулана.

Съ утра (20-го Сентября) переправлялись мы чрезъ рѣку, въ бродъ; лошади шли въ водѣ по сѣдло; стремленіе было ужасное, но дно твердо и ровно, такъ, что мы безъ всякаго вреда, только изрядно промокши, достигли до противоположнаго берега. Кромѣ сей переправы, намъ пришлось переходить въ бродъ еще черезъ нѣсколько другихъ рѣкъ, менѣе широкихъ, но столь же быстрыхъ, какъ и Тукуланъ; значительнѣйшія изъ нихъ были: *Торо-Тукуланъ* (поперечный Тукуланъ) и *Анти-Мердахъ* (железные ворота). За сильными проливными дождями и внезапнымъ таяніемъ снѣговъ, послѣдняя наводняется столь быстро, что уносить съ собою и низпровергаетъ все, встречающееся ей на пути. По всему логу сихъ рѣкъ разсыяны вырванные съ корнями деревья, и громады камней, отторгнутыя съ высотъ и брошенныя сюда стремленіемъ водъ во время весеннихъ наводненій, что затрудняло насъ на каждомъ шагу и утомило лошадей до такой степени, что мы принуждены были сдѣлать привалъ гораздо раньше обыкновеннаго.

Зима, казалось, начала теперь совершенно устанавливаться; термометръ стоялъ на 5° мороза; обильно выпавшій снѣгъ не таялъ и покрывалъ всю окрестность. При скудномъ единобразіи нашихъ переваловъ, мы радовались такой,

хотя и неслишкомъ привѣтливой перемены, пред-
вѣщая уже здѣшнюю зимнюю, кочевую жизнь.
И такъ, выбравъ ровное, чистое мѣсто между вы-
сокими деревьями, доставлявшими нѣкоторую за-
щиту отъ вѣтра и вьюги, и очистивъ его нѣсколь-
ко отъ снѣга, мы притащили превеликое сухое
дерево, которое послужило средоточіемъ нашему
становищу, и вмѣстѣ основою порядочному ог-
ню, освѣщавшему всю окрестность. Въ слѣдъ за-
тѣмъ, проводники наши, съ удивительнымъ про-
ворствомъ, разложили на сырой землѣ мѣлко на-
рубленнаго хвороста и покрыли довольно тол-
стый настилъ его зелеными вѣтвями, растущаго
здѣсь во множествѣ, низменнаго кедровника, или
сланца. На такомъ душистомъ коврѣ поставлены
были три полога, такимъ образомъ, что они со-
ставляли три стороны квадрата; четвертую заня-
ли проводники, но какъ, по ихъ мнѣнію, было еще
довольно тепло, то удовольствовались единствен-
но тѣмъ, что на покрытой снѣгомъ землѣ разки-
нули потники съ лошадей, а въ изголовья, вмѣсто
подушекъ, положили по сѣдлу. Пока мы занима-
лись установкою своихъ палатокъ, они уже успѣ-
ли развьючить лошадей, обтереть ихъ не много
сухою травою, и привязать къ стоявшимъ тутъ
деревьямъ, мордами повыше, чтобы онѣ не хвата-
ли холодной мокрой травы, или снѣгу, пока не
простынутъ.

Устроясь такимъ образомъ, мы успѣли на-
полнить чайники и котлы рѣчною водою, или мо-

лодымъ снѣгомъ, и подвѣсить на огонь. Въ ожиданіи отраднaго чаю и сытнoй похлѣбки, мы заняли свои гаизы, коротенькія Якутскія трубки, съ величайшимъ усердіемъ помѣшивая дрова, чтобы скорѣе поспѣлъ нетерпѣливо ожидаемый ужинъ. Въ непродолжительномъ времени исполнилось общее желаніе, и всѣ подкрѣпили свои истощенныя силы простою, но здоровою пищею. Потомъ проводники наши принялись, какъ водится, рассказывать о приключеніяхъ своихъ, или своихъ короткихъ знакомыхъ, на звѣрнoй ловлѣ и въ дальнихъ странствованіяхъ. Это любимый предметъ, скажу болѣе—страсть Якутовъ и Сибирскихъ Русаковъ; на рассказы они неистощимы, и чтобы возбудить вниманіе своихъ слушателей, стараются переневолять другъ друга смѣлымъ преувеличиваніемъ безконечныхъ походовъ, истинныхъ и вымышленныхъ. Такъ сегодня вечеромъ занимали насъ два краснобая повѣстями о томъ, какъ одинъ казакъ, почти вдругъ, убилъ трехъ, на него напавшихъ медвѣдей, одного ножомъ, другаго топоромъ, третьяго дубиною, да еще о неслыханныхъ примѣрахъ неимоверной силы сохатаго (Сибирскаго лося), который на всемъ скаку, будто бы, можетъ рогами своими вывернуть и повалить на землю большое дерево съ корнемъ. Послѣ такой назидательной бесѣды, сократившей нашъ вечеръ, мы вползли въ свои пологи, и на разостланныхъ медвѣжьихъ шкурахъ, подъ плотными мѣховыми одеялами, проспали цѣлую ночь довольно хорошо и тепло. Проводники на-

ши, пустить лошадей * на занесенную снѣгомъ отаву, также вѣзались на мотники, и послѣ дневныхъ трудовъ спали подъ открытымъ небомъ, вѣроятно, не хуже нашего.

Не всегда однакожь пользуются здѣсь путешественники немарушимымъ спокойствіемъ, нашему подобнымъ; весною и лѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняются, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Отъ того-то опытные и осторожные Сибиряки остаиваются всегда подъ двумя, тремя, близко сѣмными, большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшею поспѣшностью, сплетаютъ они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева

* Въ сѣверной Сибири лошади, кажется, какъ будто переродились; онѣ росту небольшого, шею имѣютъ толстую, кости, соразмѣрно съ величиною, весьма крѣпкія, шерсть блесовато-сѣрую, длинную, мохнатую, и какъ у прочихъ четвероногихъ сего края, въ межень (среди лѣта) линяющую. Во время самыхъ трудныхъ переездовъ, продолжающихся иногда по три мѣсяца, онѣ питаются единственно ялаго, полусгнившаго травою, вырѣбая ее копытами изъ-подъ снѣгу, но не смотря на то, остаются дородными, сплыми, и неописанно, что могутъ онѣ выдержать. Достопримѣтельно, что у Якутскихъ лошадей, даже, когда онѣ слишкомъ состарѣются, зубы не портятся, между тѣмъ, какъ у нашихъ, они съ лѣтами крошатся, безъ сомнѣнія, отъ зерноваго корма, котораго первымъ никогда не даютъ, предоставляя имъ питаться одною лишь травою. Вообще онѣ остаются молодыми несравненно долѣе нашихъ, такъ, что двадцатилѣтнія почитаются у Якутовъ еще не старыми, и служатъ, обыкновенно, сплосъ по тридцати лѣтъ.

до другаго, и со всѣми своими пожитками, вися на немъ между небомъ и землею, спокойно выжидаютъ скорого стока воды, хотя и лишаются средствъ защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Тукулана, ложбина его суживается болѣе и болѣе; крутыя скалы по обѣимъ сторонамъ сходятся ближе и ближе; лѣса, украшающіе берега сей рѣки, постепенно рѣдѣютъ и наконецъ исчезаютъ. Чаще всего попадаются въ нихъ тополи, огромной высоты и толщины; встрѣчается также много ивы. Далѣе, въ сторонѣ отъ берега, на сухой и каменистой почвѣ, растутъ березы и ели, преимущественно же низменный кедровникъ (по здѣшнему сланецъ). Онъ стелется по скатамъ и ущельямъ горъ; его мѣлкіе, но вкусные орѣшки равно привлекаютъ неповоротливаго медвѣдя и рѣзвую бѣлку. Въ густыхъ еловыхъ и лиственничныхъ лѣсахъ гнѣздятся во множествѣ глухари и куропатки.

22-го Сентября, мы ночевали на безлѣсной долинѣ, у подошвы горы, подъ защитою навѣсной скалы. Приближеніе зимы становилось съ каждымъ днемъ чувствительнѣе. По утрамъ термометръ показывалъ 16° мороза, а ночью, не смотря на толстое мѣховое покрывало, нельзя было согрѣться. Мы достигли подошвы Верхо-Янского хребта; переходъ черезъ него самая труднѣйшая и опаснѣйшая часть пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. Должно взбираться по

голымъ, скалистымъ крутизнамъ, съ ежеминутною опасностью сорваться съ скользской высоты, или проходить по узкимъ, заваленнымъ снѣгомъ ущелиямъ, прогребая себѣ лопатами дорогу. Борясь съ такими препятствіями и опасностями, мы достигли, послѣ трехъ часовъ ѣзды, высочайшаго пункта перевала. Вершины горъ поднимаются отсюда еще на 800 футовъ, и дорога пролегаетъ между ними. Лѣтомъ переходъ менѣе затруднителенъ, но ужасенъ по частымъ и жестокимъ бурямъ, здѣсь случающимся, а зимою всѣ возможные опасности угрожаютъ путешественнику. Между прочимъ, изъ ущельевъ и пропастей внезапно вырываются сильные порывы вѣтра, и ничто не можетъ противостоять ихъ жестокости; они опрокидываютъ лошадей и сѣдоковъ. Случалось, что цѣлые караваны низвергались въ пропасть, подлѣ которой вьется узкая дорога. Все время нашего перехода погода была благопріятна; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденнаго солнца зажигали тысячи огней на покрытыхъ инеемъ скалахъ и наполняли воздухъ безчисленными блестками. На сѣверъ разстилась подлѣ нами доли-на рѣки Яны, которая, имѣя здѣсь свой источникъ, течетъ отсюда въ Ледовитое море. На югъ крутые, пагроможденные утесы замыкали горизонтъ.

Верхо-Янскій хребетъ, раздѣляя Ленскую и Янскую водныя системы, состоитъ сплошь изъ чистаго чернаго сланца; сѣверный скатъ его не такъ крутъ, какъ южный. Хребетъ сей, по нашимъ наблюденіямъ, лежитъ подлѣ 64° 20' широты, и со-

ставляетъ замѣчательный раздѣлъ въ произведеніяхъ прозябаемаго царства. Къ югу отсюда растутъ сосны и ели, а на сѣверъ ихъ нѣтъ; вмѣсто того стоятъ лѣса лиственницы, тополей, березы и ивы; послѣднія растутъ до 68°, по берегамъ Омолона и обоихъ Анюевъ, но только въ низменностяхъ, защищенныхъ горами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Тунгусы, встрѣченные нами въ послѣдствіи, рассказывали, что на вершинѣ одной изъ Верхо-Янскихъ горъ находятся остатки большаго мореходнаго судна, но дальнѣйшихъ подробностей они не сообщили.

Все протяженіе отъ Алдана до Верхо-Янскихъ горъ называется *Тукуланскимъ путемъ*. Во всей Сибири, кромѣ опасныхъ переходовъ черезъ горы, нѣтъ дороги хуже сихъ 140 верстъ. Глубокія болоты, дремучіе лѣса, крутыя скалы и быстрыя рѣки, кажется, нарочно стѣснены на всемъ пространствѣ, чтобы преграждать и затруднять путь. Сверхъ того путешественникъ не находитъ здѣсь ни юрты, ни другаго пристанища для защиты отъ непогоды, и принужденъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Тукуланская пустыня находится подъ вѣдѣніемъ Якутскаго Земскаго Суда, который однакожь еще не позаботился объ удобствахъ путешественниковъ. Напротивъ того, достойны замѣчанія вниманіе и попеченіе, обращенныя на сей предметъ Верхо-Янскимъ окружнымъ исправникомъ г-мъ Тарабукинымъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, онъ употре-

билъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для расширенія и уравниванія горныхъ тропинокъ, и для проведенія удобныхъ, безопасныхъ дорогъ черезъ болота. Такое улучшеніе пути особенно важно для казенныхъ транспортовъ съ солью и провіантомъ, которые каждое лѣто отправляются изъ Якутска въ селенія, по рѣкамъ Янѣ и Индигиркѣ лежащія. Тарабукину также обязаны путешественники устройствомъ, такъ называемыхъ, *поварень*, деревянныхъ хижинъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ одна отъ другой отдаленіи. Сіи строенія состоятъ только изъ четырехъ стѣнъ и плоской кровли, въ которой находится дыра для дыма; въ срединѣ комнаты помѣщается очагъ, а по краямъ лавки. Не смотря на несовершенное и щелистое устройство, поварни составляютъ благодѣяніе для путешественниковъ, и доставляютъ имъ достаточную защиту отъ непогоды и вьюги *.

Тукуланская долина, по которой ѣхали мы отъ береговъ Алдана, направляется сначала на ONO, а потомъ на NNO. Сіе послѣднее направленіе принимаетъ она будучи сужена съ обѣихъ сторонъ двумя высокими горами, которыя имѣютъ плоскія вершины, крутыя, малоразрѣзанныя стороны, и примыкаютъ къ цѣпи зубчатыхъ горъ, издали имѣющихъ видъ дуги, обращенной западною стороною на NNO, а восточною на NNW. До сихъ двухъ горъ долина довольно ши-

* Съ 1821-го года, Якутскій Земскій Судъ послѣдовалъ сему благодѣтельному примѣру, и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія для улучшенія дорогъ, устроилъ нѣсколько поварень.

рока, а скаты горъ круты. Грунтъ вездѣ боло-
тистъ, и покрытъ обломками сильно вывѣтренна-
го сланца. Рѣка Тукуланъ подмываетъ скалы, на
лѣвомъ берегу ея стоящія, и принимаетъ въ себя
нѣсколько ручейковъ. По мѣрѣ приближенія къ
средины дугообразной цѣпи горъ, горизонтъ
сгущается, и наконецъ дорога идетъ въ узкомъ
оврагѣ, имѣющемъ направленіе на NtO, и огра-
ниченномъ съ обѣихъ сторонъ огромными навис-
лыми скалами. Западный хребетъ состоитъ изъ
слоевъ чернаго сланца, слоями направленнаго на
NtW, имѣя наклоненіе къ WtS, подъ угломъ 70°
съ горизонтомъ.

Сей оврагъ, до 30-ти верстъ длины, приводитъ
къ подошвѣ крутыхъ, высокихъ, островерхихъ
горъ; между двумя сопками, ущелиною, пере-
валиваютъ черезъ хребетъ; по барометрическому
измѣренію Лейтенанта Анжу, высшая точка сей
ущелины находится надъ поверхностью водъ рѣ-
ки Тукулана (въ 30-ти верстахъ разстоянія) на
2100 фут. отвѣсной высоты; горныя вершины воз-
вышаются еще на 800, или 1000 футовъ болѣе. Го-
ры состоятъ изъ чернаго сланца, слои котораго
направляются на NtO, наклоняясь на WtS, подъ
угломъ въ 50° съ горизонтомъ.

Южный спускъ Верхо-Янской горы крутѣе съ-
вернаго. На уступѣ сѣвернаго ската лежитъ не-
большое озеро, изъ котораго вытекаетъ Яна. Въ
немъ, по рассказамъ Тунгусовъ, попадаетъ въ
значительномъ количествѣ рыба хариусъ (*Salmo
thymallus*). — Отсюда отдѣляются отъ Верхо-Ян-

скихъ горъ двѣ вѣтви, одна по правую, а другая по лѣвую сторону Яны, и сопровождаютъ теченіе сей рѣки. Сначала обѣ вѣтви состоятъ изъ горъ значительной высоты, которыя, въ послѣдствіи понижаются, и наконецъ исчезаютъ въ болотистыхъ равнинахъ. Восточная цѣпь омывается Яною, идетъ далѣе западной, и простирается всего на 150 верстъ отъ Верхо-Янскаго хребта. Горы и холмы восточной цѣпи состоятъ изъ лопманого сланца и пещаного камня. На WNW Верхо-Янскія горы пускаютъ значительную вѣтвь, которая раздѣляетъ Ленскую и Янскую водныя системы, и упираясь въ Ледовитое море, известна на сѣверѣ подъ именемъ горъ Орулганскаго хребта. И онъ, какъ всѣ доселѣ мною замѣченныя, состоятъ изъ чернаго сланца, слои котораго направляются на NNW, наклоняясь, то къ востоку, то къ западу.

Спустившись съ хребта, мы слѣдовали по лѣвому берегу Яны, встрѣчая на пути описанныя выше поварни. 25-го Сентября, подлѣ одной изъ нихъ, мы замѣтили небольшой шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, по видимому, необитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводить зиму и лѣто престарѣлый Тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онъ занимается оленьей охотой. Надобно себѣ представить необозримую, безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ об-

разъ жизни сихъ отшельниковъ. Особенно ужасно положеніе бѣдной дѣвушки, когда отецъ ея на лыжахъ уходитъ въ лѣсъ, и часто нѣсколько дней гоняется безуспѣшно за оленями, а она остается одна, почти не имѣя одежды, чтобы согрѣться отъ ужаснаго холода, терпя часто недостатокъ въ пищѣ, и проживая въ жалкомъ шалашѣ, который даже и лѣтомъ не доставляетъ достаточной защиты отъ дождя и непогоды. Отецъ ея принадлежитъ къ тѣмъ, которые какими нибудь несчастнымъ случаемъ лишились своихъ оленей, и принужденные отдѣлаться отъ своихъ земляковъ, удаляются въ лѣдяныя пустыни, гдѣ борясь съ безчисленными недостатками, опасностями и холодомъ, снискиваютъ себѣ скудное пропитаніе. Бѣдственное положеніе такихъ несчастныхъ не укрылось отъ внимательнаго взора Правительства. По новому преобразованію Восточной Сибири положено соединять ихъ въ общества, и снабдивъ отъ казны необходимыми для рыбной ловли вещами, селить на берегахъ рѣкъ, изобильныхъ рыбою.

26-го Сентября, мы достигли первой почтовой станціи *Бараласа*, которая отстоитъ отъ *Верхо-Янскаго* хребта на 157-мъ верстѣ, и лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 65° 51' широты. Здѣсь нашли мы просторную юрту для путешественниковъ. Есаулъ изъ Якутовъ содержитъ свою станцію въ примѣрномъ порядкѣ. * У входа,

* На каждую станцію выбираютъ благонадежнаго человека, который обязанъ смотрѣть за порядкомъ. Туземцы величаютъ смотрителя Есауломъ.

на свѣжемъ снѣгу, лежали куски чистаго льда для котловъ и чайниковъ; юрта была тщательно выметена; лавки по стѣнамъ покрыты свѣжимъ сѣномъ; въ чуваль горѣлъ яркій огонь; въ окна были вставлены прозрачныя, гладкія льдины, укрѣпленные размоченнымъ снѣгомъ, здѣшнюю замазкою; словомъ, все свидѣтельствовало порядокъ, чистоту и опрятность. Послѣ девяти дней, которые провели мы подъ открытымъ небомъ, въ снѣгу и холодѣ, Бараласская юрта показалась намъ дворцомъ. Мы поспѣшили сбросить тяжелыя, покрытыя льдяною корою шубы, переѣпить бѣлье и умыться; въ теченіе послѣднихъ девяти дней объ этомъ нельзя было подумать, опасаясь отморозить носъ и уши. Такія удобства доставили намъ несказанное облегченіе, и мы почли долгомъ выразить нашу признательность Есаулу, который впрочемъ, кажется, неслишкомъ ясно понималъ причину нашей благодарности. Вскорѣ внесли въ комнату вытесанный топоромъ столъ, уставленный здѣшними лакомствами: рубленнымъ, мерзлымъ Якутскимъ масломъ; струганиною, мерзлотою рыбю, разрѣзанною на тонкія пластинки, и наконецъ, въ заключеніе, высшею роскошью сей страны, сырымъ, свѣжимъ оленьимъ мозгомъ. Признаюсь, сначала меня нисколько не привлекали эти *glaces au beurre et au poisson* и *compote aux rennes*, и я только въ угожденіе гостепріимству хозяина отивдывалъ всего по немногу, но въ послѣдствіи такъ привыкъ я къ этой пищѣ, что вареной рыбѣ всегда предпочиталъ ломтики мерзлой струганины.

Отъ Бараласа пачинаются опять почтовые станціи, въ которыхъ всегда находили мы болѣе или менѣе удобныя юрты, и обыкновенно двѣ, одну для путешественниковъ, а другую для Есаула и проводниковъ, которые по очереди прѣзжаютъ съ лошадьми изъ ближайшихъ насѣговъ. Якуты измѣряютъ разстояніе кіоссами, разумѣя подъ сими часть дороги, которую можно проѣхать во столько времени, сколько потребно, чтобы сварить кусокъ мяса. При такомъ, вовсе не математическомъ расчетѣ, истинная величина кіосса зависитъ единственно отъ состоянія дороги; можно положить, что кіоссъ при гористой или болотистой дорогѣ равняется пяти верстамъ, а при гладкой и ровной семи.

Не смотря на гостепріимство Бараласскаго Есаула, мы остались здѣсь только одинъ день, и 27-го Сентября поѣхали далѣе, на ближайшую станцію *Табалахъ*, которая лежитъ отсюда въ 300 верстахъ. Мы ѣхали не по почтѣ, а на особыхъ лошадяхъ, собственно для экспедиціи приготовленныхъ, почему своротилъ я съ почтоваго тракта, идущаго на Верхо-Янскъ, и поѣхалъ по другой дорогѣ, которую обыкновенно выбираютъ купеческіе караваны, и которая, по увѣренію Якутовъ, сокращаетъ путь почти на сто верстъ. Въ 20-ти верстахъ отъ Бараласа должно переправляться черезъ Яну, которая имѣетъ здѣсь 70-ть сажень ширины. Ледъ былъ такъ скользокъ, что наши лошади, какъ обыкновенно, неподкованныя, на каждомъ шагу падали. Мы сняли вьюки, хо-

тѣмъ вести лошадей за повода, но все напрасно. Послѣ многихъ попытокъ, прибѣгли къ послѣднему средству, отправили одного проводника въ Бараласъ за пескомъ и золою, посыпали ими ледъ, и такимъ образомъ счастливо перебрались на другую сторону.

Берега Яны здѣсь плоски, и поросли по большей части лиственничнымъ лѣсомъ средней высоты. Страна между Бараласскою и Табалахскою станціями представляетъ мало разнообразія. Сначала тянутся въ сѣверномъ направленіи ряды холмовъ, исчезающіе въ послѣдствіи въ болотистыхъ равнинахъ. Подъ защитою возвышеній стоятъ невысокіе, лиственничные и березовые кустарники. Равнина усыяна множествомъ озеръ, соединенныхъ между собою протоками и рѣчками; мы переправились черезъ одну изъ нихъ, извѣстную подъ именемъ *Адычъ*, которая съ *NNO* впадаетъ въ Яну, принимая въ себя рѣчки *Табалахъ*, *Тостакъ*, и другія.

3-го Октября достигли мы Табалахской станціи, содержимой Верхо-Янскими Якутами. Она расположена на холмистой равнинѣ, которая изрѣзана рыбными озерами, и мѣстами имѣетъ хорошіе луга. Просторная и довольно опрятная станціонная юрта была намъ тѣмъ пріятнѣе, что всю дорогу отъ Бараласа, при холодѣ отъ 10° до 19°, мы принуждены были проводить ночи подъ защитою полуразвалившихся юртъ.

Здѣсь встрѣтилъ я окружнаго врача, г-на То-

машевского, который пробылъ по деламъ службы 30-ть лѣтъ въ Нижне-Колымскѣ и теперь возвращался въ отечество. Онъ сообщилъ мнѣ много весьма полезныхъ подробностей и замѣчаній объ оставляемой имъ странѣ. Между прочимъ, рассказывалъ онъ, что Колыма въ Юлѣ мѣсяцѣ такъ разлилась у Средне-Колымска, что жители принуждены были спасаться на крыши и на колокольню.

На востокъ отъ станціи видна зубчатая цѣпь горъ, направленная почти по меридіану и замѣчательная правильностью своихъ вершинъ, которыя, имѣя конусообразный видъ, кажутся прилепленными къ сторонамъ хребта. 3-го Октября, мы отправились изъ Табалаха по холмистой, болотистой равнинѣ. Мѣстами она поросла невысокимъ и частію обгорѣлымъ лиственничнымъ лѣсомъ. На 85-й верстѣ, мы достигли замѣченной изъ станціи, горной цѣпи, которая гораздо ниже Верхо-Янскаго хребта; она разграничиваетъ Янскую и Индигирскую водныя системы. По узкой долинѣ среди горъ пролегаетъ дорога. Не могу навѣрное опредѣлить составныхъ частей горъ, но, судя по множеству обломковъ гранита, фельдшпата, слюды и кварца, должно полагать, что онѣ сложены изъ сихъ породъ.

Мы слѣдовали узкою долиною вдоль береговъ рѣчки *Догдо*, впадающей въ Яну. Недалеко отсюда лежить, окруженная горами, котловидная долина, известная подъ именемъ «Убѣннаго поля».

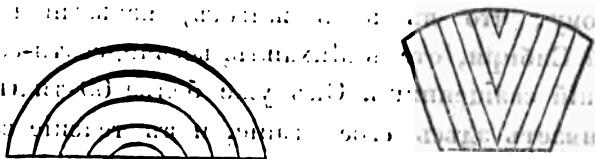
Въ ней, говоритъ преданіе, скрывалась цѣлая орда Тунгусовъ, спасаясь отъ завоевателей Сибири, казаковъ, и послѣ упорной битвы нашла здѣсь свою могилу. Осматривая окрестность, я отделился отъ моихъ спутниковъ, и хотѣлъ ихъ догнать по прямой дорогѣ, которая казалась мнѣ короче. Она вела черезъ небольшую рѣку, но едва отъѣхалъ я нѣсколько шаговъ отъ берега, какъ лошадь проломилась и исчезла подъ льдомъ. Къ счастью, мнѣ удалось, не смотря на тяжелую шубу, во-время перескочить на твердый ледъ и пѣшкомъ перейти на другую сторону. Лошадь не показывалась изъ воды, и я полагалъ, что она погибла, но Якуты проводники, замѣтя мое несчастье, со смѣхомъ поспѣшили ко мнѣ на помощь, увѣряя, что сей часъ достанутъ лошадь, не только живую, но даже и не мокрую. Въ самомъ дѣлѣ, когда они шестами разломали у берега ледъ, я увидѣлъ, и въ послѣдствіи неоднократно имѣлъ случай тоже замѣтить, что рѣчная вода почти вся вытекла и образовала между дномъ и ледяною корою пустое пространство, футовъ въ шесть вышиною, гдѣ находилась моя лошадь. — Къ несчастью, при паденіи выюкъ, съ чаемъ, сахаромъ и ромомъ, оторвался и упалъ на дно рѣки. Потеря такихъ, необходимыхъ въ путешествіи по ледянымъ пустынямъ предметовъ, была для всѣхъ насъ весьма чувствительна.

Съ береговъ рѣки Догдо дорога сворачивается къ сѣверу и идетъ по оврагу, обставленному вы-

секции, крутыми скалами. Они, состоятъ почти
вездѣ изъ чернаго сланца, гдѣ изрѣдка попадаетъ
сверый. Каменные слои направляются отъ WtN и
Ost, наклоняясь отъ NtO и StW, подъ угломъ
30° къ горизонту. У подошвы лежатъ обломки
конгломерата, составленнаго изъ сланца и грат-
нита, слюды и кварца, а также и другихъ мине-
раловъ.

Недалеко отсюда свискають на востокъ рѣчки
Русская Разсоха. Окрестности ея извѣстны жи-
вописными видами, а довракъ, гдѣ находится
источникъ Руны, обставленъ скалами, непра-
вильно, зубчатого образованія, сложенными изъ
дальнихъ конгломератовъ и сланцевъ, рѣчныхъ зам-
ковъ, конгломератовъ, а также и другихъ мине-
раловъ.

Съѣздя по теченію руны, мы свихнемся горъ
на долину, которая на NO была перерѣзана дру-
гою, параллельною съ предыдущею днью горъ,
невысокихъ и имѣющихъ вершины на подобіе
сидель. Дорога идетъ по берегамъ одного изъ
протоковъ Индигирки, рѣчки Гулягиной, кото-
рая пробиваетъ себѣ путь среди втораго горна-
го хребта. Главная каменная порода здѣсь сланецъ,
но слои идутъ чрезвычайно разнообразно и не-
правильно такимъ образомъ:

10-го Октября, въ полночь, пришли мы въ За-
шиверскъ, городокъ, лежащій на правомъ бере-

ку Индигирки; въ 415-ти верстахъ отъ Табалата. — Во время перевода термометръ показывалъ отъ 16 до 24 $\frac{1}{2}$ ° холода. Ночи проводили мы въ полуразвалившихся юртахъ, или въ поварняхъ, гдѣ послѣ двенадцати часовъ безпрерывной вѣды, несмотря на холодъ, сквозной вѣтеръ и густой, ядкій дымъ, хорошо и крѣпко спали. Снагу было мало; особенно на ровныхъ мѣстахъ, открытыхъ порывамъ вѣтра,
Зашиверскъ былъ прежде деревнею и состоялъ изъ нѣсколькихъ только юртъ еще въ 1786-мъ году, не за долго до экспедиціи капитана Билинкова, указомъ Императрицы Екатерины назначенъ узднымъ городомъ. Сдѣлавшись мѣстопребываніемъ уздныхъ властей, онъ расширился, такъ, что въ послѣдствіи считалось въ немъ до 30-ти жилыхъ домовъ. По соединеніи Зашиверскаго уззда съ Верхо-Янскимъ, Зашиверскъ упалъ въ прежнее ничтожество. Нынѣ, кромѣ хорошо поддерживаемой церкви, мѣстечко состоитъ изъ пяти домовъ, въ коихъ живутъ священникъ, съ своимъ братомъ, смотритель станціи Якутъ, и два Русскіе семейства.

Впрочемъ мѣстечко заслуживаетъ примѣчаніе, потому, что въ немъ живетъ, извѣстный во всей Сибири, отецъ Михаилъ, восьмидесяти-семи лѣтній священникъ. Онъ уже болѣе 60-ти лѣтъ занимаетъ здѣсь свое званіе, и въ теченіе сего времени, силою своихъ убѣжденій, обратилъ къ христіанству до 15000 Якутовъ, Тунгусовъ и Юкагировъ; это наставленія, соображенія и принципы

ннмъ самое благотворительное вліяніе, не только на образованіе, но и на нравственность окрестныхъ жителей. Равноствъ благочестиваго старца къ распространенію божественнаго ученія ни сколько ни ослабѣла въ ибтаніи, и доселѣ ежегодно, презирая всѣ трудности и опасности, онъ обязывается верховъ слнщидомъ по 2000 верстѣ, везъ свой приходъ. Впрочемъ, въ своемъ путешествіи отецъ Михаилъ не только исполняетъ священнодѣйствіе въ приходѣ, но старается вездѣ, гдѣ можетъ, помогать несчастнымъ, и обличать и утѣшать страждущихъ. При всемъ томъ, онъ днмать еще столько времени и силы, что ходитъ въ горы охотиться за дикими баранами и ловитъ сидками куропатокъ. Короткое лѣто посвящаетъ онъ своему небольшому огороду, въ которомъ, при неунынныхъ трудахъ и вниманіи хозяина, поспѣваютъ кануста, редька и репа—большая редкость и едвали не единственный примѣръ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Отецъ Михаилъ угостилъ насъ истинно по Русски: горшкомъ жирныхъ щей и свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ, которые показались намъ лучше всякихъ лакомствъ. Въ заключеніе подали пирогъ, испеченный изъ рыбьей муки, изобрѣтенія нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается въ мѣлкій порошокъ, который, если его держать въ сушѣ, долго сохраняется, и съ примѣсью ржаной муки составляетъ очень вкусный хлѣбъ.

Зашиверскъ вѣстроенъ среди пространной ра-

винны, богатой прекрасными лугами и устьями озерами, обильными рыбою. Здесь водятся сѣги (*Salmo Iararethus*) и чирь той же породы. Народонаселеніе состоитъ здѣсь изъ Якутовъ, которые все лѣто кочуютъ съ табунами лошадей и стадами рогатаго скота. Въ теплѣе время года запасаются они сѣномъ на зиму. При наступленіи осени, Якуты разселяются по берегамъ рѣкъ и занимаются только рыбною ловлею. Охота составляетъ у нихъ побочный промыселъ. Бѣднѣйшіе Якуты, не имѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ охотой на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того рѣчными. Для перевозки тяжестей содержать они собакъ, которыхъ, питаются только рыбными костями, почти не способны хозяину никакимъ поддержекъ, а между тѣмъ чрезвычайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловля составляетъ главный промыселъ и почти единственное средство пропитанія рѣчныхъ Якутовъ. Зимой занимаются они добычею пушныхъ зверей.

Противъ Зашиверска, на лѣвомъ берегу Индигирки, стоитъ отдельный утѣсъ, сажень 150 вышины. Онъ сложенъ изъ слоевъ чернаго сланца, проросшихъ селенитомъ; кромѣ того, чистыя бѣлыя жилы сей породы лежатъ между слоями сланца, которые направлены къ WtN и OtS, наклоняясь къ StW, подъ угломъ въ 60° съ горизонтомъ.

Не задолго до моего прибытія въ Зашиверскъ, проехавъ здѣсь изъ Якутска въ Нижне-Колымскъ

казенный транспортъ съ солью и мукою. Подѣ него требовалось сто лошадей, а потому принужденъ я былъ прожить здѣсь два дня, пока изъ близъ лежащихъ наслѣговъ пригнали нужныхъ мнѣ лошадей. Наконецъ, 15-го Октября отправился мы далѣе, сопровождаемые благословіями отца Михаила. Два дня, проведенныхъ въ гостепріимной хижинѣ почтеннаго старца, принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ воспоминаніямъ нашей унылой повѣдки.

Мы ѣхали по равнинамъ и болотамъ, устланнымъ озерами и покрытымъ низменнымъ, стелющимся листовичнымъ кустарникомъ. — На сей дорогѣ, которая идетъ въ 40 верстахъ отъ Индигирки, параллельно съ ея теченіемъ, были мы такъ счастливы, что всегда могли ночевать въ населенныхъ Якутскихъ юртахъ. Такимъ образомъ достигли мы большаго озера Оринкина, въ 315-ти верстахъ отъ Зашиверска, лежащаго на границѣ Колымскаго уѣзда. Здѣсь прекращаются Якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣкѣ Алазеѣ, на протяженіи 250 верстъ, по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой большею частью болотами, которыя лѣтомъ, особенно послѣ дождей, совершенно непроходимы. Озера попадаются рѣже, луга, поросшіе травой, исчезаютъ, такъ, что при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, сія полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежащая къ западу отъ Алазейскихъ горъ

болота, «бадараны» называемая, никогда не просыхаютъ. Лѣтомъ, при теплой, сухой погодѣ, образуется на поверхности ихъ тонкій, твердый слой, который, подобно осеннему льду, можетъ сдержать только малыя тяжести, а подъ большими прорывается. Въ некоторой глубинѣ отъ поверхности лежитъ вѣчный, никогда не тающий ледъ; только онъ спасаетъ пробѣгающихъ здѣсь лѣтомъ путешественниковъ отъ утопленія въ болото. Вообще трудно себѣ представить что нибудь унылое и пустынное бадарановъ, покрытыхъ полуистлѣвшимъ мохомъ, по которому изрѣдка стелятся, почти изсохшія, тонкія лиственницы.

Зимою путешественникъ, конечно, не подвергается здѣсь опасности утонуть, но за то ему угрожаютъ ужасныя бури и матели на необозримой равнинѣ, отъ которыхъ находить онъ единственную защиту въ развалившихся повартахъ, подвергаясь тутъ опасности задохнуться отъ дыма.

Въ ста верстахъ отъ озера Оринкина лежитъ не высокій, но лѣсистый Алазейскій хребетъ; съ западнаго крутаго ската его текутъ рѣки въ Индигирку, а съ восточнаго, довольно отлогатаго, сливаются протоки Алазея. Въ послѣднихъ находится много жѣлѣза хорошаго качества. Якуты выдѣлываютъ изъ него ножи, топоры и другія орудія. Здѣсь оканчиваются бадараны. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Алазеѣ, которая, по рыхлому

земляному грунту, крутыми излучинами течетъ на сѣверъ къ Ледовитому морю, страна становится холмистѣе, попадаются поросшіе травою луга и изобильныя рыбою озера; инныя изъ нихъ имѣютъ до 40 верстъ въ окружности. Здѣсь снова начинаются уединенныя, обитаемыя юрты и Якутскія селенія.

Наконецъ, 21-го Октября, на 140-й верстѣ отъ Алазейскаго хребта, показались вдали столбы красноватаго, искристаго дыма, вылетающіе изъ юртъ Сарадахской станціи, гдѣ могли мы надѣяться, послѣ 8-ми дневнаго, труднаго путешествія, при 17° и 24° мороза, провести ночь въ уютной, прочно устроенной юртѣ.

Надежда не обманула насъ. Сарадахская станція, содержащая отставнымъ вахмистромъ Атласовымъ, однимъ изъ потомковъ покорителя Камчатки, обстроена несравненно лучше другихъ станцій по дорогѣ отъ Якутска до Нижне-Колымска. Въ прочно устроенной избушкѣ хозяина отдѣлена для проезжающихъ особая, теплая и чистая комната; на дворѣ находятся просторная юрта для проводниковъ и большіе навѣсы для лошадей, также загонъ для рогатаго скота; въ серединѣ двора, на бревнахъ, сажени въ три вышины, сдѣлано небольшое лѣтнее жилище и поставлены солнечныя часы. Всѣ сіи зданія устроены на косогорѣ и обнесены палисадомъ, примыкающимъ къ изобильному рыбою озеру, за которымъ виднѣется довольно густой и высокій лист-

веничный лѣсъ. Вообще здѣсь все такъ хорошо и удобно придумано, что Сарадахъ можетъ быть сравниваемъ съ плодороднымъ оазисомъ въ песчаныхъ Африканскихъ степяхъ.

Тутъ получилъ я первое извѣстіе отъ г. Матюшкина, который письмомъ увѣдомлялъ меня о счастливомъ ходѣ своего дѣла.

Отъ Сарадаха до Средне-Колымска считается 250-ть верстъ; на сей дорогѣ лежатъ три хорошія и удобныя станціи. Возвышенность, раздѣляющая системы водъ р. Алазенъ отъ р. Колымы, называютъ Половиновскимъ хребтомъ; восточная покатость его покрыта болотами, озерами и рѣдкимъ лѣсомъ; западная почти безлѣсна, вѣроятно, по причинѣ холодныхъ, западныхъ вѣтровъ. Ближе къ р. Колымѣ, страна становится пріятнѣе; большія озера сѣются лиственничными рощами, или отдѣльными группами ивъ. Здѣсь, на небольшомъ озерѣ, увидѣлъ я первое стадо дикихъ оленей; съ удивительною скоростью пронесли они мимо насъ по льду; по берегамъ озера бѣжали за ними два волка.

25-го Октября, поздно вечеромъ, выѣхали мы на берега Колымы. Было уже совершенно темно; но лай собакъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло свѣтящіеся сквозь лдяныя стекла огни и рѣзко рисующійся, черный шницъ колѣкольни показали намъ, что мы пріѣхали въ городъ Средне-Колымскъ. Съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ мѣстопробываніемъ Колымскаго Исправника, онъ

видимо улучшается; кроме хорошей церкви, въ немъ считается тринадцать домовъ, которые впрочемъ лѣтомъ, по большей части, бываютъ пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ охоты и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ оживаетъ. Въ наше время все народонаселеніе занято было устройствомъ на рѣкѣ заводовъ для лова сельдей, которыя подымались къ верховьямъ Колымы. Рыбная ловля нынѣ гораздо менѣе прежняго изобильна, такъ, что жители Средне-Колымска должны значительно уменьшать число своихъ собакъ и заводить лошадей. Такая перемѣна сопряжена съ большими затрудненіями, потому, что лѣто здѣсь часто бываетъ слишкомъ кратко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна.

Стужа усиливалась. На последнемъ переходѣ отъ Сарадаха, термометръ, при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до 29° холода. Мы присовѣтовали снабдиться полнымъ зимнимъ гардеробомъ, и въ короткое время доставили все нужное. Зѣлшняя зимняя одежда состоитъ изъ широкой куртки, на песцовомъ мѣху, и также нагрудника и широкихъ шароваровъ изъ заячьихъ шкуръ, что надѣвалъ я на мое обыкновенное, форменное платье. На ноги, кромѣ двухъ паръ носковъ изъ оленьей мягкой шкуры, надѣваются такіе же высокіе сапоги, торбасы, а сверхъ того, какъ мы ѣхали верхомъ, особые мѣховые наколѣнники. Наконецъ надѣваютъ широкую кухлянку, родъ мѣшка, съ отверстіемъ для головы, съ рукавами и капи-

шбномъ. Она дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ, одна шерстью наружу, а другая внутрь, и подпоясывается широкимъ кушакомъ. Лицо также закутывается лоскутками меховъ, какъ то: налобинкомъ, наосеникомъ, нагубникомъ, набородникомъ и наушникомъ, а на голову надвигается огромная шапка изъ лисьего меха. Сперва такая одежда была мнѣ нестерпима и тягостна; я на силу взлезалъ на лошадей и не безъ труда промозгалъ сквозь узкія двери Якутскихъ юртъ, но въ послѣдствіи, особенно при 30° мороза и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, нарядъ мой казался мнѣ превосходнымъ и удобнымъ.

27-го Октября поехали на лошадяхъ изъ Средне-Колымска, далѣе по лѣвому берегу рѣки, встрѣчая довольно часто Якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ Русская деревня Омолонская, на рѣкѣ того же имени; отсюда начинается взда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные лѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

На легкихъ нартахъ пролетѣли мы въ два дня 120-ть верстъ; и 2-го Ноября, при 32° мороза, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, проехавъ всего одиннадцать тысячъ верстъ въ 224 дни, достигли мы первой цѣли нашего путешествія—бѣдной рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась нашимъ главнымъ мѣстопребываніемъ.

ГЛАВА IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О НИЗОВОЙ ЧАСТИ КОЛЫМЫ И ЖИТЕЛЯХЪ ЕЯ.

РѢКА КОЛЫМА. — КЛИМАТЪ. — ЖИТЕЛИ. — СЕЛЕНІЯ. — БЕРЕГА. —
ОДѢЖІЕ. — ОБРАЗЪ ЖИЗНИ. — ГОЛОДЪ. — РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ. — СѢ-
ВЕРНЫЯ РЫБЫ ВЪ ПРОЦЪ. — ОХОТА ЗА ОЛЕНЯМИ. — ПУШНЫЕ ЗВѢРИ И
ЛОВЛЯ ИХЪ. — СОБАКИ, НЕОБХОДИМЫЙ РАБОЧИЙ СКОТЪ. —

Прежде нежели приступлю къ описанію нашихъ занятій и пребыванія въ Нижне-Колымскѣ, почитаю приличнымъ изложить нѣсколько общихъ замѣчаній о такъ называемой, *низовой части* Колымы и жителяхъ ея, чтобы въ послѣдствіи менѣе прерывать разсказъ мой подобными, мѣстными и этнографическими описаніями.

Рѣка Колыма начинается подъ $61\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты и 146° восточной долготы (отъ Гринвича), въ горахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Станового Хребта*, изъ которыхъ течетъ также рѣка Омокъ, или Индигирка. Колыма простирается

на 1500 верстъ, по направленію восточной от-
сли тѣхъ горъ къ NNO, и выпадаетъ наконецъ,
подъ 69° 40' сѣверной широты, въ Ледовитое
море. На первыхъ 800 верстахъ отъ источника,
стремленіе чрезвычайно быстро, но потомъ, при
возрастающей ширинѣ, мало по малу становится
умѣреннѣе. Правый берегъ, вообще утесистъ и
состоитъ изъ скалъ, исключая пространство меж-
ду устьями впадающихъ въ Колыму рѣкъ *Омо-*
лона и *Амол*, гдѣ встрѣчаются денціями въ нѣ-
которыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои земли къ
утесамъ. Крутые берега возвышаются почти вездѣ
отвѣсно изъ воды; нерѣдко также висятъ они
довольно далеко надъ русломъ рѣки и состоятъ
изъ различныхъ породъ сланца. * Въ ихъ ши-
ферныхъ утесахъ между слоями показываются
жилы отвердѣлой красной глины и зеленого
каменнаго шифера, наприим. у мыса *Кресты*;
дальше находятся также большія полосы чистѣй-
шаго чернаго асфида, безъ всякой примѣси, какъ
то замѣтно у мыса *Аспиднаго*; наконецъ, близъ
Камня Кандакова, имѣющаго всѣ свойства лавы,
встрѣчаются известковые шары, которые заклю-
чаютъ въ себѣ миндалеобразныя кристаллы кал-
цедоновыя и аметистовыя. Изъ утесовъ высовы-
ваются также большіе горныя кристаллы. Ока-
менѣлостей, какъ кажется, на Колымѣ нѣтъ. Не
смотря на каменистое свойство берега, про-

1. * Гранитъ начинается у *Бердана* Камня и до *Сторожа* Шла-
гскаго Носа; первые признаки его замѣтны у *Медвѣжьяго*
мыса.

злабѣніе здѣсь довольно изобильно; мы видели цвѣтушій красивый кипрей широколистный (*erilobium latifolium*). Здѣсь растетъ также во множествѣ трава кровехлѣбка (*sanguis-orba*), корень которой туземцы собираютъ для употребленія въ пищу.

Лѣвый берегъ рѣки отложе; къ Средне-Колымску видны еще довольно высоко лежащіе луга, но чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ низменнѣе и отложѣе становятся берегъ и окрестность; наконецъ вся страна представляетъ обширную тундру, или степь, простирающуюся къ рѣкѣ Алазеи и до самаго моря.

Кромѣ двухъ рѣкъ Анюевъ (Большаго и Малаго) и Омолона, впадаетъ въ Колыму еще много небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ; тѣ изъ нихъ, которые вытекаютъ изъ горъ и утесовъ, называются вообще каменными протоками, а проистекающія изъ озеръ, означаются названіемъ: виски. Между послѣдними важнѣйшія суть: Керетовая, Черноусова, Походская и Малая Чукочья; изъ первыхъ стоитъ упомянуть о Пантелеевой и Филиповой.

Нѣсколько верстъ выше устья Омолона, Колыма образуетъ рукавъ, который пересѣкаетъ въ ОНО направленіи западную тундру, и на 100 верстъ далѣе къ низу, соединяясь опять съ главною рѣкою, представляетъ низменный, довольно болотистый островъ, на южномъ берегу коего, въ трехъ верстахъ къ западу отъ поворота Колы-

мы, лежитъ острогъ Нижне-Колымскій; продолжая теченіе около 100 верстъ въ восточномъ направленіи, рѣка дѣлаетъ здѣсь внезапный поворотъ къ сѣверу. Сорокъ верстъ далѣе внизъ, раздѣляется она опять на два рукава, образующіе островъ *Мерхояновъ*, самая большая ширина котораго составляетъ $9\frac{1}{2}$ верстъ. Онъ простирается къ сѣверу до самаго моря, и перерѣзывается, особливо по близости моря, множествомъ ручейковъ. Восточный изъ сихъ двухъ рукавовъ называется *Каменная Колыма* и имѣетъ ширины 6 верстъ; западный рукавъ, получившій названіе *Походской*, или *Средней Колымы*, не шире 4 верстъ. Наконецъ есть еще, 24 версты далѣе къ сѣверу, третій, не очень широкій рукавъ, *Чукотскій*, на NW. Сіи три рукава образуютъ истокъ Колымы въ Ледовитое море, шириною около 100 верстъ. Средняя и Каменная Колымы имѣютъ значительную и для мореходныхъ судовъ всякаго рода достаточную глубину; не смотря на то, плаваніе тамъ затруднительно и сопряжено съ опасностью, потому что отъ быстроты теченія, особливо при вскрытіи льда, образуется ежегодно множество пещаныхъ мѣлей, которыя безпрестанно перемѣняютъ свое положеніе, и такимъ образомъ дѣлаютъ фарватеръ непостояннымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ, большихъ острововъ, лежитъ также на рѣкѣ и въ рукавахъ ея множество малыхъ низменныхъ островковъ, которыя, подобно пещанымъ отмелямъ, мало по малу образовались наносною землею и укрѣпились.

Хотя, как сказано в предложении всею д-д-
милостивостию соизволено оному отпущено обш-

ЧАСТЬ I.

показаться. Порадоует известие и крестьян. Когда халодное солнце появляется на горизонте, наступают вечер и ночь, и природа покоится. И когда, часа через два, оно опять несколько возвысится, то все пробуждается: птички начинают петь, новый день веселым щебетанием; свернувшийся жемчужный пестик опять начинает открывать свою чашечку, и все, кажется, спит и оживает, хотя немного, благотворными выходящими слабыми солнечными лучами. Поже происходит и с временами года; как будто поворотным рычагом соединены между собою все времена года. Так и здесь существуют лишь малые познания, вопреки мнению туземцев, которые утверждают, что в течение года происходят четыре сезона. Первым называют они само то явление, когда солнечные лучи начинают быть заметны в полдень, что случается обыкновенно в половине Марта; при тогда часто бывает мороз 30° мороза. Осень считают они с того времени, когда заморозки разжи; именно, в первых числах Октября; тогда бывает обыкновенно 35° мороза; лето начинается в последние числа Мая; изжидает оно распускается на деревьях листва, и на ледниках югу от берега покрывается белым снегом. В Июль случается в полдень до 18° температура; начинают цвести и разлагаются ягодные кусты; но если поднимется морская злость, и от него сделается воздух зловонный, скудная зелень желтеет и деревья начинают падать. В Июль воздух становится гораздо теплее.

приятнее, но природа, какъ будто хочетъ про-
извести въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ
прекраснейшей жизни и заставить ихъ искать воз-
врата зимы: въ первыхъ числахъ мая на по-
являются миллионы комаровъ, сокращающіе воз-
духъ густыми облаками, и единственное убѣ-
жище отъ нихъ въ этомъ сиротѣ дымокурое,
* который отгоняетъ несносныхъ мучителей.
Но какъ все въ природѣ имѣетъ благотворную
цѣль, и вредъ съ пользою всюду уравновѣши-
вается, то и насильная сѣнь, называемая жителями
самую существенную услугу, заставляя оленей
выходить изъ лѣсовъ на приморскую тундру, отъ-
крытую холодными зимами. Они бѣгутъ огром-
ными стадами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ,
и даже тысячъ; тогда охотники подстерегаютъ
нихъ, особенно при переправахъ черезъ рѣки и озе-
ра, и съ малымъ трудомъ убиваютъ великое множе-
ство. Другую, не менѣе существенную, но совер-
шенно противоположную пользу доставляютъ рои
комаровъ пасущимся въ табунахъ безъ присмот-
ра лошадямъ, которая на безконечной тундрѣ
легко могла бы заблудиться, еслибы природ-
ный истинникъ не научалъ ихъ держаться всегда
но близости дымокурое, гдѣ находятъ они за-
щиту отъ орлятовыхъ ядовитыхъ оводовъ. Всегда пе-
суется онъ въ густомъ дымоколомъ тѣнищахъ мучъ,
дымокурое бытъ огромная мучъ мохъ и сырыхъ дровъ; отъ
горения ихъ происходятъ дымъ дымъ, который отгоняетъ ко-
маровъ. Кучи сѣна раскладываютъ не только на лугахъ для скота,
но также и около селеній, а потому все время, пока есть кома-
ры, жители проводятъ въ безпрестанныхъ облакахъ этого дыма.

*

а тогда не станешь травя въ одномъ мѣстѣ, нути переносится дѣлѣ. Обыкновенно огораживаютъ дынокурны шестами, чтобы снѣгъ не могъ приближаться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здѣсь бываетъ громъ, который слышанъ въ горахъ, а надъ снѣжною и ледяною равниною издаетъ только слабый гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые двѣнадцать мѣсяцовъ; въ Октябрѣ холодъ нѣсколько умягчается густыми туманами и помраченіемъ отъ замерзающаго моря, но съ Ноября наступаютъ болѣе морозы, которые въ Январѣ доходятъ до 43° . Тогда захватываетъ дыханіе. Дикій олень, житель поморскихъ странъ, забирается въ глушія лѣсовыя и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездыханный — даже снѣгъ искривляется! Въесто почти двухъ-мѣсячнаго дня начинается, съ 22-го Ноября, 38-ми суточная ночь, которая одинокѣе отъ сильной рефракціи и снѣжного свѣта, а равно и отъ частыхъ свѣрхныхъ сіяній, бываетъ довольно ещесни. Декабри 28-го показывается надъ горизонтомъ блѣдная утренняя заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить зѣвадь. Съ возвращеніемъ солнца, холодъ становится чувствительнѣе, и близящіеся Февраль и Мартъ утренніе морозы отличаются особенною пронзительностію. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, ибо дующіе съ моря вѣтры наносятъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звезды. Такую гу-

сую: иду: называютъ здѣсь морозомъ. Вѣсто. бѣ. лѣ. ясныхъ дней: въ Сентябрь.

Замѣчательное здѣсь явленіе природы есть, извѣстный родъ вѣсень мелкаго сѣмля, QSO, или правильнѣе SOIS вѣтеръ, который иногда, при лонномъ небѣ, начинается дуть внезапно, и среди жон сточайшей зима, въ короткое время переизмѣлеть температуру изъ 35° мороза на 1½° тепла, такъ, что лядины, занимающія здѣсь степая въ омакъ, таютъ. Въ долинахъ Анюйскихъ теплый вѣтеръ дуетъ часто, и къ западу отъ Чумтскаго мѣлн (въ W отъ устья Колымы) чудесное дѣйствіе его превращается. Вѣтеръ сей продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя по всему вышесказанному, здѣшній климатъ можно почитать самымъ суровымъ и неблагопріятнымъ, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цынготной, ни другихъ опасныхъ прилипчивыхъ болѣзней; * простудная лихорадка и особенно глазная болѣ случаются обыкновенно только въ Октябрь, въ продолженіе густыхъ тумановъ, и въ Декабрь, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ отчасти слѣдствіе отраженія свѣта на необозримыхъ

* Любострастная болѣзнь, къ сожалѣнію, въ сѣверо-восточной Сибири, и особенно по берегамъ обоихъ Анюевъ, превращающаяся весьма гибельная опустошенія, хотя и есть слѣдствіе, не столько климата, сколько совершеннаго недостатка свѣжихъ сыстныхъ припасовъ, но тѣмъ не менѣе савранствуетъ въ высшей степени и дѣлается смертельною.

сильный различать, столь сильного, что надобно закрывать глаза, дабы не ослепнуть. Такъ называемое «новотріе», которое часто называется между обитателями западной лѣвѣйшей страны, бысть, здѣсь, на сѣверной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространенное въ 1821-мъ году по всей сѣверной Сибири между собаками новотріе появилось въ Колымскѣ почти годъ прежде, нежели у западныхъ рекъ и вдоль береговъ Чукотскаго. Замѣчательна еще, случающаяся здѣсь, какъ и вообще въ сѣверной Сибири, странная болѣзнь, называемая мирля, которая не мѣтно жителей происходитъ отъ того, что духъ одной, хотя давно умершей, но все еще страшной чародѣйки, *Аграфены Жиганской*, вселяется въ больных и всячески ихъ мучить. Мнѣ кажется, мирля есть ни что иное, какъ истерика въ сильнѣйшей степени, ибо сею болѣзнію страждетъ по большей части женскій полъ.

Скудная растительность соответствуетъ печальному климату. Особенно въ семъ отношеніи бѣдна окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно не растаявающій слой растительной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ примѣсью частицъ льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое листовичное деревцо; корни его, недопускаемые вѣчнымъ льдомъ въ глубину земли,

* Докторъ Киберъ нѣгдѣ случая дѣлать замѣчательные опыты какъ надъ мирлякомъ, такъ и надъ другою, свѣдѣствующею въ Сибири, ужасною болѣзнію, которую онъ принялъ за Elephantiasis. Выводы его опытовъ помѣщены ниже.

бархатно-пестрым покрывалом, обнаженному глазу довер-
шенно. У береговъ, отлогостей и низкихъ растень
параллельно и вкось, на поляхъ, а на равнинахъ
возвышается жесткая трава, которая, вблизи, мож-
но достигнуть слухомъ, слышны цыплячья
парить, потому что при случающихся ожогов
переломныхъ прерывается полетомъ. Чуть
близь приближаешься къ морю, тамъ, реже, на-
дишь малорослыя деревья и кустарники, которые
зависаютъ отъ берега. Колымскъ, около 35
верстъ севернее Нижне-Колымска, полярнаго
застоя. На правую берега идетъ простираться ледя-
ная долина, дающая въ виду. Везде, въ бе-
регъ, на сухой, и глинистой почвѣ, благоприятная
для произрастанія, которая, растутъ здесь и самыя
мелкія, въ болыи, разнообразныя, нежные и нежные
старому, на морской, и дикой, и болотной поч-
вѣ. На равнинахъ, покрытыхъ дорожною травой,
попадаются нивы, и въ особенности, нивы,
также, цвѣтутъ, и нивы. Чуть, вблизи, нивы,
если только можетъ, здесь, существовать, и если
находить сентиментальную незабудку на берегахъ
ручейковъ. Мелкая смородина, голубица, брусни-
ка, мороника, княженица и шикша цвѣтутъ здесь,
а въ благоприятное лѣто даютъ и плоды. Не объ
огородныхъ овощахъ вѣдь и думать, никто не
рѣшается разводить ихъ, ибо навѣрное можно
предполагать, что здесь ничто подобное не при-
дется. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ въ 2° юж-
нѣ, видѣлъ я однакожъ рѣдку, а также и капусту
безъ вилокъ.

для нас чудило, представляли съ новую картину. Но здесь, куда ничто не заглядывает надежда на будущее, где одна лишь безмолвная, омерзительная и ледяная покрывала бурлящая, опротивевшая мрачный горизонтъ, где подъ теснотой крововъ въ нѣмой ринѣ потребенная природа, не можетъ почти ничего представить чело-вѣку, и где жизнь есть лишь горестное бремя со всеми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ перышекъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслаждений, что могло побудить чело-вѣка оставить свое прежнее, изрочить, притязавшее жилище, и поселиться въ сей ужасной юности природы, которая заключаетъ въ себя то, что ко-сти уже давно несуществующихъ, первобытныхъ животныхъ? Неправильно будемъ мы искать разрѣшенія нашему вопросу: никакой памятникъ, никакое преданіе не говорить, о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи по-коренія Сибири Русскими неизвѣстно ничего по-стояннаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у Омоковъ больше, нежели звѣздъ на не-бомъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ нѣкихъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ томистыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ котельныхъ кургановъ (въ особенности у рѣки Индигирки); то и другое при-надлежало, какъ полагають, сильному и много-численному поколѣнію Омоковъ, которое нынѣ вовсе исчезло.

Судя по несвязнымъ отзывамъ некоторыхъ стариковъ, кажется, что Омоки не были почтующимъ народомъ, и имъ имъ постоянную бедность по багрятамъ верховья рѣки, дичью, закровавшими и трепаннымъ предвѣдѣть. Другое негосподствующее показаніе, называемое Чукочъ, колвадо, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, чрезъ которую протекаетъ Колымскій на северъ и югъ, отъ чего и доселѣ существуютъ въ сей странѣ названія рѣчекъ, яковъ: Малая и Большая Чукочъ. Омоки сдѣлались, вѣроятно, жертвою вранья и болѣзней, и Чукочъ, или Чукчи, переселились частію еще далѣе къ северу, гдѣ нынѣ обитаютъ, частію сѣлились съ другими поколѣніями, которыя также имѣютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда временно и составляютъ нынѣшнее смѣнное населеніе здѣшней страны.

Во всемъ Колымскомъ округѣ состоитъ жителей Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ и казаковъ 325, Якутовъ 1,034, Юкагировъ и другихъ поколѣній 1,139, вообще 2,498 человекъ мужескаго пола, изъ коихъ 2,173 обложены данкомъ. Они платятъ асака, или податей, 803 лисицы и 28 соборлей, которые по среднимъ цѣнамъ можно почитать въ 6,704 руб., и сверхъ того деньгами 10,847 р., такъ, что на каждую душу мужескаго пола Якутовъ и другихъ поколѣній, въ сложности, падаетъ около 8 р. 8 коп. Большая часть крестьянъ и мѣщанъ происходятъ отъ ссыльныхъ, а казаки суть потомки тѣхъ, которые по раззореніи Анадырскаго острога Чукчами переселились сюда.

До 1812 года казаки считались въ действительной службѣ, и получали отъ Правительства пропитаніе, который одинокимъ обязанъ были сами переносить на судакъ съ верховья Колымы. При свойственной азиатскому народу беззаботности о будущемъ, обладаемые несколькими ердау, весьма прибыльными годами для эвиринскихъ и рыбныхъ промысловъ, казаки оставили сію, весьма трудную для нихъ перевозку, такъ, что наконецъ, въ 1812 году, Правительство вовсе прекратило продовольствіе ихъ провіантомъ. Нынѣ, когда несколько уже дѣтъ рыбные и эвиринские промыслы судакъ, и господствуетъ всеобщій въ азиатскомъ краю недостатокъ, казаки должны очень расквашаться, что собственною беззаботностью лишились себя благодѣтельной подпоры Правительства. Исключая шести человекъ, которые состояли въ действительной службѣ для содержанія караула и исполненія всякихъ приказаній, прочіе казаки составляютъ особую станицу, подъ непосредственною командою сотника, подчиненнаго частному Исправнику въ Средне-Колымскѣ. Казаки не платятъ никакихъ податей, но възато того обязаны, по первому востребованію, явиться на службу, имея при себѣ сабли и ружья. Главнѣйшую ихъ службу составляетъ походъ къ крепости Острожной, куда отправляются ежегодно отъ 25-ти до 30 человекъ, для соблюденія порядка на Чукотской ярмаркѣ, и для защиты, въ нужномъ случаѣ, Русскихъ и другихъ промышленниковъ противъ Чукчей.

Хотя обитающіе здѣсь собственно Русскіе, черезъ смѣшеніе съ Юкагирами и Ангийскими Ялутами заимствовали отъ нихъ многое въ одежду, образъ жизни, и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкими своимъ сложеніемъ. Они вообще роста выше, тѣло больше, и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не встрѣчалъ я у природнѣйшихъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, въ какой жиають, съ чертами лица пріятнѣе и правильнѣе, нежели у настоящихъ Юкагирокъ, Тунгусокъ и Якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами. Онѣ не чужды супружеской нежности, и пріятно видѣть радость жены, или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опаснаго промысла, или изъ дальней повздки. Послѣ первыхъ привѣтствій и благодарственной молитвы, выставляется на столъ все, что есть лучшаго въ запасѣ, и потомъ возвратившійся долженъ разсказать, какіе преодолѣлъ онъ труды, какихъ избѣжалъ опасностей, и т. д. Съ искреннимъ участіемъ, все семейство слушаетъ разсказчика, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятіе объ его твердости духа, рѣшительности или смѣлости, зная, что въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ доброе о себѣ мнѣніе.

Многія изъ женщинъ одарены способностью одарять пѣсни, заключающія въ себѣ болѣею частію жалобы на разлуку съ любезными. Въ такихъ

русскихъ замѣчательно воспоминаніе о прошедшемъ времени; главныя роли въ нихъ играютъ голубокъ, сныговей, пѣвцы, и многіе другіе предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ пѣвцы знаютъ только по слухамъ. Вотъ два образца:

1.

Нарину ая а яхъма, не веранъ, не чернаго,

Нарину писмо гарючей сегой.

Отошло я писмо съ сизокрыльскимъ голубкомъ.

Полети ты, сизокрыльскій, во славный городъ во Якутскъ,

Обрати ты писмо подъ косящее подъ окошечко, и проч.

2.

Ты скажи, сарофанка,

Ты скажи мнѣ, черноперинской,

Гдѣ морскихъ ты повстрѣчалъ?—

Повстрѣчалъ я ихъ на долгихъ на плесахъ,

На моремыхъ на бѣлыхъ горесахъ,

И напой острова угадаю тутъ самъ.

Полети ты, солодовьякъ, во синѣ море.

И скажи моему ты милому,

Что подруженька его горько плачетъ, и проч.

Мужчины изъ здѣшнихъ Русскихъ поютъ также довольно пріятно; пѣсни ихъ называются *адышаданами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, сосѣди собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между адышскими Русскими видны еще нѣкоторая веселость и наслажденіе жизнью; чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныкъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ обществѣ Русскихъ, но и тѣ не умѣютъ вполне изъяслять своей веселости. Однакожъ такое, и мно-

перегородки для отдѣленія спаленъ, остающаяся часть хижинъ заключаетъ въ себѣ кухню, рабочую и гостиную, обставленную довольно широкими скамьями, которыя покрываются оленьими кожей. Но отдѣлы различиваются физическою и моральною утварю, ружья, стрѣлы, луки, и т. п. Два окна, въ квадратной сѣтѣ, а иногда и менѣе, кой кимъ освѣщали бы хижину, еслибы въ нихъ вставлены были стекла, но вставляющіе ихъ лѣтѣмъ рыбы жульеры (обыкновенно изъ налимъ), а зимою лѣдины, въ шестъ дюймовъ толщины, ади только пропуская дневной свѣтъ. Съ одной стороны дома пристроиваются сени, въ которыхъ принимаютъ лабара, складенный изъ толстыхъ бревенъ. Въ сеняхъ обыкновенно дѣлается очагъ. Въ домѣ расположены окнами въ югу. Какъ во всемъ домѣ, такъ и на крыльяхъ, устроены банюшки, вѣшалки, для сушенія рыбы, а у лабара огонь, конура, тѣ же вѣшалки, котелки, коровы, укрыватель собакъ, при менѣе чемъ холоде обыкновенно божатся изорвать домомъ, онъ приложенъ къ длинному ремню и зарывается въ снѣгъ. Заборы почти нигде нѣтъ. Такъ вообще строятся здѣсь дома, безъ всякихъ правилъ, по произволу хозяина. До бани жители небольшие охотники, и во всемъ Нижне-Колымскѣ нашли мы одну общественную баню, и та была въ самомъ неисправномъ положеніи. Опрятность въ жилищахъ и одеждѣ можно видѣть только у богатыхъ, жены которыхъ носятъ рубахи изъ бумажной матеріи и холста. Обыкновенныя рубахи (парки) плетутся изъ нѣжныхъ

оленьихъ шкуръ, спереди открытыя, и надѣваются шерстью внутрь; наружная сторона выкрашена ольховою корою въ красный цвѣтъ, и опушена по низу и рукавамъ тонкими бобровыми ремнями, или кожею рѣчной выдры, которая покупается довольно дорого у Чукчей. Изъ оленьей шкуры шьютъ и нижнее платье. Сверхъ рубахи надѣваютъ камлею, изъ ровдуги, которая отъ дыма становится желтою. Камлея закрыта спереди и сзади; къ ней пришить капишонъ, накидываемый на голову, при выходѣ изъ двора. Зажиточные люди носятъ дома китайчатые камлеи. На ноги надѣваютъ родъ башмаковъ (*калпички* и *аларчики*), изъ темной юфти, или чернаго сафьяна, которые пришиваются къ голенищамъ, сдѣланнымъ изъ жесткой оленьей кожи, и вышиваются разноцвѣтными шелками, даже золотомъ. Два длинные ремня, прикрепленные къ каблuku, обхватываютъ ногу крестообразно. Мѣховая шапка, острая къ верху, такъ широка и высока, что можетъ покрывать лобъ и щеки; кромѣ того, для щегольства и большаго тепла, надѣваются *налобники*, *наушники*, *наносники* и *набородники*; особенно налобникъ вышивается разноцвѣтными шелками и золотомъ. При входѣ въ комнату шапка снимается, а налобникъ остается нѣсколько времени, какъ будто на показъ.

Во время повѣздокъ, сверхъ всего платья, накидывается еще *кухлянка*, широкая, изъ двойнаго мѣха сшитая камлейка, съ капишономъ; къ рукавамъ приделаны большія рукавицы, у которыхъ

подъ низомъ разрѣзъ, чтобы иногда, въ случаѣ надобности, можно было просунуть руку и опять тотчасъ спрятать ее отъ холода. Въмѣсто домашнихъ сапоговъ надѣваются полчулки или носки, изъ кожи молодаго оленя (*чижи*), а сверху *торбосы*, или теплые сапоги. Въ такой одеждѣ можно долго выносить самый сильный морозъ. На кушакъ висятъ большой ножъ, маленькая *гам-за* (мѣдная, или оловянная трубка), съ короткимъ, вдоль разрѣзаннымъ и ремнями связаннымъ чубукомъ, и кошель, гдѣ лежатъ огниво и табакъ, изъ экономіи смѣшанный съ мѣлко-на-скобленнымъ, листовичнымъ деревомъ. Здѣшніе Рускіе курятъ подобно всѣмъ сѣвернымъ Азіатскимъ народамъ: вбираютъ въ себя дымъ и выпускаютъ потомъ изъ носа, отъ чего приходятъ въ безпамятство, которое бываетъ иногда такъ сильно, что они, сидя передъ чуваломъ, безъ чувствъ падаютъ въ огонь. Впрочемъ, много рассказываютъ они о пріятностяхъ такого опьяняющаго куренія, и увѣряютъ, что оно весьма со-грѣваетъ въ большіе морозы.

Одежда женщинъ разнится отъ мужской преимущественно тѣмъ, что состоитъ изъ легчайшей кожи, а у богатыхъ изъ какой нибудь бумажной, или шелковой матеріи, съ лежащимъ воротникомъ изъ собольихъ, или куньихъ хвостовъ; бѣдныя довольствуются оленьими выпоротками. Замужнія женщины повязываютъ обыкновенно голову бумажнымъ, или шелковымъ платкомъ; иногда надѣваютъ и калпаки, подъ которые, по

Русскому обычаю, подбираютъ волосы; незамужнія заплетаютъ ихъ въ длинныя косы, и сверхъ того, когда въ нарядѣ, носятъ повязки на лбу. Праздничное платье очень похоже на то, какое ятъ за 50. носили наши купчихи; тѣмъ цвѣтныя и пестрые шелковая матерія, и тѣмъ блестяще; и длинныя серьги, тѣмъ красивѣе почитается нарядъ. Купцы, прѣзжающіе на ярмарки, ухъютъ здѣсь пользоваться, сбывая на берегахъ Колымѣ, за дорогую цѣну, такія платья, которыя даже въ Якутскѣ вышли изъ моды.

Желая имѣть понятіе объ образѣ жизни прибрежныхъ Колымчанъ, надобно въ сколько времени прожить съ ними: слѣдовать за ними изъ зимнихъ избу въ лѣтніе балаганы; плавать съ ними въ корбастъ, или въ вѣткѣ; по быстрымъ рѣкамъ; взбираться верхомъ, или пѣшкомъ, на скалы; прокладывать дорогу черезъ густой лѣсъ; въ жестокіе морозы и мятель носиться на легкой нартѣ, запряженной борзыми собаками, по безконечной тундрѣ; оловомъ, надобно ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Такова была жизнь наша, въ продолженіе почти трехъ лѣтъ моего пребыванія здѣсь; мы жили въ ихъ обществѣ, одѣвались такъ же, какъ они, питались ихъ вяленою рыбою и раздѣляли съ ними всѣ неудобства здѣшняго климата; при крайнемъ недостаткѣ въ потребностяхъ всякаго рода, что все даетъ мнѣ возможность представить въярнее изображеніе жизни въ Нижне-Колымскѣ, а за исключеніемъ немногихъ

мѣстныхъ обстоятельствъ, она одинакова по всемъ берегамъ Колымы.

Начнемъ съ весны. Рыбная ловля, какъ я уже замѣтилъ, важнѣйшая отрасль здѣшней промышленности; все существованіе обитателя зависитъ отъ нея. Но, мы увидимъ въ послѣдствіи, что Нижне-Колымскій острогъ стоитъ на самомъ невыгодномъ мѣстѣ для рыбнаго промысла, и потому жители должны отправляться въ другія мѣста за пищею. Лишь только наступить весна, они оставляютъ жилища, и вдоль береговъ рѣки отыскиваютъ мѣсто, гдѣ, съ большою поспѣшностью, устрояютъ балаганъ и готовятъ все необходимое для рыбной ловли. Многіе изъ Нижне-Колымскихъ мѣщанъ имѣютъ въ окрестностяхъ при устьяхъ рѣчекъ (виски) маленькія дачи, куда разъѣзжаются еще въ Апрѣль, чтобы все заблаговременно устроить, и въ половинѣ Мая, когда купцы, возвратясь съ ярмарки, бывающей въ Островной, на Маломъ Анюѣ, собираются обратно въ Якутскъ, всѣ мѣстные жители спѣшатъ на свои лѣтовья, и въ острогъ остаются только казацкій сотникъ, съ двумя караульными въ канцеляріи, священникъ съ причтомъ, и нѣсколько голодныхъ семействъ, которыя не въ состояніи слѣдовать на общій промыселъ.

На Колымѣ весна самое тяжелое для жителей время года: съѣстные припасы, заготовленные лѣтомъ и осенью, всѣ исходятъ въ продолженіе зимы; рыба, укрывшаяся отъ жестокой стужи на днѣ рѣкъ и озеръ, не показывается еще

въ водѣ; собаки, изнуренныя зимнею работою и недостаткомъ корма, не могутъ уже болѣе служить для того, чтобы пользоваться послѣднимъ весеннимъ благодѣяніемъ природы, такъ называемымъ *настомъ* *, гнаться на нихъ за оленями и сохатыми; куропатки, наловленные кой гдѣ силками, доставляютъ весьма незначительное пособіе; однимъ словомъ—угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ. Въ то время Тунгусы и Юкагиры толпами переходятъ съ тундры и съ Анюя въ Русскія селенія на Колымѣ, искать спасенія отъ голодной смерти. Блѣдные, безсильные бродятъ они, какъ тѣни, и бросаются съ жадностью на трупы убитыхъ или павшихъ оленей; кости, шкуру, ремни, на все, что только можетъ сколько нибудь служить къ утоленію мучительной потребности въ пищу. Но и здѣсь видятъ они мало отрады: и здѣсь свирѣпствуетъ голодъ, такъ, что самыя жители принуждены довольствоваться скудными остатками отъ заготовленного собакамъ корма. Многія собаки падаютъ истощенныя голодомъ.

* Когда отъ теплоты весеннихъ лучей солнца тающій на поверхности снѣгъ опять замерзаетъ ночью, то образуется тонкая ледяная кора, которая столь тверда, что можетъ поддерживать легкую нарту, запряженную собаками. Она называется *настомъ*, и способствуетъ преслѣдованію оленей и сохатыхъ, которые по тяжести своей проламываясь сквозь ледъ, попадаютъ въ руки охотника. Прочность наста зависитъ отъ того, болѣе или менѣе открыто мѣстоположеніе, и подъ низомъ твердый или рыхлый снѣгъ. Впрочемъ, настъ образуется не каждый годъ; во все пребываніе наше мы не видали его въ окрестностяхъ Нижне-Колымска.

Хотя изъ казеннаго запаснаго магазина можно покупать затѣлую ржаную муку, и брать даже въ долгъ до осени или зимы, но немногіе въ состояніи платить по 20 рубл. за пудъ. Такъ дорого продается мука отъ того, что провозъ ея изъ дальнихъ мѣстъ сопряженъ съ большимъ затру-
дненіемъ и нѣредко продолжается около двухъ лѣтъ. Въ бытность нашу въ Средне-Колымскѣ, тамошнему Комиссару надлежало сдѣлать сѣту: какое количество муки нужно для обезпеченія народа на все время весенняго голода? Онъ потребовалъ о томъ свидѣнія отъ казачкаго сотника, подъ особеннымъ надзоромъ котораго находятся Тунгусы и Юкагиры, и получилъ въ отвѣтъ: «Не могу сказать опредѣлительно, но увѣ-
рять васъ, что многіе согласятся лучше умереть съ голода, нежели платить по два рубля за каж-
дый день горестной жизни.»

Три такіа ужасныя весны прожилъ я здѣсь, и теперь еще съ содроганіемъ представляю себѣ плачевную картину голода и нищеты, которой, хотя былъ свидѣтелемъ, описать не въ силахъ.

Но когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени, Провиднiе посылаетъ обыкновенно и помощь: внезапно прилетаютъ изъ южныхъ странъ большія стада лебедей, гусей, утокъ, куликовъ и дру-
гихъ птицъ. Они предвѣщаютъ конецъ всеобщему бѣдствію. Старый и малый, мужчины и женщины, кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье или лукъ, всѣ спѣшатъ убивать изъ пер-

натыхъ гостей что могутъ. Въ разставленные подъ льдомъ сѣти уже попадаетъ и рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходитъ. Но все еще нѣтъ изобилія въ пищу; кажется, будто природа, подобно искусному врачу, съ умеренностью подкрѣпляетъ истощенныхъ. Наконецъ, въ Іюнѣ открывается рѣка, приплываетъ множество рыбы, и всякій спѣшитъ запастись на будущій годъ. Но въ то время случается иногда новое бѣдствіе: рѣка не въ состояніи довольно скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, которыя, спираясь въ узкихъ мѣстахъ, образуютъ родъ плотинъ и останавливаютъ теченіе воды; она выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ луга и селенія. Если жители не успѣютъ отогнать лошадей своихъ на высокое мѣсто, то лишаются ихъ навсегда. Лѣтомъ 1822 года было при насъ наводненіе въ Нижне-Колымскѣ, распространившееся столь внезапно, что мы едва имѣли время, съ нѣкоторыми вещами, взобраться на плоскія крыши, и должны были просидѣть тамъ болѣе недѣли. Вода быстро неслась между домами; къ сѣверу лежащее озеро соединилось съ рѣкою, и весь острогъ походилъ на архипелагъ маленькихъ острововъ, потому, что одни только кровли не были покрыты водою. Жители перебѣжали другъ къ другу на карбасахъ и вѣткахъ, и сидя на крышахъ закидывали сѣти и ловили рыбу.

Наводненія бываютъ, въ большей или меньшей степени, но ежегодно. Лишь только вода сбѣ-

жить, начинается ловля неводами. * Весною рыба плавает вниз по течению реки; в иных местах ходъ ее продолжается нѣсколько дней, а в другихъ, какъ то, близъ Походска и въ Чукотскомъ протокѣ, поплавающая рыба ловится цѣлое лѣто, но только количество ее постепенно уменьшается. Преимущественно попадаются стерляди, нельма, муксуны, и такъ называемые чирь. Вся рыба обыкновенно бываетъ очень тоща, и потому большею частію готовятъ ее для корма собакамъ, въ видѣ юхолов, т. е. распластываютъ, потрошатъ и сушатъ на воздухѣ. Изъ внутренности вывариваютъ жиръ, который употребляется въ пищу и на освѣщеніе изъ въ зимнія ночи.

Свѣжіе морскіе вѣтры, приводящіе реку въ

* Къ востоку отъ Лены Колыма особенно изобилуетъ рыбою, почему берега ее населены болѣе, нежели берега Яны, Индигирки и Алазеи. Дабы имѣть нѣкоторое понятіе о чрезвычайномъ расходѣ рыбы, составляющей главнѣйшую пищу здѣшнихъ жителей и собакъ ихъ, надобно знать, что на годовое содержаніе ста семей, живущихъ въ окрестностяхъ Нижне-Колымска, потребно не менѣе трехъ милліоновъ сельдей. Но какъ и въ хорошій годъ Колыма даетъ около милліона сельдей, то оставшее количество замѣняется другою рыбою, которой нужно, по крайней мѣрѣ, до 200,000 штукъ. Впрочемъ, по числу наловленной рыбы нельзя дѣлать вѣрнаго заключенія объ изобиліи ее въ реку, ибо успѣхъ промысла много зависитъ отъ обстоятельствъ. За нѣсколько лѣтъ до прибытія нашего на Колыму, случилось, что въ началѣ обыкновеннаго осенняго хода муксуновъ устье Омолона замерзло, такъ, что прибрежные жители могли перегородить реку поперегъ мережами и наловили въ три дня 80,000 крупныхъ муксуновъ, чего въ обыкновенные годы не доставить промысла цѣлаго лѣта.

сильное волненіе, часто препятствуютъ закидыванью неводовъ, именно въ то время, когда ходъ рыбы бываетъ обильнѣе. Къ тому присоединяется несовершенство здѣшнихъ неводовъ, дѣлаемыхъ изъ конскихъ волосовъ, и то, что жители не умѣютъ, или боятся кидать невода посреди рѣки, гдѣ рыба всегда крупнѣе и въ большемъ количествѣ. Они ограничиваются ловомъ въ вискахъ и побочныхъ рѣчкахъ Колымы, которая, какъ выше сказано, весною сильно разливается и нагоняетъ множество рыбы въ маленькія рѣчки и соединяющіяся съ ними озера, откуда она, когда главная рѣка возвратится въ берега свои, идетъ на прежнее мѣсто и ловится мережами, или мордами, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ. Сей промыселъ съ большою дѣятельностью начинается тогда, какъ кончится весенній ловъ неводами, или *неводьба*, по названію Сибиряковъ. Всѣ жители, или хотъ по одному изъ каждой семьи, перебираются на виски. При ловѣ неводами наблюдается очередь въ закидываньи ихъ, и добытая каждый разъ рыба принадлежитъ хозяину невода; на вискахъ же дѣлятъ рыбу въ каждый *высмотръ* * на равные пай, между хозяевами погружаемыхъ мережей.

Послѣднимъ способомъ ловится всего болѣе жирныхъ *чировъ*, составляющихъ любимую пищу жителей, такъ называемую, *пѣдомную юколу*. Она отличается отъ вышеупомянутой *юхолы* выборомъ лучшей рыбы и большимъ стараніемъ въ

* Такъ называется смотръ мережи, погруженной въ виску.

приготовленіи. Распластавъ рыбу на двое, вынимаютъ изъ нея всѣ кости, мѣлко надрезываютъ мясо, чтобы оно сдѣлалось мягче, и сушатъ на воздухѣ. Иногда коптятъ и въ дыму, для предохраненія отъ порчи. * Верхняя часть мяса обыкновенно срѣзывается, сушится особо, толчется въ деревянной ступкѣ, и съ небольшою примѣсью жира сберегается на зиму въ флягахъ. Такимъ же образомъ отдѣляются потроха, составляющіе самыя жирныя части рыбы, сушатся и употребляются для лакомой начинки пироговъ, которые пекутся не изъ тѣста, а изъ толченыхъ мягкихъ частей свѣжей рыбы.

Когда височный промыселъ приходитъ къ концу, появляется опять въ рѣкѣ большая морская рыба, нельмы и стерляди, которыхъ ловятъ неводами и сѣтями.

Въ продолженіе рыбныхъ промысловъ прилетаютъ къ морскому берегу лебеди, гуси и утки, линяютъ здѣсь, выютъ гнѣзда и высиживаютъ птенцовъ. Тогда нѣкоторые изъ промысловиковъ отправляются вынимать яицы изъ гнѣздъ; настоящая ловля начинается въ то время, когда птицы, лишенные перьевъ, не могутъ летать. Тутъ охотники собираются во множествѣ къ гнѣздамъ, пугаютъ птицъ соба-

* Лучшая юкола готовится въ Походскѣ и Маломъ Чукотскѣ, гдѣ воздухъ холоднѣе и рыба теряетъ менше жира. Тамошній отличный родъ юколы называется *хатта*. Юкола, такъ же какъ и юкола, продается связками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ 50 штукъ крупной и 100 мѣлкой рыбы.

ками и загоняютъ въ озера, гдѣ на веткахъ бьютъ ихъ, чѣмъ попамо, изъ ружей, стрѣлами, даже палками. Часть добычи коптится, а остальная замораживается и зарывается въ снѣгъ, для употребленія зимою. Впрочемъ, сей промыселъ съ нѣкотораго времени весьма оскудѣлъ; лѣтъ за 20-ть охотники приносили домой въ иные дни по нѣскольку тысячъ гусей, а нынѣ при устьѣ Колымы почитаютъ за счастье, если удастся во все лѣто убить до 1000 гусей, до 5000 утокъ и сотни двѣ лебедей *, что происходитъ не отъ уменьшенія птицъ, иногда въ чрезвычайномъ множествѣ разсѣянныхъ по горамъ, тундрамъ и протокамъ, но отъ того, что жители заняты болѣе рыбными промыслами, требующими меньшихъ трудовъ и приносящими вѣрнѣйшую прибыль, и не успеваютъ на ловлю птицъ.

Кромѣ рыбы и птицы, добрые хозяева запасаются также оленьимъ мясомъ. Для того иные плывутъ на карбасахъ по Анюю, къ лѣтней плавкѣ оленей, а другіе отправляются на лошадяхъ въ тундру, къ большимъ озерамъ, загоняютъ оленей приученными собаками въ воду и убиваютъ покомогою. ** Промыселъ гораздо прибыльнѣе на

** Кажется, что перелетныя птицы никогда не выютъ гнѣздъ два года сряду въ одномъ мѣстѣ, но довольно правильно переменяютъ свое пребываніе. Зимняя ловля подвергается также нѣкоторой правильной переменѣ; здѣсь вообще полагаютъ, что песцы появляются во множествѣ только на третій годъ; соболи и зайцы часто совсѣмъ исчезаютъ.

* Большой ножъ, насаженный на длинную рукоятку.

Анюв, нежели въ тундрѣ; ловкій охотникъ убьетъ на рѣкѣ, въ хорошій годъ, до 100 оленей, а въ тундрѣ достанется каждому охотнику не болѣе 20, и даже иногда только по 5-ти оленей, но за то здѣсь они рослѣе и жирнѣе. *

Между тѣмъ, пока мужчины занимаются рыбными промыслами и охотою, женщины также пользуются короткимъ лѣтомъ, собирая на зиму произведенія растительнаго царства. Выше сказано уже, что частію растаявшая почва, особенно на горахъ, производитъ ягоды, душистыя травы и коренья. Женщины знаютъ ихъ совершенно, и набираютъ столько, сколько дозволяетъ болѣе или менѣе благоприятное лѣто. Однакожъ не вездѣ каждый годъ есть ягоды; въ трехъ-лѣтнее пребываніе наше на Колымѣ не нашли мы ни одной ниже острога. Изобильнѣе растутъ ягоды, особенно голубица, на восточномъ берегу Колымы и на отлогости Пантелеевской сопки, куда ходятъ собирать ихъ въ половинѣ Августа—самое пріятное время года для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ: онѣ отправляются туда большими обществами, проводятъ часто цѣлыя ночи подъ открытымъ небомъ, поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся различнымъ образомъ. Набранныя ягоды обливаютъ водою, замораживаютъ и сохраняютъ на зиму, какъ любимое лакомство.

Изъ растений и кореньевъ полезны только *тимъ-*

* Сей замѣчательный промыселъ обстоятельно описанъ ниже, въ журналѣ мичмана Матюшкина, который имѣлъ случай дѣлать надъ нимъ точныя наблюденія.

янь и макарша; первый употребляется преимущественно для куренья, а иногда и въ пищу. Макарша мучноватый корень, который кладутъ для приправы въ пироги съ рыбою и мясомъ, или подаютъ отдельно, вмѣсто десерта, передъ вечернимъ чаемъ; его находятъ въ подземныхъ норахъ полевыхъ мышей, собирающихъ на зиму большой запасъ всякихъ кореньевъ. Женщины имѣютъ особенный даръ отыскивать такія убѣжища и уносить у бѣдныхъ животныхъ плоды предусмотрительной ихъ заботливости.

Наступаетъ Сентябрь, и большой ходъ сельдей * съ моря заманиваетъ почти всѣхъ жителей на тони. Сельдей является такое множество, что въ благопріятные годы вытаскиваютъ въ одну тоню 3000 и болѣе, и въ три или четыре дня хорошимъ неводомъ добываютъ до 40,000. Нерѣдко случается, что послѣ трехъ-мѣсячной неудачной ловли другой рыбы, бѣднымъ жителямъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ, но вдругъ показываются въ рѣкахъ благодѣтельные сельди и цѣлые анбары наполняются ими. До наступленія морозовъ, наловленные сельди развѣшиваютъ, чтобы вытекла изъ нихъ вода; отъ того онѣ дѣлаются легче въ дорогѣ и пригоднѣе для кор-

* Надобно замѣтить, что отъ Погрознаго до Нижне-Колымска, на разстояніи 3-хъ верстъ, ходъ сельдей продолжается три дня. Самыя крупныя ловятся въ Колымѣ, помѣльче въ Алазѣ, а еще мѣльче въ Индигиркѣ и Янѣ. По тому, кажется, можно заключить, что они имѣютъ направленіе отъ запада на востокъ.

ма собакамъ. Сельди, добываемыя во время морозовъ, покрываются льдомъ, безвкусны, и на морозъ собаки ихъ съ трудомъ раскусываютъ.

Къ тому времени, когда идутъ сельди, возвращаются съ Анюя и тундры промышленники, отправлявшіеся на ловлю оленей, а вмѣстѣ съ ними возвращается и новая жизнь въ страну, которая незадолго предъ тѣмъ была пуста и безлюдна. Съ робостью ожидаютъ извѣстія: чего должно надѣяться или страшиться для предстоящей зимы? Удачный промыселъ производить всеобщую радость, и долгое время составляетъ единственный предметъ разговоровъ, причемъ самыя незначительныя обстоятельства, каждое движеніе оленя, ловкость охотника, смышленность собаки, и т. д., рассказываются съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разбитіи непріятельской арміи.

Съ наступленіемъ морозовъ прекращается лѣтній промыселъ рыбы, и лишь только рѣки замерзнутъ, начинается осенній. Съѣти, съѣманныя изъ конскихъ волосовъ, погружаются въ проруби поперегъ рѣки. Тогда ловятся преимущественно муксуны, омули (*salmo autumnalis*) и пельма (*salmo pelma*), пригоняемые вѣтрами съ моря, близость коего въ особенности благоприятствуетъ сему промыслу. По Каменной Колымѣ, около *Шалаурова зимовья*, *Кабачкова* и *Сухарнаго*; и по Средней Колымѣ, у *Каменнаго острова*, ловля продолжается, съ переменнымъ успѣхомъ, до Декабря, когда темнота и сильные морозы застав-

ляютъ рыбаковъ прекращать работу и возвращаться въ селенія.

Такимъ образомъ, съ каждымъ временемъ года перемѣняются занятія Колымскихъ жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не позволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ мысленность, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благоприятнаго времени для каждаго промысла, и когда изсякнетъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. Какъ мы видѣли, за промысломъ рыбы въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди, и наконецъ рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ.

Для птицъ также есть различные періоды: сначала линяютъ утки, потомъ гуси, наконецъ лебеди. Сверхъ того раздѣляются онѣ здѣсь, по времени линянья, на два класса: *дѣтчиковъ* и *холостѣй*. Первыми называются птенцы, которые не оставляютъ еще своихъ матокъ, и ловятся, или убиваются, вмѣстѣ съ ними; вторыя уже суть подростшія молодыя птицы, которыя линяютъ позже старыхъ и ловятся послѣ нихъ.

Единственно такое благотворное устройство природы даетъ жителямъ способы, запастись на долгую зиму необходимыми потребностями для себя и для полезнѣйшаго домашняго скота, собакъ, избавляясь отъ всегдашняго недостатка

въ пищу, ибо при бѣдности и малочисленности семействъ было бы невозможно имъ успѣвать во всѣхъ промыслахъ, еслибы надлежало ихъ производить въ одно и то же время. Но завсѣмъ тѣмъ приготовленіе запасовъ имъ крайне тягостно, ибо, кромѣ рыбной ловли и охоты, въ чемъ заключаются почти единственные источники ихъ пропитанія, есть еще много другихъ, не менѣе нужныхъ занятій. Кто имѣетъ лошадей, * долженъ накопить для нихъ сѣна; инымъ надобно исправить избу, или построить новую; поставить въ лѣсу и насторожить *пасти* **

* Почти у каждого исправнаго хозяина есть одна, двѣ и даже болѣе лошадей, которыя не употребляются зимою, а ходятъ на свободѣ и вырываютъ копытами изъ-подъ снѣга не совсѣмъ еще поблекшую траву и корни.

** *Пасть* устроивается изъ бревна, положеннаго наклонно, и находящагося подъ нимъ продолговатаго ящика, въ который кладутъ приманку. Лишь только звѣрь дотронуется до приманки, бревно падаетъ на него и задерживаетъ его въ ящикѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ промышленникъ. Мѣста, гдѣ разставлены ловушки, называются *пастниками*: а *насторожить* пасть значитъ положить наживу, или приманку, и вообще изготавить пасть для поимки звѣря. Русскіе, живущіе въ Нижне-Колымскѣ и въ окрестностяхъ его, имѣютъ болѣе 7500 подобныхъ пастей, какъ по берегу рѣки, такъ и на восточной и западной тундрахъ. По восточному берегу Колымы, въ долинахъ рѣкъ Филиповой, Пантелеевой, и другихъ каменныхъ рѣчекъ, ловятся лисицы и соболи, а по западной тундрѣ песцы. Россомахи рѣдко попадаютъ; онѣ такъ сильны, что ломаютъ пасты. Заботливый промышленникъ объѣзжаетъ свои пасты зимою разъ десять во другіе гораздо рѣже, отъ чего, можетъ быть, половина добычи пропадаетъ. При каждомъ высмотрѣ считаютъ по одному звѣрю на десять пастей. Весьма вредное вліяніе на размноженіе звѣрей, особенно песцовъ, производитъ принятой между Юкагирами, Тунгусами, и вообще въ Сибири обычай вырывать порни-ковъ еще слѣпыми.

(ловушки) для пушных звѣрей. На послѣднюю работу отправляются обыкновенно верхомъ, по мерзлой землѣ передъ первымъ снѣгомъ, и потомъ, когда выпадетъ снѣгъ, на собакахъ. Въ то время олени переходятъ съ восточнаго берега рѣки на западный и жители ловятъ ихъ различнымъ образомъ: ставятъ ременные петли въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ звѣрь, или устраиваютъ заборы, въ которыхъ нарочно оставляютъ отверстія. Другіе ѣздятъ партіями, на нартахъ, къ Барановымъ Камнямъ за сохатыми и дикими баранами, или по свѣжему снѣгу, съ приученными собаками, ловятъ лисицъ, соболей и бѣлокъ. Послѣдній родъ промысла принадлежитъ въ особенности Анюйскимъ и Омолонскимъ Юкагирамъ и Средне или Верхне-Колымскимъ Якутамъ, живущимъ въ горахъ и лѣсахъ.

На тундрѣ, по морскому берегу, ставятъ длинными рядами пасти для песцовъ, которые хотя гораздо дешевле прочихъ пушных звѣрей, зато ловятся въ большемъ количествѣ. Выше упомянуто уже, что черезъ каждые три года бываетъ на тундрѣ множество песцовъ, но по изобилію тамъ мышей, они питаются ими и нейдутъ въ пасть за приманкою, которая состоитъ изъ маленькаго живаго звѣрка, или куска мяса, напитаннаго ядомъ. Настораживаніе пасти требуетъ особенной смѣтливости, и нѣкоторые изъ жителей славятся искусствомъ обманывать звѣрей. Въ наше время казацкій сотникъ Солдатовъ считался первымъ промышленникомъ мѣлкой пака-

сти*, особливо лисицъ. Честь его страдала, если не удавалось ему обмануть лисицы, или окормить ее ядомъ. Еще въ большемъ уваженіи здѣсь промышленникъ, который не боится ни сохатаго, ни медвѣдя. Изобрѣтательность въ случаѣ битвы, и мужество, съ какимъ преодоливается противникъ, заслуживаютъ общее вниманія. Вотъ нѣкоторые примѣры: отецъ съ сыномъ отправились верхомъ на лисью охоту; не имѣя удачи, они были бы принуждены возвратиться съ пустыми руками, еслибы, случайно, не набрали на медвѣдя, лежащаго въ берлогѣ. Хотя у нихъ не было оружія, необходимаго для борьбы съ такимъ звѣремъ, но они рѣшились сдѣлать нападеніе. Отецъ прижался спиною къ одному выходу берлоги и закрылъ его совершенно своими широкими плечами, а сынъ, вооруженный только поколюгою, началъ колоть медвѣдя черезъ другое отверстіе. Медвѣдь, чувствуя боль, напрасно искалъ спасенія въ противоположной сторонѣ; ни когтями, ни зубами немогъ онъ прохватить толстой, гладко натянутой шубы широкоплечаго Юкагира, который защищалъ свой постъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ удалось сыну заколотъ звѣря. Нервдко однакожь за подобную самонадѣянность дорого платить промышленникъ. Одному Юкагиру, плывшему на вѣткѣ по рѣкѣ, и имѣвшему при себѣ только поколюгу,

* *Пакастью* называютъ здѣсь вообще всѣхъ звѣрей, промысловыхъ въ ловушки наживамъ. Подъ именемъ *зѣря* собственно разумѣется одинъ сохатый (Сибирскій лось), а иногда изъ уваженія къ сердитому медвѣдю величаютъ и его *чернымъ зѣремъ*.

случилось увидѣть на берегу большого чернаго медвѣдя, который былъ занятъ выкапываніемъ кореньевъ, или мышныхъ гнѣздъ, такъ, что промышленникъ надѣялся подкрасться къ нему незамѣтно и воткнуть въ него свой ножъ. Дѣйствительно, ему удалось подойти близко къ медвѣдю и обхватить лѣвою рукою заднюю его ногу; но прежде, нежели онъ могъ воспользоваться своимъ ножомъ, звѣрь, испугавшись неожиданнаго нападенія, пустился бѣжать на гору и поволокъ за собою несчастнаго Юкагира по кочкамъ и пнямъ, такъ, что онъ, измученный и разбитый, долженъ былъ наконецъ оставить неутомоннаго плѣнника. Подобной участи подвергся одинъ Рускій, который плылъ черезъ Колыму на карбасѣ и увидѣлъ сохатаго по срединѣ рѣки. Разсчитывая, что карбасъ не подыметъ огромнаго звѣря, еслибы и удалось заколоть его въ водѣ, промышленникъ вздумалъ накинуть его веревкою, привязать за рога къ лодкѣ и прибуксировать къ берегу. Хитрецъ уже радовался своей счастливой выдумкѣ и вѣрной добычѣ, но сохатый, доставши длинными ногами дно рѣки, вдругъ помчалъ привязанный къ рогамъ его карбасъ на берегъ, въ лѣсъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ, который, забывъ и лакомое жаркое и славу побѣды, почиталъ себя счастливымъ, когда успѣлъ выкарабкаться изъ безпокойнаго своего экипажа.

Между всѣми домашними животными здѣшняго края, во всякомъ отношеніи первое мѣсто за-

нимаешь собака. Животное, какъ будто самую природою предназначенное быть сотоварищемъ человѣка, охранять его, слѣдовать за нимъ на охоту, могущее, подобно ему, переносить всякій климатъ, питающееся на островахъ Южнаго моря бананами и травами, а на Ледовитомъ морѣ рыбою, и вездѣ приносящее пользу, приучается здѣсь къ тому, что въ другихъ странахъ вовсе ему несвойственно.

Крайность заставила обитателей сѣвера употреблять собаку, по видимому, въ сравненіи съ другими животными, твореніе слабое, вмѣсто рабочаго скота. Всѣ народы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, отъ Оби до Берингова пролива, въ Гренландіи, въ Камчаткѣ, запрягаютъ зимою собакъ въ сани, совершаютъ на нихъ дальнія путешествія и перевозятъ значительныя тяжести.

Здѣшнія собаки весьма похожи на волка; морда у нихъ длинная, острая, уши острые, стоячія, хвостъ длинный, и мохнатый; у иныхъ шерсть гладкая, у другихъ мохнатая, черная, бѣлая, рыжая, пѣгая, и т. д. Величина ихъ также различна, однакожь хорошая нартенная собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и некороче аршина пяти вершковъ. Лай ихъ походитъ болѣе на волчій вой. Круглый годъ проводятъ онѣ на открытомъ воздухѣ; лѣтомъ вырываютъ себѣ ямы въ землѣ, для прохлады, или цѣлый день лежатъ въ водѣ, избавляясь отъ комаровъ, а зимою ищутъ убѣжища подъ снѣгомъ, и свернувшись въ глубокихъ снѣговыхъ

ямкахъ, прикрываютъ морду своимъ мохнатымъ хвостомъ. Каждый хозяинъ держитъ у себя, кромѣ назначенныхъ въ упряжку собакъ, только одного кобеля и одну или двухъ сукъ, для приплода. Изъ щенятъ вскармливаютъ большею частию кобелей, а сукъ почти всѣхъ бросаютъ въ воду. Выкармливаніе и обученіе собакъ для ѣзды составляютъ главнѣйшее занятіе рѣчного жителя. Щенята, родившіеся зимою, приучаются слѣдующею осенью къ упряжкѣ, но не ранѣ третьяго года употребляются въ дальнія поѣздки. Самыхъ проворныхъ и смышленныхъ собакъ впрягаютъ впереди. Скорый и правильный бѣгъ всего пуга, состоящаго обыкновенно изъ 12-ти собакъ, а иногда и самая безопасность ѣздока, зависятъ отъ проворства и послушанія передовыхъ собакъ. Поэтому необходимо приучить ихъ слушаться одного слова хозяина и не бросаться на звѣриный слѣдъ, что составляетъ самую трудную часть въ обученіи собакъ и очень рѣдко удается. Обыкновенно вся упряжка съ визгомъ бросается на слѣдъ звѣря, и никакая сила, кромѣ естественнаго препятствія, не въ состояніи удерживать ея. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно важно имѣть хорошую передовую собаку. Нѣсколько разъ имѣли мы случай удивляться искусству, и обдуманной, такъ сказать, хитрости, съ какими передовая мало по малу отвлекала прочихъ собакъ отъ звѣринаго слѣда, или, если ей не удавалось, съ лаемъ бросалась въ противоположную сторону, какъ будто увидя тамъ другаго звѣ-

ря. Въ разъездахъ по обширнымъ тундрамъ, въ темныя туманныя ночи, или сильныя мятели, когда путешественникъ, ни зги, не видя передъ собою, тщетно ищетъ поварни, и находится въ ежеминутной опасности замерзнуть, или быть замесену снѣгомъ, обученная передовая собака нередко спасаетъ его отъ гибели. Можно быть увѣреннымъ, что среди необозримой, снѣгомъ занесенной пустыни, собака всегда найдетъ поварню, въ которой хоть однажды бывала, и тогда путешественнику остается только лопаткой (необходимую принадлежностью зимнихъ поѣздокъ) отрыть себѣ входъ въ найденный такимъ образомъ ночлеги.

Львомъ собаки также полезны, и обыкновенно употребляются для тяги лодокъ противъ теченія. Замѣчательно, какъ при сей работѣ, если на дорогѣ встрѣтится какое нибудь препятствіе, или переѣзжится бичевникъ, собаки по одному слову хозяина переплываютъ на другой берегъ и становятся снова въ порядокъ. Даже по сухому пути, онѣ перетаскиваютъ иногда, за неимѣніемъ лошадей, лодки (вѣтки), при птичьей ловлѣ употребляемыя. Словомъ, для охотливыхъ жителей здѣшнихъ странъ, собаки такъ же полезны и необходимы, какъ олени для кочующихъ. * Вотъ

* Предлагали запретить рѣчнымъ жителямъ держать собакъ, на томъ основаніи, что большая часть пойманной рыбы (на одну упряжку, въ 12 собакъ, надобно ежедневно отъ 50 до 70 сельдей) назначается для нихъ корма, и такимъ образомъ отнимается у жителей терпящихъ голодъ, но сія мѣра, вмѣсто облегченія туземцовъ, отняла бы у нихъ всѣ средства пропитанія. Болѣзнь и

доказательство ихъ необходимости: въ 1821 году, сильное повѣтріе истребило большую часть собакъ на берегахъ Индигирки, такъ, что у одного Юкагирскаго семейства, изъ 20 собакъ, осталось только два щенка, и тѣ слѣпыя, которые также должны бы погибнуть, еслибы хозяйка юрты не рѣшилась вскормить ихъ своею грудью, наравнѣ съ собственнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ два щенка сдѣлались въ послѣдствіи родоначальниками многочисленнаго поколѣнія. Въ 1822 году, большая часть Колымскихъ жителей потеряли отъ повѣтрія своихъ собакъ и были тѣмъ приведены въ самое бѣдственное положеніе. Они принуждены были таскать на себѣ дрова, а также собранную въ разныхъ мѣстахъ добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, такъ, что время, удобное для птичьей и звѣриной ловли было пропущено. Всеобщій ужасный голодъ сдѣлался отъ того слѣдствіемъ недостатка собакъ, которыхъ, по краткости лѣта и недостатку травянаго корма, замѣнить лошадьми невозможно.

Получивъ понятіе о вѣншей жизни и дѣйствіяхъ сѣвернаго Сибиряка, послѣдуемъ за нимъ въ хижину, куда съ конца лѣта удаляется онъ отдыхать въ кругу семейства отъ понесенныхъ трудовъ и по своему наслаждаться жизнію. Прежде всего, стѣны конопатятся мхомъ, обмазываются

моръ между собаками въ 1821 и 1823 годахъ достаточно доказали неудобносполнимость сего предложенія, которое потому и было отвергнуто.

глиною, самый домъ до оконъ обсыпается землею, чуваль исправляется, и т. д. Обыкновенно въ Декабрѣ, по окончаніи всѣхъ работъ, длинныя полярныя ночи собираютъ всѣхъ членовъ семейства вокругъ очага, гдѣ трескучее пламя замѣняетъ итъ лучи солнца, надолго скрывшагося за горизонтъ. Огонь чувала и нѣсколькихъ жирниковъ тускло свѣтится сквозь ледяныя окна, а изъ трубъ поднимаются высокіе столбы дыма и яркія искрысыпаются надъ кровлями. Собаки, свернувшись, ложатся на снѣгу вокругъ домовъ, и только по временамъ прерываютъ всеобщую тишину ужаснымъ воемъ, обыкновенно четыре раза въ день, но при лунномъ свѣтѣ и чаще. Замѣчательно, что не смотря на множество собакъ въ Нижне-Колымскѣ (при насъ было ихъ до 400), вой ихъ чрезвычайно разнообразенъ, такъ, что въ стройномъ, хоть и неслишкомъ гармоническомъ хорѣ, можно ясно различать высокіе, средніе и низкіе голоса.

Маленькая дверь, обитая мохнатою шкурою бѣлаго медвѣдя, или оленя, ведетъ въ горницу. Хозяинъ дома, съ сыновьями, исправляетъ сѣтъ изъ лошадиныхъ волосовъ, или приготовляетъ луки, стрѣлы и копыя. Женщины, на лавкахъ и на полу, выдѣлываютъ шкуры звѣрей, добытыхъ на охотѣ мужьями, либо оленьими жилами, вмѣсто нитокъ, шьютъ и чинятъ одежду. Надъ очагомъ, въ желѣзномъ котлѣ, варится рыба на кормъ собакамъ. Далѣе готовится для семейства скромный

обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ вареной, или зажареной въ рыбьемъ жирѣ рыбы, либо оленины. Какъ лакомство, подаютъ алады изъ красной икры, или пироги, испеченные, вмѣсто муки, изъ толченаго муксуна, и начиненные искрошенными рыбьими брюшками, олениною, толченою макаршею. Пріѣзжаго угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ: сначала является *струганина* (тонкими пластинками наръзанная рыба, мерзлая, и ее ѣдятъ сырую, прежде нежели она растаетъ), потомъ юкола, копченые олени языки, топлёный олений жиръ, сырой мозгъ изъ оленьихъ костей, замороженное Якутское масло, мороженая морошка, словомъ — всѣ драгоцѣннѣйшія лакомства. Столъ, въ переднемъ углу горницы, покрывается, вмѣсто скатерти, кускомъ сѣти, а вмѣсто салфетокъ подаются тонкія стружки дерева, впрочемъ, послѣднее есть уже признакъ роскоши. Соль является рѣдко, и то развѣ для гостя, потому, что туземцы не только ея не употребляютъ, но чувствуютъ отъ нея даже отвращеніе. Въ домахъ зажиточныхъ жителей Нижне и Средне-Колымска, тотчасъ по пріѣздѣ, угощаютъ гостя чаемъ съ Китайскимъ леденцомъ и — съ юколою, вмѣсто сухарей. Хлѣбъ вообще рѣдко подается. Изъ муки, которая здѣсь очень дорога, готовятъ особаго рода питье, называемое *затуранъ*; муку зажариваютъ въ маслѣ, или въ рыбьемъ жирѣ, потомъ разводятъ горячею водою и пьютъ, какъ чай, въ чашкахъ; такое питье съ хорошимъ масломъ приготовленное, очень полезно въ путешествіи,

имѣть пріятный вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сытно и очень согрѣваетъ.

Къ ежедневнымъ занятіямъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежитъ черпанье воды изъ проруби. Всякая дѣвушка, имѣющая хоть нѣсколько притязаній на красоту или молодость, и непотерявшая еще надежды выдти за мужъ, наряжается около полудня въ свое лучшее платье и спѣшитъ съ ведрами на рѣку, къ проруби. Тамъ собираются всѣ ея подруги, рассказываютъ, слушаютъ новости, уговариваются, какъ провести день, у кого будетъ вечеринка; словомъ, какъ въ Германіи колодцы, такъ здѣсь проруби служатъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ дѣвушекъ. Нерѣдко являются между ними молодые парни и усердно помогаютъ красавицамъ черпать воду. Часто подобныя встрѣчи на проруби играютъ не послѣднюю роль въ сердечныхъ дѣлахъ молодыхъ Колымчанъ.

Святки, Масляница и Святая недѣля приносятъ минутную жизнь въ мѣстечко. Въ большіе праздники, по звуку колокола, всѣ жители, какъ нельзя лучше разряженные, собираются въ церковь. Послѣ службы священникъ, съ крестомъ, посѣщаетъ всѣ дома. Иногда въ праздники, при свѣтѣ чувала, сосѣди собираются на вечеринки. Женщины садятся на лавкахъ; мужчины толпятся по горницѣ и около очага. Обыкновенно начинаютъ играми и пѣснями, а иногда, не смотря на то, что рѣдко горница бываетъ болѣе 3-хъ сажень длины и ширины, находятъ возможность плясать, или, лучше сказать, только прыгать, не передвига-

ясь съ мѣста. У богатѣйшихъ главнымъ угощеніемъ служить чай и выпивается въ немовѣрномъ количествѣ: десять, двѣнадцать чашекъ, или стакановъ, порція самая обыкновенная. Самовары здѣсь рѣдки, и обыкновенно чай готовится въ котлѣ. На столикѣ, въ правомъ углу комнаты, ставятся другія лакомства: юкола, струганина, масло, а иногда, какъ предметъ роскоши, кедровые орѣхи. Не смотря на дороговизну, водка занимаетъ не послѣднее мѣсто на празднествахъ. *

На Масляницѣ также веселятся, и обыкновенно строятъ горы, хотя здѣшніе жители и безъ того почти никогда иначе не ѣздятъ, какъ на саняхъ, по снѣгу или льду.

Такъ однообразно, въ бѣдныхъ наслажденіяхъ, проходитъ жизнь обитателей здѣшней ледяной пустыни, къ счастію ихъ не имѣющихъ почти никакого понятія о другихъ удовольствіяхъ жизни. Если удачныя рыбныя ловли и охота предохранять ихъ отъ голода, и чай и водка есть у нихъ въ изобиліи, они довольны—даже въ нѣкоторой степени счастливы.

Жители Нижне-Колымска одарены крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Ростъ ихъ выше средняго, а между дѣвушками попадаются очень хорошенькія лица. Болѣзни очень рѣдки, и мужчины до глубокой старости сохраняютъ всю свою бодрость. Здоровью ихъ много способствуютъ безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, и усилія, требуе-

* Въ самое дешевое время, фунтъ самаго простаго чаю стоитъ 9 рубл., фунтъ сахару 4½ рубл., а штофъ хлѣбнаго вина 13½ рублей.

мыя при частой ѣздѣ на нартахъ и бѣганьи на лыжахъ. Цынга, сколь часто свирѣпствующая въ странахъ, на западъ отсюда лежащихъ, является здѣсь рѣдко, потому что жители, по недостатку соли, сохраняютъ свои рыбные и мясные запасы всегда мерзлыми.

=

ГЛАВА V.

—
Нижне-Колымскъ. — Обзаведеніе наше. — Приготовленіе экспедиціи. — Основательное сомнѣніе объ открытіяхъ сержанта Андрея. — Прибытіе Англійскаго путешественника Кокрена. — Вечеринка. — Прибытіе штурмана Козьмина. — Поѣздка на собакахъ. — Необходимое отступленіе отъ первоначальнаго плана. — Извѣстіе о прибытіи Чукчей съ Малаго Ангоя и отъѣздъ г. Матюшкина въ Островное
—

Мѣстечко Нижне-Колымскъ основано, по мнѣнію Фишера, въ 1644 году, Якутскимъ казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, который выстроилъ на сѣверномъ рукавѣ рѣки Колымы острогъ, церковь и нѣсколько юртъ. Лѣтъ за шестдесятъ острогъ еще существовалъ, и по немъ названъ рукавъ рѣки *Староострожскимъ*. Въ послѣдствіи, для удобнѣйшаго перевоза провіанта, перенесли заселеніе на островъ, въ другомъ рукавѣ находящійся. Острогъ лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 68° 31' 53" сѣверн. широты и 160° 35' восточн. долготы отъ Гринвича. Склоненіе магнит-

ной стрѣлки было тогда $9^{\circ} 56'$ О, а наклоненіе $77^{\circ} 32\frac{1}{2}'$. Ширина рѣки здѣсь три версты. Горизонтъ ограниченъ къ югу Анюйскими горами, очевидно соединенными съ такъ называемыми *Бѣлыми Камнями*, *Пантелеевскою сопкою* и *Суровымъ Камнемъ*, который издали имѣетъ видъ кровли. Къ сѣверу и западу взоры теряются въ необозримыхъ тундрахъ, изрѣдка покрытыхъ искривленными лиственницами и мѣлкимъ ивовымъ кустарникомъ. Самый острогъ обведенъ деревяннымъ заборомъ, по угламъ коего выстроены четыре маленькія, остроконечныя башни. Внутри сей ограды находится большое строеніе для канцеляріи, или присутственнаго мѣста, и нѣсколько сараевъ, по большей части пустыхъ. Въ двухъ изъ нихъ сберегаются матеріалы и остатки всякаго рода отъ бывшей, въ 1739 году, экспедиціи лейтенанта Лаптева, а также и отъ судовъ *Палласъ* и *Ясашна*, на которыхъ капитаны Сарычевъ и Биллинсъ совершали свои плаванія по Ледовитому морю. * Мѣстечко состоитъ, кромѣ острога, изъ 1 церкви и 42 домовъ и юртъ.

Въ Нижне-Колымскомъ уѣздѣ находятся еще четыре селенія: *Керетова* (6 дворовъ), подъ $68^{\circ} 49' 27''$ сѣверн. широты и $12'$ восточн. долготы; *Походскъ* (15 дворовъ), $69^{\circ}, 4' 21''$ с. ш. и $4'$ вост. долг.; *Черноусова* (8 дворовъ), $68^{\circ} 50'. 20''$ с. ш.

* Суда сіи, столь извѣстныя въ лѣтописяхъ Русскаго флота, стояли прежде въ Нижне-Колымскѣ, но во время одного изъ обыкновенныхъ здѣсь весеннихъ наводненій, они были отнесены на 2 версты отъ рѣки и версты $1\frac{1}{2}$ западнѣе острога, на мѣсто, покрытое лѣсомъ, гдѣ теперь лежатъ.

и 14' 42" вост. долг.; *Пантелеева* (7 дворовъ), 68° 35' 57" ш. и 40' долг. (долготы считаны отъ нашей обсерваторіи въ Нижне-Колымскъ.) Кромѣ сихъ деревень, находится еще на рѣкѣ Омолонѣ нѣсколько незначительныхъ селеній.

По пріѣздѣ моемъ въ Нижне-Колымскъ отвели мнѣ квартиру въ самомъ большомъ домѣ, стоявшемъ уже нѣсколько лѣтъ пустымъ и слывшемъ убѣжищемъ нечистыхъ духовъ. Изба была выстроена по общему образцу здѣшнихъ строеній, и состояла изъ двухъ комнатъ, каждая въ двѣ квадратныя сажени, и въ 4 арш. вышины отъ полу до крыши, совершенно плоской и покрытой землею. Первая комната, съ Русскою печью, служила кухней; въ ней помѣстилъ я людей моихъ; въ задней, съ чуваломъ, расположился самъ. Въ обѣихъ комнатахъ находилось по одному маленькому окну, задѣланному слоемъ льда, въ 6 или 8 дюймовъ толщины, сквозь который проникалъ тусклый свѣтъ, подобный тому, какой даютъ на судахъ стекла, вдѣланныя въ палубу надъ каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткій столъ, и стулъ, связанный ремнями, составляли всю мою мебель. При всей скудости и тѣснотѣ, и не взирая на дурную репутацію дома, провелъ я въ немъ зиму довольно сносно. Желая лучше предохранить себя отъ холода, приказалъ я выстроить передъ дверьми родъ сѣней, и къ нимъ пристроили еще чуланъ, для сохраненія припасовъ и другихъ вещей.

Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, возвратился

г. Матюшкинъ съ устья Колымы, куда ѣздилъ онъ, вмѣстѣ съ частнымъ Исправникомъ, собирать свѣдѣнія объ успѣхъ рыбнаго промысла. Намъ пріятно было, за вечернимъ чаемъ, рассказывать о томъ, что мы испытали во время дороги, о новыхъ предметахъ, нами встрѣченныхъ, о нартахъ, рыбномъ промыслѣ, оленяхъ и Сибирскихъ морозахъ, въ честь которыхъ оставались мы притомъ въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и шапкахъ: мы находились на берегахъ Ледовитаго моря.

На слѣдующее утро, донесъ мнѣ г-нъ Матюшкинъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. До прибытія его въ Средне-Колымскъ (2-го Октября), тамошнее мѣстное начальство о нуждахъ экспедиціи не озаботилось: не было, ни припасено ни одной рыбы, ни привезено ни одного бревна для постройки обсерваторій, ни приступлено къ пріуготовленію зимовья у Баранова Камня, долженствоваваго служить приваломъ во время повздокъ экспедиціи, не взирая на подробныя предписанія отъ Якутскаго Областнаго Начальника по симъ предметамъ. Исправникъ увѣрялъ, что ему казалось несбыточнымъ прибытіе экспедиціи изъ С. Петербурга сюда въ нынѣшнемъ году.

Такія неисправности могли имѣть самыя пагубныя послѣдствія для нашихъ дѣйствій, еслибы г. Матюшкинъ, во время краткаго своего здѣсь пребыванія, похвальною своею дѣятельностью не успѣлъ многого поправить; узнавъ по прибытіи своемъ о положеніи дѣлъ, онъ закупилъ и уложилъ тотчасъ половину нужной для экспедиціи

рибной прижизн, закупить ее учителей Колымска и окрестностей. По распоряженію его/и подъ его надзоромъ, не взирая на сильные морозы, отъ которыхъ топоры, какъ стекло, ломались, была выстроена надъ домомъ высокая башня, съ 4-мя окнами къ четыремъ сторонамъ свѣта, для астрономическихъ наблюдений; вскорѣ послѣ моего приѣзда она была окончена, такъ, что мы могли перенести туда инструменты и начать наши занятія.

Устроивъ нѣсколько квартиру свою, я озабочился прежде всего заготовленіемъ остальнаго провіанта и другихъ нужныхъ для экспедиціи потребностей. Для сей цѣли приглашены были на совѣщаніе зажиточные жители Нижне-Колымска и старшины Якутскихъ, Юкагирскихъ и Чуванскихъ селеній, находящихся на рѣкахъ Омо-лону и Анюю. 25-го Ноября все собрались; мы начали съ того, что установили положительную таксу, по которой жители согласились доставить намъ пропасью и другія потребности. * Опредѣливъ сіе, приступили мы къ немаловажному распредѣленію подрядовъ по нѣмъ способамъ участвующихъ и назначили сроки доставленія. Анюйскіе Юкагиры, имѣвшіе въ арсеналѣ го-

* Цѣны были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: сырой муксуъ 15 коп., чиръ 18 коп., муксуъ вохлѣмъ 12 к., муксуъ юкалы 8 к., сельдь 8 к., пудъ супеной оленины, съ достаткомъ, 4 рубля; языкъ оленій 10 к.; за провозъ нарты до Баранова Камня, съ хозяйскимъ кормомъ, 2 рубл. въ день. За нарту во все время поѣздки 3 1/2 рубл. въ день. Вьючная лошадь изъ Средне до Нижне-Колымска 28 р. Выдѣланная оленья шкура 2 р. Барановыя оленины для нарты 4 рубля.

ЧАСТЬ I.

18

ду изобильный олений промысел, обращались доставлять пушное и копытное «Меньшой» коды на постоянное передвижное жилище, называемое уро-
лау, также и большое количество оленьих: ребрь
для корма собакам. Омленские Юмагиря должны
были снабжать насъ березовыхъ лысомъ на бай-
дару и всеми приборами, съ полозьями, на посто-
дныхъ нарты. Жители острога и другихъ селений,
по берегамъ Колымы: лежащихъ, богатые одною
раббою, дополнили: потребное для экспедиции ко-
личество мерзлой рыбы, а сколько, доставляемо
сушеного мяса, т. е. вокомы и зогады, привозили
насъ. Средне и Верхне-Колымская на расстояние 800
верстъ, изобильный рыбный промыселъ былъ тамъ
неблизкое, нежели присутствие рини. Остался еще
для успеха нашихъ поездокъ по льду, весьма
важный предметъ, т. е. выборъ для нашихъ
нартъ: необходимого числа сильныхъ, привыкшихъ
къ изводу собакъ, что поручилъ я казачьему со-
тинку Антону Татаринову, бывшему проводни-
комъ г. Феденитрова и слышавшему здесь оти-
ваго знающего въ искусстве водиться съ соба-
ками. Такимъ образомъ сделавши мы главный рас-
поряженія, и оставалось только поспешить къ
скорѣйшему исполненію ихъ.

Здѣсь встрѣтили я однакожъ много затрудненій.
Жители сомнѣвались въ вѣрной платѣ за достав-
ляемые ими припасы, а мѣстное начальство не
имѣло доброй воли быть полезнымъ. Частный
Исраѣиикъ, преувеличивая бедность обывателей,
старался всячески склонить меня къ уменьшенію

моихъ требованій, и пугалъ разными несбыточными разсказами о предстоящихъ опасностяхъ. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что здѣшнія собаки слишкомъ слабы и не могутъ выдержать столь дальней поѣздки, а проводники неопытны и ненадежны. Онъ разсказывалъ мнѣ множество примѣровъ коварства Чукчей, описывая ихъ людьми самыми опасными и жестокими. Хотя и видѣлъ я, какъ преувеличены были его разсказы о предстоящихъ опасностяхъ, но не зная на кого положиться, принужденъ былъ, больше или меньше, вѣрить его отзывамъ о состояніи края и обывателей. Снисходя такимъ образомъ неопытнымъ его представленіямъ объ ужасныхъ усиліяхъ и жертвованіяхъ, которые разсѣянные жители должны дѣлать для экспедиціи, я согласился убавить, сдѣланныя моимъ требованіямъ, такъ, что въ послѣдствіи мы даже нуждались. После бывшей въ 1812 году экспедиціи г. Геденштрёма рыбный и звериный промыслы въ здѣшнемъ краю значительно уменьшились, и, дѣйствительно, бывали голодовки, такъ, что Колымчане принуждены были рѣзать собакъ своихъ. Но послѣ того имѣли они время поправиться и положеніе ихъ было вовсе не столь бѣдственно, какъ Исправникъ описывалъ. Въ слѣдующіе два года, ознакомясь болѣе съ мѣстностію, распредѣляя я поставки такимъ образомъ, что не отягощая жителей, экспедиція ни въ чемъ не нуждалась, даже могу утверждать, что значительный сбытъ произведеній доставилъ жите-

лять немалыя выгоды, и пребываніе экспедиціи нашей имѣло выгодное вліяніе на промышленность и благосостояніе ихъ.

Инструкціею Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента предписывалось мнѣ: достигнувъ Шелагскаго мыса, раздѣлить экспедицію на два отряда, изъ конхъ съ однимъ слѣдовать мнѣ на сѣверъ, для отысканія предполагаемой земли, а другому описывать берегъ материка, такъ далеко на востокъ, какъ обстоятельства позволяютъ. Для исполненія того и другаго требовалось до 50 нартъ, съ 600 собакъ. Повозка должна была начаться не позже Февраля мѣсяца и намъ оставалось для покупки нартъ и значительнаго количества корма собакамъ только около 2-хъ мѣсяцовъ. По словамъ Исправника и по обыкновенному ходу дѣлъ срокъ былъ весьма недостаточенъ, однакожь мы успѣли застѣись всѣмъ нужнымъ.

Ноября 30-го Исправникъ отправился по дѣламъ службы на Анюй и Алазею, собирать ясакъ съ кочующихъ тамъ Тунгусовъ и Юкагировъ.

Между тѣмъ, готовясь къ предстоящимъ повозкамъ, собирали мы у жителей нужныя намъ свѣдѣнія о предметахъ, относящихся къ цѣли экспедиціи. Пребываніе въ Нижне-Колымскѣ, въ 1767 году, трехъ геодезистовъ Лысьева, Пушкарева и Леонтьева, было, болѣе или менѣе, еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; о сержантѣ Андреевѣ, бывшемъ здѣсь въ 1762 году, весьма немногіе помнили, сказывая, что онъ предпринималъ отсюда одно путешествіе на Индигирку и другое къ Ме-

двѣжымъ островамъ. О видѣнной имъ на сѣверѣ землѣ, слѣдахъ многочисленнаго оленнаго народа сѣвернѣе Медвѣжьихъ острововъ, и тому подобныхъ вещахъ, упоминаемыхъ въ журналѣ Андреева, здѣсь никто не зналъ и отъ старожиловъ и отцовъ своихъ не слыхивалъ. Совершенное невѣдѣніе жителей объ открытіяхъ Андреева, помѣщенныхъ даже на новѣйшихъ картахъ, показало намъ тѣмъ страннѣе, что о походахъ Павлущаго, бывшихъ гораздо ранѣе (т. е. въ 1731 году) еще многія подробности были имъ извѣстны. Замѣчательное открытіе Андреева могло ли быть забыто, когда помнили повѣдку его къ Медвѣжьимъ островамъ? Признаюсь, всѣ сіи соображенія не поселяли въ насъ большого довѣрія къ открытіямъ сержанта Андреева.

Въ подобныхъ, занимательныхъ для насъ изысканіяхъ, упражненіяхъ на обсерваторіи и опытахъ надъ скоростью бѣга собакъ проходило время непримѣтно, а каждый день научалъ насъ чему нибудь новому. Съ особеннымъ восхищеніемъ взирали мы на величественнѣйшее полярное явленіе, освѣщавшее продолжительную здѣсь ночь. То окрашивалось небо дугообразнымъ тусклымъ свѣтомъ, то двигались медленно и быстро огненные столпы, то зажигались нѣжи яркихъ лучей, достигавшіе расходящимися вершинами до зенита, изображая свѣтлые вѣтви вокругъ полной луны. Мгновенныя измѣненія, тысячи безтѣлесныхъ фигуръ, появлявшихся, какъ свѣтлыя тѣни, на темноголубомъ небѣ, при глу-

бокой, ненарушимой тишины ночи, придавали явлениям необыкновенную занимательность и таинственность, приковывавшія изумленного наблюдателя силою, какъ будто сверхъ-естественною.

Предоставляя себѣ говорить о сѣверныхъ сіяніяхъ съ большею подробностью, скажу здѣсь только одно, какимъ образомъ объясняютъ ихъ здѣшніе жители. Морскими вѣтрами разведенное волненіе, говорятъ они, бьетъ сильно въ ледяныя горы; отразившіяся отъ нихъ брызги, раздробляясь въ воздухѣ, преломляютъ яркій цвѣтъ огромныхъ льдинъ и представляются намъ въ видѣ свѣтлыхъ столбовъ, или *сполоховъ*. Такое темное понятіе о сѣверномъ сіяніи можно уподобить несвязнымъ разсказамъ о какомъ нибудь происшествіи, гдѣ сохранились одни названія дѣйствующихъ лицъ, ибо весьма вѣроятно, что льды и воды имѣютъ участіе въ произведеніи сѣвернаго сіянія.

Декабря 2-го, къ всеобщему удивленію, прибыла вода, гонимая сѣверо-западными и западными вѣтрами съ моря въ Колыму, съ такою силою, что принудила рѣку течь въверхъ, съ быстротою, противъ коей не удержались сѣти, спущенныя жителями въ проруби для ловли рыбы; нальду сдѣлались широкія трещины и вода выступила изъ береговъ. Съ морской водою прибыла въ рѣку рыба, подкрѣпившая надежду нашу на изобиліе осенняго промысла.

Декабря 31-го обрадовало насъ совершенно не-

оживления явления. известного Английскаго, по-
шехода, капитана Кокрена, котораго любознате-
лство привело даже и сюда. * Ограниченныя толь-
ко собственными нашими обществами и содержа-
щими отдаленная от проекции на экваторе, на-
всегда обрадовались такому приятному прираще-
нию: нашего нашего круга. Мы встрѣтили новый
подъспри-верддонжеск морозъ, 37° по Реомюру;
Полуденное, однако, должно было появиться
на горизонтѣ еще 28-го Декабря, свѣтало еще
за сѣверными и ледяными горами, окружающими
вдоль низменным болота Колымскія, стрѣлать
майскими надъ низкими кустарниками: бѣдной
тундры, небо покрывалось бѣлыми облаками. Это
на 4-е Января; морозы возвышались до 39°, а 5-го
числа, въ продолженіе 24-хъ часовъ, термометры
показывали 40° по Реомюру. Дѣлался захватыва-
ющий, ледъ въ окнахъ распространился. Въ жѣлѣ мой
вымазалъ безпрестанно огонь, но не взирая на то,
въ ней было вѣять холодно, что я принужденъ
былъ сидѣть въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, и

Г. Джонъ Дунденъ Кокренъ (Cochrane), капитанъ Английскаго
флота, известенъ своими путешествіями въ штокъ. Гостепріимство
Русскихъ и готовность оказать всякому нуждающемуся помощь и
мощь, какъ Г. Кокрану, возможность совершить свое путешествіе
и добхать до Колымска. Для того нужны были только откры-
тый листъ отъ Губернатора, казакъ для сопровожденія, и Ко-
кренъ совершилъ безъ всякой задержки по пути въ Сибирь на
провозахъ, и верхомъ, идя, свое путешествие. Онъ изъявилъ
желаніе присоединиться къ нашей экспедиціи, но я не принялъ
его предложенія, потому, что когда каждый лишній фунтъ гру-
за былъ намъ въ тягость, увеличеніе числа людей еще однимъ
сопутникомъ слишкомъ затруднило бы наше движеніе.

когда писалъ, то чернила мои отогривались въ горячей водѣ.

Движеніе горизонтальной рефракціи произвело родъ Фаты Морганы; горы, лежація къ югу, казались намъ, въ разныхъ искаженныхъ видахъ, висищими на воздухѣ; дальнѣйшія горы представлялись съ опрокинутыми внизъ вершинами; рѣка сузилась; противолежащій берегъ казался находившимся почти у нашихъ избъ.

Жестокіе морозы препятствовали обыкновенной ловлѣ подледной рыбы, производимой жителями евѣю на устьяхъ Колымы, и потому Колымчане начали съезжаться въ острогъ, болѣе и болѣе наполнявшійся народомъ и собаками; дружный лай, или вой которыхъ по временамъ оглашалъ воздухъ.

Часто и много говорили намъ о прежней здѣсь веселой жизни, когда рыбный промыселъ бывалъ изобильнѣе и сохатые (лоси) не чуждались береговъ Колымы, прозванной Сибиряками Золотымъ Дномъ. Но время безпечныхъ увеселеній минуло и здѣсь; оно осталось единственно въ воспоминаніяхъ и пѣсняхъ. Желая позабавить Колымскихъ жителей и дать гостю моему понятіе о здѣшнихъ увеселеніяхъ, пригласилъ я въ Крещенье почетныхъ особъ на вечеринку, избравши для того одинъ изъ просторнѣйшихъ домовъ, принадлежавшій здѣшнему казану скрипачу. Гостиная, и вѣсть съ тѣмъ зала для танцовъ, въ 6 аршинъ во всѣ стороны, была великолѣпно освѣщена рыбнымъ жиромъ. Стѣны и

лавки, послѣ долгаго времени вымытыя, были покрыты кусками нестрой матеріи, а полъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Для дамъ были припасены чай, цѣснолько кусковъ бѣлаго сахара и кедровые орѣхи; ужинъ состоялъ изъ пироговъ, струганины, ююмы и мороженаго оленьяго мозга. Въ 5-ть часовъ явились гости, въ лучшихъ нубахъ и нарядахъ; дамы усѣлись на лавкахъ и запѣли народныя пѣсни; молодые играли въ разныя игры и плясали, тихо и чинно, какъ будто на замахъ, подъ странныя звуки, извлеченныя тяжельми рунами нашего музыкальнаго хозяина, стараго промышленника, изъ треснувшей скрипки, натянутой струнами изъ крученаго шелка и оленьихъ жилъ. Въ 10-ть часовъ всѣ разошлись, весьма довольные проведеннымъ вечеромъ.

На слѣдующій день повѣхали мы осмотрѣть оставшіеся отъ Биллингсовой экспедиціи суда, *Намла* и *Ясаина*, стоящіе теперь въ лѣсу, въ 2-хъ верстахъ отъ острога, куда занесены они высокою водою. Члены судовъ нашли мы еще довольно свѣжими, хотя уже почти 50 лѣтъ подвержены они непостоянству погодъ. На возвратномъ пути осмотрѣли мы хранящіяся въ магазинѣ достопримѣчательности: мортиры, бомбы и разныя орудія для прорубки льда, оставшіяся послѣ лейтенанта Лаптева въ 1739 году.

Февраля 2-го прибылъ благополучно изъ Якутска штурманъ Козьминъ, съ большимъ транспортомъ припасовъ и потребностей разнаго рода. Сверхъ того г. Козьминъ обрадовалъ насъ еще

весьма приятнымъ гастрономическимъ подаркомъ нудомъ, свежей, морской рыбки, изъ молокомъ и сливками, замороженными въ кружкахъ и ледяными образонъ въ хранилищахъ, совершенной омыжести. Такие припасы, а въ особенности медоко, считались здѣсь величайшею роскошью; и въ радѣ были, что послѣ стали дороже времени, могли полагаться, свежими, мясомъ и масломъ, и сливками.

Наступало для Нижне-Колымска самое блестящее время, привады купцовъ изъ Якутска, на пути ихъ изъ Чукотской ярмарки, въ Островную крепость на Анжю. Числомъ до 20 или 30 торговыхъ отъ 10-ти до 40 навьюченныхъ товаромъ лошадей, купцы приважаютъ сюда, и сбываютъ часть своихъ товаровъ, и для него становятся во время привады окрестные жители, съ ингурами и удильскими аляуи, приобретенными тохотой, и много съ Алазейскими Тунгусами, прикочевываемыми свободно, въ исходѣ Января, къ устьямъ реки Омолонъ. Мыда бываетъ весьма выгодно для Рускихъ: въ малое количество лѣтъ, табакъ, и особенно водки, нынѣ называютъ они у Тунгусскихъ друзей, и довой промыселъ купцовъ аляуи, и преимущественно песцовъ, которые въ большомъ числѣ водятся на безъсмысленныхъ дундрахъ, и изъбираемыхъ Тунгусами для кожаныхъ. Подобнаго рода торгъ скоро совершается, и трассы Тунгусовъ къ горячимъ напиткамъ такъ сильна, что нередко, послѣ несколькихъ пютковъ, отдаютъ они весь запасъ меховъ за стаканы водки, а за

второй даже свой последний санаяхъ (т.е. верхнее платье).—

Столь легко приобретаемыя пушные шкуры, Нижне-Колымскими торговцами съ великими барышми продаются и провинциальнымъ купцамъ Якутскимъ.

На бывшей сего года въ Нижне-Колымскъ ярмаркѣ, самыя низкия цѣны на нынѣшнихъ товаровъ обстоиши следующие:

1 ф. Черкасскаго листовато табаку, 3½ рубл.

— — — — — бѣлаго сахара 4½ — —

— — — — — Китайскаго иедецу чаю, 3 — —

— — — — — чаю нивкаго сорта 9 — —

— — — — — нитокъ тонкихъ 3½ — —

— — — — — Осмина простаго клѣбаного вѣян 13½ — —

— — — — — Кусокъ китайки (въ 9 аршинъ) 10 — —

— — — — — полушвейковой матеріи, въ 20 — —

— — — — — 21 аршинъ 30 — —

— — — — — Холста толскаго (аршинъ) 10 — —

— — — — — Платокъ бумажный пестрый 4 — —

При концѣ торга, цѣны почти всегда удваиваются: фунтъ чаю стоитъ тогда обыкновенно до 15 р., бѣлаго сахара 10 рубл., осмина вѣйки 20 рубл.; торговые обороты дѣлаются частію на деньги, частію на мѣну, мѣхами и рыбою въ маломъ количествѣ. Цѣны пушныхъ звѣрей были въ нынѣшнемъ году слѣдующія:

Лисица красная отъ 8 до 10 руб.

— — — — — черная 50 — 150 —

Песецъ бѣлый 2½ — 3 —

Песецъ голубой 7 — 10 —

Соболь *	отъ 10	до 25 руб.
Стерлядь (въ 20 ф.).	—	5 —
Нельма (родъ форели) въ 30 ф.	—	5 —

Якутскіе купцы пользуются тѣмъ, что хотя здѣсь въ оборотѣ мало денегъ, но жители должны вносить подати наличными деньгами.

Во время ярмарки обыкновенно появляется больше жизни и движенія въ Нижне-Колымскѣ; за нѣсколько дней улицы становятся уже шумны; множество прїѣзжающихъ окрестныхъ жителей, съ цѣлыми стаями собакъ, наполняютъ дома и кануры. Проводникамъ нартъ много труда содержать порядокъ между собаками, привыкшими къ одиночеству и внезапно окруженными множествомъ себѣ подобныхъ, отъ чего нередко происходятъ между ними жестокія битвы. Владѣтели домовъ приготавливаютъ свои комнаты для прїятія прїѣзжихъ гостей, вставляютъ новыя лѣдины въ окна, выколачиваютъ мѣха, складываютъ ихъ въ чуланы, подновляютъ нарты и упряжку; словомъ, все ожидаетъ здѣсь прїѣзда Якутскихъ купцовъ. И вотъ появляется на горизонтѣ облако пара, и болѣе и болѣе приближаясь, обозначаетъ путь каравана; всякій, кто только можетъ двигаться, спѣшитъ на встрѣчу друзьямъ и знакомымъ. Среди ликованія и пѣсенъ въѣзжаетъ караванъ въ острогъ и раздѣляется по домамъ, въ которыхъ обыкновенно нѣсколько дней

* Цѣна собольихъ шкуръ значительно перемѣняется въ разные годы. Въ 1821 году шкура стоила до 40 рубл., а въ слѣдующемъ только 15 рублей.

сряду веселятся до поздней ночи. Вскорь послѣ того прїѣзжаетъ изъ Средне-Колымска Исправникъ, съ своею канцелярією, для сбора податей и тому подобнаго. Съ его появленіемъ исчезаетъ безпечная радость обитателей Нижне-Колымска и является несчастная страсть къ тяжбамъ. Несогласія и ссоры заступаютъ мѣсто увеселеній. Пользуются каждымъ поводомъ къ жалобѣ Исправнику, который не всегда находитъ свой расчетъ въ водвореніи между жителями мира и согласія.

Наконецъ, изъ Островнаго прїѣзжаетъ казакъ съ извѣстіемъ о приближеніи Чукчей; тогда всѣ отправляются въ путь, и Исправникъ, оставя неконченныя дѣла въ архивѣ до будущаго года, спѣшитъ въ Островное, предупредить тамъ прїѣздъ Чукчей; купцы, на нартахъ, нанятыхъ у здѣшнихъ жителей, за довольно дорогую цѣну, * слѣдуютъ за Исправникомъ, и улицы и дворы снова пустуютъ. Въ концѣ зимы возвращаются купцы и Исправникъ изъ Островнаго, но не останавливаются уже въ Нижне-Колымскѣ, продолжая путь свой черезъ Средне-Колымскъ домой. Вскорь наступающая весна вызываетъ Колымчанъ на берега озеръ и рѣкъ, къ обыкновеннымъ лѣтнимъ занятіямъ, и тогда дѣятельность въ острогѣ исчезаетъ, мертвая тишина заступаетъ мѣсто все-

* Обыкновенная цѣна за упряжку 10—12 собакъ, на провозъ 250 верстъ, отъ Нижне-Колымска до Островнаго, 100 рубл., но часто платятъ и болѣе.

общей безопасности, и въ осиротѣлыхъ жилищахъ, снова заколачиваются двери и окна.

Отъ моего эпизодическаго отступленія возвращаюсь къ разсказу въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ теченіе зимы закупленные и съ разныхъ мѣстъ доставленные рыбные запасы * отосланы были на устье Восточной, или Каменной Колымы, въ урочище *Сухарное* (120 верстъ къ сѣверу отъ острога); члены нарть также были доставлены съ рѣки Омолона и для устройства нарть разданы проводникамъ, выбраннымъ къ предстоящему путешествію; недоставало моржевыхъ ремней, замѣняющихъ желѣзо и ковку въ скрѣпленіи нарть, и мы должны были ждать прибытія Чукчей на Антой, для закупки у нихъ ремней.

Запасы заключались въ слѣдующее:

для употребленія людямъ хакты (цировой ююлы)	850
для собакъ муксуновой ююлы	4,989
Муксуновыхъ ююлъ	3,985
Щокуровыхъ ююлъ	700
Костей муксуновыхъ	400
Свяжикъ замороженныхъ сельдей	30,740
муксуновъ	543
Оленьихъ проваленныхъ боковъ	1,323

Для надлежащаго понятія объ исчисленномъ зимовъ должно замѣтить, что въ кормъ собакамъ каждая крупная муксуновая ююла равняется пяти сельдямъ, такая же средняя ююла $3\frac{1}{2}$ сельд., свяжикъ муксуновъ 8 сельд., двѣ щокуровыя ююлы 1 сельд., 1 кость муксунова 1 $\frac{1}{2}$ сельд., бокъ оленя 8 сельдямъ. Такимъ образомъ, принявъ за сравнительную единицу легко проваленную сельдь, конѣкъ восемь и десять составляютъ хорошую порцію каждой собакѣ на день, равнаясь весъ приготовленный въ кормъ собакамъ запасъ нашъ 18,944 сельдямъ.

12-го февраля 12-го извѣстили насъ, что изъ числа 26 нартъ, съ собаками, требующимъ мною, по-тобы будутъ только 29, къ половинѣ Марта; проводники уверяли меня также, что ранѣе сего времени нельзя пуститься въ путь и потому, что собаки не выдержатъ сильныхъ морозовъ, но болѣе, переездить, но совершенно открытымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе, что новъ вовсе къ тому не принимали.

Принимая все къ соображенію, и не желая провѣстъ цѣлаго вѣсна въ бездѣйствіи, я окончилъ прежній планъ, и вознамѣрился, составивъ отрядъ изъ готовыхъ уже нартъ съ собаками, какъ и изъ не безвѣстныхъ оныхъ, ни бывъ, отпра-виться безъ потери времени для оныхъ берега къ востоку, выдвигаясь въ Нижне-Колымскіе морскіе изгнѣмленія полнаго, волнѣности нартъ и проѣхавъ, и тогда пуститься черезъ льды на сѣверъ.

14-го февраля отправилъ я три нартъ, съ хо-рошими собаками, подъ надзоромъ 3-хъ казакъ (изъ которыхъ одинъ зналъ Чукотскій языкъ), къ нашимъ запасамъ въ Сухарное, гдѣ имъ над-лежало, откармливать собакъ, отоцѣвшихъ отъ частой бѣды хозяевъ по промысламъ.

Г-нъ Матюшкинъ отправился въ Островное, познакомиться съ Чукчами, закупить у нихъ нужные для нартъ моржевые ремни и китовыя ребра, а въ особенности успокоить сей не-отъступающей морской воды остается на поверхности льда морской расколъ, по которому деревянные полозья весьма

довѣрчивый народъ на счетъ нашего путешествія по берегамъ ихъ, объясняя имъ, что мы намерены отыскать свободное отъ льдовъ море для плаванія судовъ съ товарами, доставленіе которыхъ сухимъ путемъ обходится весьма дорого.

Еще до отъезда купцовъ и жителей въ Островное наступила масляница. Соорудили гору, украсили ее флагами Лавтева и Биллингса, и выставили нѣсколько ведръ свареннаго чаю и нѣсколько шудовъ кедровыхъ орѣховъ; противъ такого сильнаго магнита ничто не могло устоять; женщины и дѣвушки, ловкіе парни, купеческіе прикащики и казаки спускались съ горы цѣлыми группами, на оленьихъ кожахъ (вмѣсто санокъ), и до поздняго вечера предавались смѣху и шуткамъ. Погода весьма благопріятствовала общему увеселенію, ибо 18-го числа, въ первый день Масляной недѣли, задулъ, такъ называемый, *теплый вѣтеръ*, отъ юговостока, и термометръ, стоявшій 16-го числа на 32° Реомюр., возвысился 18-го, въ 4 часа по полудни, до 4°, при ясномъ небѣ.

Наконецъ получено извѣстіе изъ Островнаго о прибытіи 26-ти человекъ *Чаунскихъ* и *Приморскихъ* Чукчей, на мѣсто, называемое *Элопъ-бадо*, отстоящее отъ Островнаго на 90 верстъ; *Носовые* Чукчи, изъ окрестностей Берингова пролива, ко-

тяжело скользятъ; для отвращенія такого неудобства привязываются подъ полозья китовыя ребра, которыми, будучи тверже дѣрева, не всасываютъ въ себя соли и не задерживаютъ саней.

чевали въ большемъ числѣ позади первыхъ. Извѣстіе весьма обрадовало Якутскихъ купеческихъ прикащиковъ, и они спѣшили ѣхать въ Островное, а за ними отправился туда и г-нъ Матюшкинъ, въ сопровожденіи г-на Кокрена. *

Въ то время, когда г-нъ Матюшкинъ и г-нъ Кокренъ были въ Островномъ, въ Якутскѣ происходило слѣдующее. Г-нъ Кокренъ, который былъ въ Якутскѣ уже нѣсколько времени, получилъ отъ г-на Матюшкина приказаніе ѣхать въ Островное. Г-нъ Кокренъ, который былъ въ Якутскѣ уже нѣсколько времени, получилъ отъ г-на Матюшкина приказаніе ѣхать въ Островное. Г-нъ Кокренъ, который былъ въ Якутскѣ уже нѣсколько времени, получилъ отъ г-на Матюшкина приказаніе ѣхать въ Островное.

Г. Кокренъ намеревался добраться къ Чукотскому Носу и Берингову проливу, съ обратю идущимъ Чукотскимъ караваномъ, но познакомясь короче съ Чукотскимъ народомъ, оставилъ планъ свой и возвратился въ Нижне-Колымскъ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА НАРТАХЪ ПО ЛЬДУ ВЪ МОРЕ. — ОТЪЕЗДЪ ИЗЪ
НИЖНЕ-КОЛЫСКИ. — СУХАРНЫЙ ОСТРОВЪ. — БАРАНОВЪ КАМЕНЬ. —
РОВНЫЙ, НИЗМЕННЫЙ МОРСКОЙ БЕРЕГЪ. — БОЛЬШАЯ БАРАНОВА РЫКА. —
ХОЛОДЪ. — ПЕРВЫЕ СЛѢДЫ ЧУКЧЕЙ. — МЕТЕОРЪ. — ПРОЛИВЪ СОБА-
ДЕЙ. — ПЕЩАНЫЙ МЫСЪ. — ШЕЛАГСКИЙ МЫСЪ. СКАЛА КУЗЬМИНА. —
СТАДУХИНСКИЙ ВОЛОКЪ. — МЫСЪ МАТЮШКИНА. — ОСТРОВЪ АРАУТАНЪ.
ПОТЕРЯ СЪѢСТНЫХЪ ПРИПАСОВЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ НИЖНЕ-КО-
ЛЫСКЪ.

Я уже изложилъ причины, побудившія меня
отступить въ семь году отъ данной мнѣ ин-
струкціи и предпринять съ немногими спутни-
ками путешествіе по льду въ море. Съ великимъ
трудомъ удалось мнѣ въ такое короткое время
достать девять нартъ, съ надлежащимъ числомъ
собакъ, но только три нарты были назначены
для моего путешествія; остальные шесть, на-
груженные провіантомъ для насъ, кормомъ для
собакъ, и проч., должны были, для сбереженія
по возможности съѣстныхъ припасовъ, тотчасъ
по разгрузкѣ обратиться назадъ.

Съ тремя нартами хотѣлъ я осмотрѣть, такъ далеко, какъ позволятъ обстоятельства, берега, на востокъ лежащіе. Глубоко вкоренившійся и всеобщій страхъ туземцовъ къ Чукчамъ заставилъ меня выдавать за окончательную цѣль предпринимаемаго путешествія точнѣйшее обозрѣніе и опредѣленіе Баранова Камня и окрестныхъ береговъ, которые составляютъ предметъ и предѣлъ повздокъ туземцовъ на востокъ. Немногіе изъ нихъ рѣшатся пройти верстъ 50 далѣе; все остальное протяженіе берега на востокъ имъ совершенно неизвѣстно. Не смотря на то, узнавъ, что я намѣренъ посѣщать Чукчей, они охотно согласились мнѣ сопутствовать и я могъ выбрать себѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ проводниковъ.

Весь берегъ отъ Колымы до Шелагскаго мыса совершенно необитаемъ и изрѣдка посѣщается Чукчами, которые тутъ охотятся, или собираютъ выбрасываемый моремъ лѣсъ, но кажется, и они не переходятъ за Большой Барановъ Камень, составляющій предѣлъ повздокъ Русскихъ, такъ, что здѣсь остается полоса земли, верстъ на 80 шириною, ни кѣмъ не посѣщаемая. За сею, такъ сказать, нейтральною землею, лежатъ пространныя мшистыя равнины и поля, на которыхъ воинственные Чукчи, сохранившіе доселѣ свою независимость, скитаются съ безчисленными стадами оленей. Каждое покушеніе вторгнуться въ ихъ земли наблюдается ими съ большимъ вниманіемъ, и, какъ нѣкоторые горькіе опыты прежнихъ лѣтъ доказали, Чукчи всегда приви-

мали мѣры къ отраженію вторженій. Наше внезапное появленіе въ близкихъ безлюдныхъ степяхъ должно было произвести большое безпокойство между Чукчами; потому намъ надлежало преимущественно остерегаться и не возбуждать въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, которое могло помѣшать достиженію цѣли экспедиціи.

Три изъ нашихъ нартъ, собственно для путешествія назначенныя, находились уже, какъ выше сказано, въ Сухарной.

Туда послалъ я, 18-го Февраля, шесть нартъ съ провіантомъ, которыя должны были сопровождать насъ только въ первой части пути, а 19-го отправился самъ, съ г-мъ Козьминъ, въ путь. Важнѣйшіе жители города провожали насъ до маленькаго, не вдалекѣ лежащаго озера.

Довольно хорошо уѣзженная дорога, извиваясь между тѣлыми кустарниками, довела насъ къ ночи въ деревню Черноусову, въ 45 верстахъ отъ Нижне-Колымска. Отдохнувъ сами и давъ отдыхъ нашимъ собакамъ, продолжали мы на другой день по утру путь и достигли, черезъ восемь часовъ ѣзды, къ вечеру 20-го Февраля, мѣстечка *Лобазнаго*, лежащаго въ 80 верстахъ отъ нашего ночлега.

Въ устьѣ восточнаго рукава Колымы, которая здѣсь въ ширину 23 версты, находится плоскій, голый и столь низменный островъ, что зимою онъ совершенно равенъ съ горизонтомъ рѣки. На южной оконечности его построены два балагана, или сарая, въ родѣ описанныхъ

выше поваренъ, отстоящіе одинъ отъ другаго почти на полверсты, и служащіе защитой отъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ жителямъ Нижне-Колымска, когда зимою посвящаютъ они сей край для рыбной ловли и охоты — это подобіе человеческого жилища называется: *Сухарное*. Версты за 50 исчезаютъ даже мѣлкіе, степноміеся кустарники, которые до сихъ мѣстъ иногда еще попадаются. Здѣсь глазамъ представляется необозримая снѣжная равнина, и ужасное однообразіе прерывается только кой гдѣ выставленными лопушками песцовъ. Со временемъ привыкаешь ко всему, но первое впечатлѣніе, при видѣ необъятнаго пространства земли, покрытаго саваномъ снѣговъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться; даже радуешься, когда ночь, покрывая все темнотою, производитъ хоть какую нибудь перемѣну.

Еще не достигли мы Сухарнаго, какъ уже совершенно смерклося. Мы никакъ не могли разсмотрѣть занесенныхъ снѣгомъ балагановъ, и вѣроятно проѣхали бы мимо, если бы намъ не указали мѣста ихъ искры, къ счастью вылетѣвшія изъ трубъ, вмѣстѣ съ дымомъ. Измученныя собаки повернули въ сторону, безъ понужденія побѣжали скорѣе и остановились у снѣжнаго бугра, гдѣ проводникъ увѣдомилъ насъ, что мы пріѣхали къ первому Сухарному балагану. Пока я осматривался во всѣ стороны, ища чего нибудь похожаго на человеческое жилище, къ великому удивленію моему, вылезли изъ-подъ снѣга, одинъ за другимъ, наши три казака, посланные впередъ съ

дорожными нартами. Они провели насъ сквозь отверстіе, вырытое въ снѣгу на подвѣтренной сторонѣ, въ балаганъ, вышиною около двухъ аршинъ, гдѣ съ радостью нашли мы горящій огонь. Согревшись и подкрѣпивъ себя хорошимъ ужиномъ, мы провели ночь въ нашей снѣжной пещерѣ очень хорошо, не смотря на то, что она была наполнена густымъ дымомъ, который набивало сильнымъ вѣтромъ.

Весь слѣдующій день занимались мы размѣщеніемъ нашихъ вещей и припасовъ по нартамъ, и другими приготовленіями къ путешествію. Наша поѣздка была довольно различна отъ обыкновенныхъ путешествій, а потому, кажется, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ снаряженіи. Мы взяли съ собою коническую палатку, изъ оленьихъ кожъ, два топора, карманный фонарь, съ двумя восковыми свѣчами, желѣзную плиту для раскладыванія на ней огня, желѣзный треножникъ, чайникъ и котелъ; для каждого изъ насъ нѣсколько бѣлья и медвѣжью шкуру, вмѣсто тюфяка, и для каждаго двухъ человѣкъ одѣяло изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ. Изъ инструментовъ взяли мы два хронометра, одни секундные часы, два секстана, съ искусственнымъ ртутнымъ горизонтомъ, спиртовой термометръ, три пель-компаса, изъ коихъ одинъ съ призмою, зрительную трубу, телескопъ, веревку съ назначеніемъ футовой мѣры и еще нѣкоторыя мелочи. Провіанта для пяти человѣкъ на одинъ

мѣсяцъ было приготовлено: $2\frac{1}{2}$ пуда ржаныхъ сухарей, $1\frac{1}{2}$ пуда говядины, 10 фунтовъ сухаго бульона, 2 фунта чаю, 4 фунта сахару леденцу, 8 фунтовъ крупы, 3 фунта соли, 39 рюмокъ крепкой водки, 12 фунтовъ табаку и 200 штукъ лучшей копченой юколы. На каждомъ изъ насъ одежда состояла изъ парки, довольно широкой кушачи, большихъ меховыхъ сапоговъ (торбасы), такой же шапки и рукавицъ; все было шито изъ оденныхъ шкуръ. Для корма собакамъ запасли мы 790 ш. большой муксуш. юколы, 1200 ш. юколы и 2400 ш. свѣж. замороженныхъ сельдей. Сельди помещались главнѣйше на провѣантныхъ нартахъ, но часть запасовъ положили мы и на дорожныя. Каждый изъ насъ имѣлъ ружье, 50 патроновъ, пику, и на правой сторонѣ, привѣшанные къ кушаку, большой ножъ и огниво. Нарты нагружались во всю длину, по возможности равномерно, и когда имѣли полный грузъ (около 25 пудовъ), то накрывались кожанымъ одѣяломъ и такъ крепко стягивались ремнями, что сани и грузъ составляли, какъ будто одно цѣлое и могли падать, даже вверхъ копыльями, не вываливая поклажи. Въ срединѣ, по длинѣ нашихъ узкихъ саней, садился бокомъ, или придерживался только, вожатый, опираясь ногою на полозъ нарты, въ ежеминутной готовности соскочить и привести нарту опять въ равновѣсіе, когда она слишкомъ раскатывалась, или когда угрожала ей какая либо опасность. Для того держалъ онъ въ рукъ, протянутый

вдоль по санямъ и къ нимъ прикрѣпленный ремешъ, и кромѣ того имѣлъ въ рукахъ, такъ называемый *опитоль*, или *прудило*, довольно толстую палку, обитую желѣзомъ на одномъ и обвѣшенную колокольчиками на другомъ концѣ, которою управлялъ собаками, останавливая ихъ, а иногда поднимая. Точно также балансируя, сидѣли и мы съ г-нъ Козьминымъ каждый на своей нартѣ, за проводникомъ, въ безпрестанной готовности соскочить, поддержать и привести въ равновѣсіе нарту, что при неровной дорогѣ очень часто случалось. Не смотря на то, что каждая изъ нартъ имѣла груза до 25 пудовъ, онѣ такъ легко скользили по крѣпко замерзшему снѣгу, что одною рукою, безъ большаго усилія, можно было передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто, и собаки наши при хорошей дорогѣ дѣлали отъ 10 до 12 верстъ въ часъ. 21-го Февраля было 26° холода; къ полудню уменьшившися онѣ до 14½°. Солнце стояло очень низко, но г-ну Козьмину удалось, съ помощію искусственнаго ртутнаго горизонта, взять полуденную высоту солнца, которая показала, что мы находились подъ 69° 31' 22" широты. Тригонометрическимъ измѣреніемъ отъ Нижне-Колымска до Сухарнаго найдено, что Сухарное лежитъ подъ 161° 43' 41" долготы, къ востоку, отъ Гринвича. Полуденная тѣнь давала 13½° восточнаго склоненія путевого компаса.

22-го Февраля, рано по утру, передъ разсвѣтомъ, отправились наши нарты съ провіантомъ къ Ма-

лому Баранову Камню *, отстоявшему на 41 версту, где стояла поварня; тамъ намѣревались мы провести слѣдующую ночь. Ужасный вой, какой собаки обыкновенно поднимають въ минуту отъѣзда, разбудилъ насъ. Мы приготовились къ дальнѣйшему пути, и въ 9-ть часовъ утра оставили наши, нѣсколько нагрѣвшіеся балаганы. По назначенному для повѣзки порядку, моя нарта всегда находилась впередъ, а г. Козыминъ на своей нартѣ заключалъ шествіе. Каждый изъ насъ замѣчалъ направленіе пути, и по скорости бѣга собакъ, которую мы изучали въ Нижне-Колымскѣ, ** опредѣлялъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Наши наблюденія, по вечерамъ сравниваемыя одно съ другимъ и записываемыя, составляли главные данныя для начертанія карты береговъ.

Сокращая дорогу, мы не обгибали *Медвѣжьего мыса*, а поѣхали прямо черезъ перешеекъ, соединяющій его съ твердою землею. Слѣгъ былъ гладокъ и крѣпокъ; собаки бѣжали очень скоро, и нарты наши, не смотря на балансирова-

* Барановъ Камень получилъ названіе отъ великаго множества скитающихся тамъ дикихъ барановъ, или аргалей. Животныя сіи питаются, по большей части, травою, которая, вмѣстѣ съ одною изъ породъ полыни, растетъ на скалахъ между мхами.

** Скорость бѣга нашихъ собакъ, соразмѣряясь съ большею или меньшею гладкостью дороги, простиралась отъ 6 до 12 верстъ въ часъ. По ней и по направленію проѣзжаемаго пути, вычисляли мы широту и долготу, которыя и буду я въ послѣдствіи отличать названіемъ: *счислимая*, отъ опредѣленныхъ другимъ образомъ.

ніе сѣдоковъ, часто опрокидывались. Въ половинѣ четвертаго часа по полудни достигли мы поварни, лежащей на берегу маленькой рѣчки, гдѣ нашли совершенно сохранившійся деревянный крестъ, поставленный въ 1787 году экспедиціею капитана Биллингса. Нарты съ провіантомъ, выѣхавшія двумя часами ранѣе, но запряженные не столь сильными собаками, прибыли къ поварнѣ послѣ насъ. Море казалось отсюда совершенно гладкимъ; густой туманъ застилалъ сѣверный край горизонта.

Мы нашли поварню совершенно наполненною снѣгомъ и льдомъ, и ихъ надлежало выгребать, чтобы намъ помѣститься. Слишкомъ трудно и медленно было производить такую работу черезъ отверстіе, служащее дверью; мы сняли бревна, составляющія крышу, и соединенными силами выбрасывали снѣгъ во всѣ стороны. Менѣе нежели черезъ часъ, жилище наше было готово, крыша настлана, въ срединѣ разложенъ огонь, и мы спѣшили поселиться. Къ несчастію, поварня была такъ тѣсна, что только четверо нашли въ ней мѣсто, и тѣ лежали столь близко къ огню, что искры безпрестанно осыпали ихъ шубы, сапоги и одѣялы. Остальные семеро изъ насъ должны были довольствоваться палаткою, которая, хотя была не такъ тепла, но за то совершенно суха, а сквозь бревенчатыя стѣны поварни ручьями лилась вода отъ тающаго снѣга и льда.

Вечеромъ, по обыкновенію, занимались мы срав-

ниваніемъ и приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ нами наблюденій, и къ великому удовольствію нашему, они совершенно согласовались, какъ съ точными наблюденіями сей части берега, сдѣланными капитаномъ Биллингсомъ, такъ и съ составленною по нимъ вице-адмираломъ Сарычевымъ картою, а тѣмъ совершенно убѣдили насъ въ достаточности и надежности принятыхъ нами правилъ измѣренія.

До сего мѣста морской берегъ почти совершенно плоскій, и только нѣкоторые выдающіеся мысы образуютъ крутыя и скалистыя возвышенія. Правый берегъ Колымы, состоящій большею частию изъ чернаго шифера, былъ покрытъ наноснымъ лѣсомъ. Мы видѣли, въ 14 верстахъ отъ Сухарныхъ балагановъ, выстроенную въ 1739 году лейтенантомъ Лаптевымъ, на возвышеніи, деревянную башню, для указанія входа съ моря въ устье рѣки.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, продолжали мы путь. Погода была ясная и пріятная. При легкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, термометръ по утру показывалъ 27°, въ полдень 23°, къ вечеру 26°. Мы ѣхали довольно скоро по гладкому льду вдоль морскаго берега, который становился все крутѣе и обрывистѣе. Проѣхавъ 42 версты, остановились мы недалеко отъ Большаго Баранова Камня, въ поварнѣ; она была гораздо просторнѣе прежней, но за то не такъ прочно выстроена. Однакожь, согрѣвшись чаемъ и хорошимъ супомъ, и закутавшись въ дорожныя

платя, подъ толстымъ мѣховымъ одѣломъ, провели мы ночь очень хорошо, не слишкомъ чувствуя холодъ.

Во время пути удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, и найти, что довольно значительный мысъ у Малаго Баранова Камня лежитъ подъ $69^{\circ} 41' 49''$ с. широт., и по нашему счисленію подъ $163^{\circ} 20'$ восточн. долготы. Мы видѣли на горахъ много замѣчательныхъ утесовъ, изъ коихъ иные представляли видъ развалинъ, древнихъ огромныхъ зданій, а также исполинскихъ людей и звѣрей; капитанъ Сарычевъ упоминаетъ о сихъ утесахъ въ своемъ путешествіи. Въ послѣдствіи буду я имѣть случай говорить о такомъ странномъ образованіи приморскихъ скалъ здѣшнихъ.

24-го Февраля отправились мы въ путь при 25° холода; въ послѣдствіи увеличился онъ до 28° . Гористый мысъ Большаго Баранова Камня, довольно далеко вдавшійся въ море, оставили мы къ сѣверу, и проѣхали черезъ узкую полосу земли, за нимъ лежащую, гдѣ къ востоку отъ мыса впадаетъ въ море маленькая рѣчка; устье ея, по сдѣланному нами полуденному наблюденію, лежитъ подъ $69^{\circ} 38' 21''$ с. широты и $164^{\circ} 26'$ счислимой долготы. Склоненіе путевого компаса было 17° восточное. Съ сего пункта берегъ принимаетъ совсѣмъ другой видъ: утесистыя скалы исчезаютъ и совершенно плоское прибрежье прерывается только кой гдѣ круто-обрывистыми возвышеніями. Къ югу, въ нѣкоторомъ

разстояніи отъ берега, видна высокая цѣпь горъ; она, по видимому, тянется отъ NtW на StO.

Пройхавъ 34 версты, достигли мы небольшой рѣчки; прозрачный ледъ ея общалъ намъ чистую хорошую воду; на берегу нашли мы множество наноснаго лѣса, а потому остановились и раскинули палатку, предполагая здѣсь переночевать. Тутъ предѣлъ, до котораго туземцы доходятъ иногда, гоняясь за звѣрями, но съ 1765 года, послѣ путешествія Шалаурова, никто изъ Рускихъ не посѣщалъ сей части Ледовитаго моря.

Намѣреваясь оставить здѣсь часть взятаго нами провіанта, въ запасъ на возвратный путь и для уменьшенія числа нартъ, мы выстроили, такъ называемую, *сайбу* гдѣ могли обезопасить наши вещи отъ песцовъ и росомахъ, здѣсь водящихся во множествѣ. Мы врыли въ снѣгъ вертикально четыре столба, каждый около 9 фут. вышины; на нихъ укрепили бревенчатый ящикъ, положили туда наши запасы и покрыли все бревнами и снѣгомъ. Между тѣмъ въ нѣсколько минутъ была раскинута наша палатка. Шесть тонкихъ длинныхъ шестовъ воткнули въ снѣгъ и верхніе концы ихъ связали; потомъ обтянули все легкимъ, изъ оленіихъ шкуръ сшитымъ покрываломъ, и такимъ образомъ составила коническая палатка, въ 10 фут. вышины и нѣсколько болѣе 12 фут. въ поперечникъ основанія. Въ верху палатки оставили маленькое отверстіе для дыма; въ серединѣ, на желѣзной плиткѣ, разложили мы огонь;

на немъ мы варили пищу и онъ согревалъ насъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ наполнялъ всю палатку густымъ ѣдкимъ дымомъ, отъ чего глаза наши очень страдали. Вмѣсто двери, на подветренной сторонѣ палатки оставили мы небольшое отверстіе, завѣшенное оленьюю шкурою. При бурной погодѣ, въ сихъ страхахъ обыкновенно господствующей, воздушное жилище наше было въ безпрестанномъ движеніи, и нагибалось то на ту, то на другую сторону, что насъ немало не беспокоило; гораздо непріятнѣе бывало, когда вѣтеръ срывалъ всю палатку. Но и къ тому привыкли мы въ послѣдствіи, и покрывая внѣшнія стороны палатки до нѣкоторой высоты снѣгомъ, вовсе отклоняли такое неудобство.

Когда палатка была раскинута, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока закипитъ чайникъ, наполненный сивгомъ, или льдомъ, потому, что чай былъ пріятнѣйшею и подкрѣпительнѣйшею для насъ пищею. Послѣ двухъ чашекъ являлись жизнь и веселость въ онемѣвшемъ отъ холода обществѣ. Замѣчательно, что мы такъ любили наше ароматическое питье, и вкусъ его былъ намъ такъ пріятенъ, что вмѣсто обыкновенной пропорціи, по три куска сахару на чашку, мы пили цѣлый вечеръ, отъ 10 до 12 чашекъ, съ однимъ кускомъ леденца. Иногда присоединяли мы къ тому ржаные сухари, либо отличный кусокъ юкомы. Между чаемъ и ужиномъ выходили наши проводники къ собакамъ, привлекая ихъ, для того, чтобы привлеченныя слѣдами звѣрей, онѣ

не разбѣжались ночью, а притомъ давали каждой назначенную долю корма.

Между тѣмъ занимались мы сравниваніемъ нашихъ наблюденій и вносили на карту осмотрѣнное днемъ пространство, что при сильномъ холодѣ и дымѣ, наполнявшемъ всю палатку, было не весьма легко. Въ то же время приготовлялся ужинъ; онъ всегда состоялъ изъ одного блюда, супа съ рыбою, или съ мясомъ, пока мы его ѣли; все варилось въ одномъ котлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ служившемъ намъ и общою тарелкою. Послѣ ужина все общество ложилось спать. По причинѣ холода, мы не могли снимать нашего платья и шубъ, и должны были спать въ полной дорожной одеждѣ; за то постоянно каждый вечеръ мѣняли мы чулки и сапоги, которые, вмѣстѣ съ мѣховыми шапками и рукавицами, развѣшивались для сушки на шестахъ въ палаткѣ, что, особенно на счетъ чулковъ, необходимая предосторожность, ибо съ сырою обувью, замерзаніе почти неизбежно. На ночь разстилались на твердомъ снѣгу медвѣжьи шкуры; на нихъ все общество располагалось, и подъ оленьими одѣялами крѣпко и хорошо отдыхало отъ дневныхъ трудовъ. Пока всѣ нартѣ насъ сопровождали, мы должны были, по причинѣ тѣсноты, располагаться въ палаткѣ, какъ спицы въ колесѣ, ногами къ огню, а головами къ стѣнамъ; въ послѣдствіи, когда наше общество уменьшилось, располагались мы вокругъ удобнѣе; во время ночи огонь не поддерживался и

мало по малу потухалъ. По утру вставали мы, обыкновенно, въ 6 часовъ, разводили огонь и мылись свѣжимъ снѣгомъ; потомъ пили чай и тотчасъ послѣ него принимались за обѣдь, который былъ совершенно подобенъ нашему ужину. Наконецъ чистили посуду, свертывали палатку и одѣялы, нагружали нарты, и часовъ въ 9-ть отправлялись въ путь. Такого порядка держались мы постоянно во время перваго путешествія.

25-го Февраля, при 25° холода, поднялся резкій восточный вѣтеръ, съ сильною метелью, что чрезвычайно затрудняло дорогу. Мы однакожъ продолжали некоторое время путь, но утомленные собаки наши, пробѣжавъ 24 версты, не въ состояніи были далѣе тащить нарты противъ вѣтра, по рыхлому снѣгу, и мы принуждены были остановиться для ночлега, на плоскомъ морскомъ берегу. Метель продолжалась всю ночь; наша палатка была совершенно занесена снѣгомъ; но тамъ доставила намъ защиту отъ бури. Мы радовались неподвижности нашего жилища и его пріятной теплотѣ. За то слои снѣга, лежащіе на внешней сторонѣ его, растаяли и образовали ледяную кору, которая сдвигала шкуру твердую, неудобосгибаемую и гораздо тяжелее прежнего, а тѣмъ причинила намъ много трудовъ при складываніи палатки.

26-го, по утру, вѣтеръ совсѣмъ затихъ, и хотя термометръ все еще стоялъ на 25° холода, но намъ казалось, что было гораздо теплѣе вчерашняго. Море было покрыто твердого и гладкою

снѣжною корою, по которой наши нарты, снабженные ледяными полозьями, * такъ легко скользили, что собаки безъ всякаго понужденія бѣжали очень скоро. Мы всегда держались въ разстояніи отъ 50 до 300 сажень отъ морскаго берега, который здѣсь плоскій и низменный; на всемъ открытомъ взору протяженіи его никакой предметъ не прерываетъ унылаго однообразія печальной снѣжной пустыни. Мертвая тишина, царствовавшая вокругъ насъ, умножала еще болѣе характеръ грустнаго унынія сей сцены, такъ, что съ радостію встрѣчали мы груды наноснаго лѣса, лежавшія на берегахъ и хотъ нѣсколько прерывавшія однообразіе.

Въ полдень опредѣлилъ я, по взятой полуденной высотѣ, что устье рѣчки, противъ которой мы находились, лежитъ подъ $69^{\circ} 34' 38''$ широты и $165^{\circ} 54'$ восточной долготы. Отъѣхавъ 25 верстъ отъ нашего послѣдняго ночлега, велѣлъ я ранѣе обыкновеннаго остановиться на ночь, чтобы взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною. Солнце стояло такъ низко надъ гори-

* Каждый вечеръ оборачиваютъ нарты вверхъ дномъ и полозья обливаютъ водою, отъ чего образуется на нихъ ледяная кора, которая очень гладка, такъ, что саинъ съ невѣроятною легкостію скользятъ по твердому снѣгу; такое обливанье называется *войдать*; вожатые нарты дѣлаютъ это частію для легчайшей езды, а частію для сбереженія самыхъ полозьевъ, и по той же причинѣ наши проводники всегда тщательно избѣгали мѣсть, покрытыхъ не снѣгомъ, а ледяными обломками, отбивавшими съ полозьевъ ледъ.

ЧАСТЬ I.

зонтомъ, что мы принуждены были прибѣгнуть ночью къ звѣздамъ, желая узнать *истинное время*. Взятые лунныя разстоянія опредѣлили положеніе нашего ночлега въ $166^{\circ} 11'$ восточной долготы, которая по нашему счисленію была $5'$ восточнѣе. Хронометры, отъ внезапныхъ пере-мѣнъ температуры, потрясеній, ѣзды и частаго опрокидыванія нартъ, такъ пострадали, что не сходили между собою и съ вѣроятною долго-гою, и мы почти не могли употреблять ихъ. Здѣсь выстроили мы вторую *сайбу*, и положили въ нее остатокъ нашихъ съѣстныхъ припасовъ на возвратный путь, отославши назадъ разгру-женныя нарты. Ледъ, вчера покрывшій нашу палатку, растаялъ сегодня отъ разложеннаго въ ней огня и наполнилъ наше жилище такою у-душливою сыростью, что мы принуждены были отъ времени до времени выходить освѣжаться и отдыхать на воздухъ.

Ночью къ 31° мороза присоединился рѣзкій, юго-восточный вѣтеръ, и несмотря на хорошо поддерживаемый огонь и теплая покрывала изъ оленьихъ и медвѣжьихъ шкуръ, сдѣлалъ хо-лодъ столь чувствительнымъ, что нѣсколько разъ принуждены мы были вставать, прыгать и бѣ-гать вокругъ нашего жилища, чтобы нѣсколь-ко согрѣться. Особенно г. Козьминъ жаловался по-утру, что ноги у него необыкновенно мерзнуть. Мы посоветовали ему перемѣнить чулки и сапо-ги, и когда онъ снялъ сапоги, то съ ужасомъ уви-

двали мы, что чулки у него примерзли къ ногамъ. Весьма осторожно сняли мы чулки, и нашли, что они были покрыты ледянымъ слоемъ, почти въ одну линію толщины; къ счастью, ноги еще не были отморожены и мы скоро оттерли ихъ водкою. Сей опытъ утѣрилъ насъ въ необходимости всегда перемѣнять и содержать сухою нашу обувь, потому что всякая сырость, внѣшняя и отъ собственной испарины, при большомъ морозѣ имѣетъ самыя гибельныя слѣдствія. Въ полдень, находясь на $1\frac{3}{4}$ версты къ сѣверу отъ низменнаго берега, опредѣлили мы $69^{\circ} 30' 28''$ широты, а считаемая долгота была $166^{\circ} 24'$; склоненіе магнитной стрѣлки $17\frac{1}{8}^{\circ}$ восточн.

Усиливавшійся холодъ и рѣзкій вѣтеръ чрезвычайно затруднили нашу ѣзду. Проводники принуждены были надѣть собакамъ на ноги родъ сапоговъ, а болѣе чувствительныя, менѣе прочихъ покрытыя волосами и замерзанію подверженныя части тѣла ихъ завернуть лоскутками шкуръ. Это значительно препятствовало бѣгу собакъ, тѣмъ болѣе, что слишкомъ сильный морозъ сдѣлалъ снѣгъ рыхлымъ и полозья нартъ не могли такъ легко скользить по немъ, какъ скользили досель. Сегодня (27 Февраля) не могли мы проѣхать болѣе 26 верстъ и остановились на ночлегъ близъ устья довольно значительной рѣки, въ верховьяхъ у прибрежныхъ жителей Малаго Анюя известной подъ именемъ *Большой Баранихи*. Какъ здѣсь, такъ и на всемъ протяженіи низменнаго

★

берега, вдоль котораго мы сегодня вѣли, ле-
жить великое множество наноснаго лѣса. Къ югу
и юго-западу отъ нашего ночлега показывались
въ нѣкоторомъ отдаленіи горы, простиравшіяся
до восточнаго берега рѣки. Самый берегъ обра-
зуетъ здѣсь значительную бухту, обращенную
къ сѣверу, и подымаясь мало по малу на востокъ,
достигаетъ 6 сажень высоты.

Прямо къ сѣверу отъ насъ, на морѣ, показыва-
лась бѣлая полоса, имѣвшая по видимому парал-
лельное съ берегомъ направленіе; въ послѣдствіи
нашли мы, что то было ни что иное, какъ боль-
шіе *торосы* *, поднявшіеся надъ поверхностью
моря; издали, по своему разнообразному устрое-
нію, часто давали они поводъ къ ошибоч-
нымъ заключеніямъ о существованіи земель и
береговъ.

Во время ночи взялъ я нѣсколько разстояній
между луною и Поллуксомъ, которыхъ не могъ
однакожь употребить для опредѣленія долготы,
потому, что когда хотѣлъ я, съ помощію искусствен-
наго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высотъ
Капеллы и опредѣлить истинное время, то на-
шелъ, что на поверхности ртути образовались кри-
сталы, отъ чего она хотя и не замерзла, но сдѣ-

* *Торосами* называютъ на сѣверныхъ берегахъ Сибири боль-
шія неправильнаго образованія громады льда, которые на Ледо-
витомъ морѣ, подобно скаламъ, поднимаются на высоту до 100
футовъ надъ гладкою ледяною поверхностью и весьма затрудня-
ють плаваніе, а иногда дѣлаютъ ее и вовсе невозможнымъ.

лалась столь неровною, что я принужденъ былъ прекратить мои наблюденія.

Вообще сильный холодъ часто затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзненные опыты, и въ послѣдствіи принуждены были чѣмъ нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыхъ должны были касаться пальцами или лицомъ, потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ примерзала къ металлу. Также въ продолженіе всего наблюденія, а особенно при считаньи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе, а иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льда, или инеемъ, что происходило даже отъ одной испарины нашего тѣла. Не смотря на то, мало по малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° мороза, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью считывали на дугѣ секстана градусы, минуты и секунды.

На хронометры также простерлось вліяніе холода; они сами собой остановились. Опасаясь этого носилъ я ихъ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обернутый нѣсколькими шкурами ящикъ, который клалъ съ собою подъ одвяло. Не смотря на мои предосторожности, вѣроятно, ночью, когда огонь потухъ въ нашей палаткѣ, холодъ, проникнувъ черезъ всѣ обертки, заморозилъ масло, между колесами находившееся, и остановилъ ихъ движеніе.

Февраля 28-го, по утру, было 27° холода, а вечеромъ 25 $\frac{1}{2}$ °, съ свѣжимъ SW вѣтромъ, который былъ намъ попутный, а потому и неслишкомъ насъ затруднялъ. Воздухъ былъ пасмуренъ и туманенъ, такъ, что мы едва могли отличать берегъ, вдоль котораго ѣхали, направляя нашъ путь на лежащій передъ нами высокій мысъ, показывавшійся сквозь туманъ. Здесь, подъ защитою довольно крутаго и обрывистаго землянаго уступа (яра), остановились мы на ночлегъ, проѣхавъ сегодня, по причинѣ рыхлаго снѣга, не болѣе 27 верстъ. Желая согрѣться, взошли мы на гору, и нашли тамъ нѣсколько бревенъ, оленьихъ рогъ, углей и другихъ признаковъ, что на семъ мѣстѣ находилась некогда юрта, или другое тому подобное жилище. Къ вечеру атмосфера нѣсколько прояснилась, такъ, что г. Козьмину удалось взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, которыя показали, что нашъ ночлегъ лежалъ подъ 167° 43' долготы. Полуденная высота луны дала намъ 69° 38' 24" широты. Здесь устроили мы третью сайбу для провіанта.

Ночью одна изъ нашихъ собакъ подняла сильный лай. Мы все бросились изъ палатки, но ничего не могли разсмотрѣть. Наши проводники увѣряли, что собаки чуяли близость Чукчей, и боясь внезапнаго нападенія, всю ночь не могли сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро (1 Марта) продолжали мы путь. Термометръ цѣлый день показывалъ болѣе

25°. Легкій NW вътеръ, разогнавъ облака, очистилъ атмосферу. Въ полдень опредѣлили мы 69° 42' 48" широты; склоненіе магнитной стрѣлки было 18½° восточное.

Берегъ, направляясь здѣсь на NNO, образуетъ уступъ (яръ), поднимающійся на 5 и болѣе сажень надъ поверхностью моря. На берегу нашли мы недавно оставленную Чукотскую хижину, вокругъ которой ясно видны были слѣды саней, мѣста, гдѣ горѣли огни, и проч. Хотя я и не раздѣлялъ боязни нашихъ проводниковъ (они хотѣли было тотчасъ возвратиться назадъ), но призналъ за нужное ставить на ночь у нашей палатки караульнаго.

На разстояніи 3½ верстъ отъ мѣста полуденнаго наблюденія широты встрѣтили мы довольно значительное, открытое къ сѣверу углубленіе въ берегу, стороны, котораго казалось, соединялись въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, а потому мы и приняли сіе углубленіе за бухту, или маленькій заливъ. Но въ слѣдующіе годы, по ближайшемъ наблюденіи, мы нашли, что то былъ проливъ, названный Шалауровымъ *Собадей*, отдѣляющій островъ сего имени отъ твердой земли. Мы направили путь по сему проливу и на срединѣ длины его нашли нѣсколько Чукотскихъ хижинъ, довольно тщательно выстроенныхъ изъ наноснаго лиственничнаго лѣса; напавшій снѣгъ покрылъ слѣды саней и отнялъ у насъ возможность узнать направленіе, по которому повѣхали Чукчи. На сѣверномъ концѣ про-

ливъ $5\frac{1}{2}$ верстъ ширины, но она однакожь примѣтно суживается на противоположномъ концѣ. Берегъ твердой земли плоскій, а къ востоку становится холмистъ. Берегъ острова Собадея, напротивъ, крутой и обрывистый, возвышается на 20 и болѣе сажень. Подъ защитою сего уступа расположились мы ночлегомъ, проѣхавъ сегодня 23 версты. По полуденной высотѣ луны опредѣлили мы широту нашего ночлега въ $69^{\circ} 48' 46''$ и $168^{\circ} 4'$ долготы, по разстоянію луны отъ Алдебарана. Здѣсь снова нашли мы слѣды Чукчей. Съ вершины близлежащаго холма видѣли вдали обширную тундру

Сегодня на дорогѣ былъ намъ случай наблюдать совершенно новъй, замѣчательный феноменъ: на NO горизонтъ показалось совершенно отдѣльное, темно-сѣраго цвѣта облако, изъ котораго, по направленію зенита, протягивались бѣловатые лучи къ противоположной части неба и давали явленію сходство съ сѣвернымъ сіяніемъ. Не могу утверждать, чтобы сіи лучи, подобно лучамъ сѣвернаго сіянія, имѣли свѣтъ, потому, что явленіе, продолжавшееся съ полчаса, наблюдали мы днемъ, когда свѣтъ лучей не можетъ быть замѣтенъ при сильномъ сіяніи солнца. Казацкій сотникъ Татариновъ, бывшій уже прежде въ сихъ странахъ съ Геденштромомъ, увѣрялъ, что видимое нами темное облако было ни что иное, какъ поднявшіяся, но еще не разсѣявшіяся испаренія изъ внезапно происшедшихъ во льду тре-

нщинъ, или отверзтій (полыней). Если принять такое предположеніе, то бѣловатые лучи образовывалъ тотъ же паръ, мало по малу раздѣляющійся и освѣщаемый солнцемъ. Вечеромъ наблюдали мы на горизонтѣ сѣверное сіяніе, которое занимало все протяженіе отъ NO до NW, и попеременно, то являлось, то пропадало.

На слѣдующее утро (2-го Марта), при ясной погодѣ и 27° холода, едва отъѣхали мы отъ нашего ночлега, какъ г. Козьмину показалось, будто онъ видитъ землю. Мы остановились и тотчасъ взошли на высокій берегъ, откуда ясно увидѣли, что миную землю составляли груды льда (торосы), нагроможденныя на краю необозримой полыни. Въ полдень опредѣлили мы широту 69° 52' 6". Около двухъ верстъ на NNO отъ сего пункта прекращаются высокіе крутые берега и земля является снова плоскою. Сему мѣсту, вѣроятно, далъ лейтенантъ Лаптевъ названіе Пещаного мыса, хотя здѣсь собственно незамѣтно никакого мыса, потому, что берегъ нечувствительно направляется отъ NO къ O, не образуя значительнаго углубленія въ море.

Мѣсто, гдѣ прекращается возвышенный и начинается плоскій берегъ, лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 69° 52 $\frac{1}{2}$ ' широты и 168° 00' долготы, на востокъ отъ Гринвича. Отсюда ѣхали мы, то по морю, то по землѣ. Берегъ здѣсь почти нисколько не возвышается надъ моремъ и, вѣроятно, лѣтомъ, онъ, и весь рядъ

параллельно съ нимъ идущихъ, наносныхъ пещаныхъ холмовъ, покрываются водою.

Долго и напрасно искали мы наноснаго лѣса, который вообще къ востоку отъ пролива Собадея рѣдко встрѣчается; наконецъ нашли на берегу нѣсколько бревенъ, но онѣ были сюда, вѣроятно, перетащены Чукчами, слѣды коихъ ясно видѣли мы по всей окрестности. Сегодня проѣхали мы уже 25 верстъ, и я рѣшился здѣсь переночевать. Мы выстроили четвертую сайбу и отошли въ Нижне-Колымскъ послѣднія провѣантскія нарты. Такимъ образомъ съ нами остались только три дорожныя нарты, на которыхъ, кромѣ меня и г. Козьмина, находились для управленія собаками три казака. По высотѣ луны опредѣлили мы здѣсь широту въ $69^{\circ} 57' 42''$, а долгота, по нашему исчисленію и по пеленгамъ, была $168^{\circ} 41'$.

Вечеромъ наблюдали мы прекраснѣйшее сѣверное сіяніе. Небо было чисто и безоблачно; звѣзды блистали яркимъ арктическимъ свѣтомъ. При легкомъ NO вѣтръ поднялся отъ NNO огромный свѣтящійся столбъ, и лучи его, подобно широкимъ пламеннымъ полосамъ, разливались на небѣ по направленію вѣтра, безпрестанно перемѣняясь и, казалось, приближаясь къ намъ. Судя по скорости, съ какою свѣтлые лучи пробѣгали пространство горизонта до нашего зенита, менѣе нежели въ 2 секунды, полагали мы, что сѣверное сіяніе было къ землѣ ближе обыкно-

венной высоты облаковъ. Въ продолженіе явленія не замѣтили мы никакой перемѣны на магнитной стрѣлкѣ компаса, что, конечно, приписать должно грубому его устроению.

Наши казаки уже нѣсколько разъ просили дать собакамъ отдохнуть и собраться съ силами; по ихъ новой просьбѣ о томъ, рѣшился я остаться еще одинъ день здѣсь (3-го Марта). Отдыхъ былъ благодѣтеленъ для собакъ, но для насъ несносенъ. Мы расположились на совершенно открытой, ни чѣмъ не защищенной равнинѣ, гдѣ, при 25° и 29° мороза, съ рѣзкимъ NO вѣтромъ, у насъ былъ такой скудный запасъ дровъ, что мы могли только кипятить чай и супъ, а остальное время проводили безъ огня. Къ тому присоединилась еще мучительная неизвѣстность объ успѣхѣ нашей поѣздки и настоящемъ положеніи предмета ея, Шелагскаго мыса. Наши малые запасы не позволяли намъ предпринять безопасный, хотя и дальнѣйшій путь вдоль берега, имѣющаго здѣсь почти южное направленіе. На морѣ, прямо передъ нами, лежали высокіе ледяные холмы и заграждали намъ совершенно видъ вдаль, а какъ истинное положеніе Шелагскаго мыса не было еще опредѣлено, то въ отысканіи его мы потеряли бы много времени, чего, при недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, должно было всячески избѣгать. Мы были въ нерѣшимости, что предпринять, когда при закатѣ солнца замѣтили на восточномъ краю горизонта два довольно значительные холма, при-

нятые нами сначала за оди́нъ, северная вершина конхъ лежала отъ насъ $NOO\frac{1}{2}O$. Наши проводники были увѣрены, что мы нашли землю, которой искали, и радовались, что открытіе ея удалить насъ отъ соседства Чукчей, ибо они все еще ихъ боялись. Истеричливо ожидами мы разсвѣта, надеясь, что снѣгъ двѣ холма составляютъ Шелагскій мысъ, предметъ поисковъ безстрашнаго Шалаурова.

Рано по утру, 4-го Марта, небо покрыто было облаками; слабый SO вѣтеръ нагонялъ снѣгу; термометръ показывалъ $13\frac{1}{2}^{\circ}$ (вечеромъ 18°). Мы весьма радовались такой увѣренной температурѣ; послѣ сильныхъ морозовъ, она казалась намъ даже теплою; наши проводники увѣряли, что въ здѣшнихъ краяхъ никогда не бываетъ холода, и завидовали счастью Чукчей, живущихъ въ столь теплый климатъ.

Мы шли по крѣпко-смерзшему снѣгу, то между ледяными громадами, то черезъ нихъ, стараясь по возможности направлять путь нашъ прямо на видѣнныя горы. Но вскоре мы увѣрились, что онѣ были отъ насъ гораздо далѣе, нежели намъ казалось. Наступающія сумерки и усталость нашихъ собакъ, пробѣжавшихъ сегодня, по крайней мѣрѣ, 61 версту, принудили меня остановиться на ночлегъ между торесами. Здѣсь замѣтили мы, что нашъ истинный островъ былъ мысъ, на которомъ подымались три куполовидныя горы; восточная изъ нихъ казалась выше прочихъ. Къ югу отъ сихъ горъ тянется

рядъ холмовъ, обставленныхъ по скатамъ такими же каменными громадами, какія замѣтили мы при Барановомъ. Камни, воображеніе нашихъ боязливыхъ проводниковъ видѣло въ свѣхъ обломкахъ скалъ и утесовъ большой лагерь Чукчей, готовившихся къ битвѣ съ прищельцами.

Съ вершинъ льдины (въ 5 сажень высоты), подлѣ которой разбили мы палатку, показалось намъ вдаль открытое море, отражавшее въ прозрачной водѣ черныя скалы и утесы берега, принимаемаго нами за Шелагскій мысъ. Черезъ нѣсколько минутъ открытое море перемѣнилось въ гладкую ледяную равнину. Съ такою же быстротою покрылась она множествомъ неровностей и возвышеній, а потомъ на всемъ пространствѣ появились большія плавающія льдины самыхъ разнообразныхъ видовъ. При нѣсколько перемѣнившемся положеніи солнца, онѣ въ свою очередь исчезли, и мы ясно увидѣли необозримую, до краевъ горизонта простиравшуюся стѣну огромнѣйшихъ торосовъ. По причинѣ сильнаго преломленія лучей на Ледовитомъ морѣ, подобныя оптическіе обманы и превращенія весьма обыкновенны, и вѣроятно, не разъ подавали они путешественникамъ поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о существованіи острововъ, береговъ и мысовъ.

Нашъ деревянной запасъ совершенно истощился, и для разведенія малаго огня, чтобы сварить себѣ супъ, принуждены мы были пожертвовать тремя шестами палатки и парю запасныхъ санныхъ полозьевъ. Къ счастью, и на слѣдующій день (5 Мар-

та) продолжался 50 вѣтеръ, который и въ Нижне-Колымскѣ приноситъ теплую погоду; термометръ показывалъ не болѣе 18°, и мы переносили такой холодъ безъ огня.

Пробѣжавъ около 30 верстъ между высокими торосами, и перебравшись съ величайшимъ трудомъ черезъ острогранную льдистую стѣну, достигли мы наконецъ сѣверо-западной оконечности Шелагскаго носа. Путь около него превзошелъ трудностями и опасностью все доселѣ нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутя, въ 90 футовъ вышиною ледяныя горы, и съ такой вышины спускаться по крутизнѣ, находясь каждую минуту въ опасности переломать сани, задавить собакъ, или низвергнуться вмѣстѣ съ ними въ ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большимъ пространствамъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый, наносный снѣгъ; иногда встрѣчали мы между торосами непокрытыя снѣгомъ мѣста, усыпанныя острыми кристаллами морской соли, отдиравшими ледъ съ полозьевъ нартъ и дотогу затруднявшими ѣзду, что мы должны были сами запрягаться, и вмѣстѣ съ собаками, съ величайшими усиліями, тянуть сани, чтобы не остаться на дорогѣ. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли намъ мысъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы приближались къ берегу, стоялъ онъ изъ черной, плотной и блестящей, неизвѣстной мнѣ каменной породы, и являлся въ видѣ правильныхъ, наклонно лежащихъ столбовъ,

до 250 футовъ вышиною, между которыми кой гдѣ проглядывали, въ нѣсколько сажень ширины, полосы бѣлаго мелко-зернистаго гранита. Мрачныя черныя утесы, вѣками нагроможденные, никогда не растаявающія ледяныя горы, необозримое, вѣчнымъ льдомъ скованное море, все освѣщенное слабыми, скользящими лучами едва поднимавшагося надъ горизонтомъ полярнаго солнца, совершенное отсутствіе всего живущаго и ничѣмъ непрерываемая могильная тишина, представляли намъ картину, какъ будто мертвой природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли предѣловъ живаго творенія.

Продолжая, съ неимовѣрными усиліями, нашъ путь въ теченіе пяти часовъ, и пройдя около 9 верстъ, мы и наши собаки такъ измучились, что принуждены были остановиться. Для ночлега выбрали мы маленькую бухту, низменный и пещаный берегъ которой, постепенно возвышаясь, сливался въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи съ цѣпью холмовъ, соединенныхъ съ главными горами Шелагскаго мыса, возвышавшагося болѣе нежели на 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Къ великой радости, мы нашли здѣсь нѣсколько наноснаго лѣса (впрочемъ только сосноваго). По видимому, онъ очень давно лежалъ здѣсь. Мы тотчасъ развели большой огонь и спѣшили, послѣ долгаго времени, опять согрѣться и высушить, или, по крайней мѣрѣ, оттаять нашу одежду. Казалось, Чукчи посѣщали сей

край; мы нашли здѣсь большую кучу китовыхъ ребръ, мѣсто, гдѣ недавно былъ разложенъ огонь, и недалеко оттуда большое бревно, вертикально врытое въ землю, такъ, что не болѣе трехъ футовъ торчало оно надъ поверхностью. При ярко пылающемъ огнѣ, мы провели очень пріятную ночь и собрали столько силы и тепла, что на другой день (6 Марта) 19° мороза, съ вѣтромъ и мятелью, казались намъ менѣе ощутительны.

Наши запасы приходили къ концу и могли достать еще дня на три болѣе, и какъ мы не были увѣрены, что найдемъ въ цѣлости оставленные нами складки провіанта, то я колебался: ѣхать ли далѣе, или возвратиться назадъ? Наконецъ рѣшился я продолжать путь, съ тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, опредѣлить истинное направленіе сей части берега, по извѣстному мнѣнію Бурнея, составляющей перешеекъ, связывающій будто бы Азію съ Америкою. Я выбралъ самыхъ надежныхъ, сильныхъ собакъ, и на двухъ разгруженныхъ нартахъ поѣхалъ далѣе; третья нарта, съ остаткомъ нашихъ запасовъ, осталась на мѣстѣ ночлега, подъ охраненіемъ казака; зная языкъ Чукчей, онъ могъ, въ случаѣ необходимости, съ ними объясняться.

Къ счастью, мы нашли узкую полосу твердаго и гладкаго льда, и ѣхали по ней очень скоро вдоль берега, кромѣ немногихъ незначительныхъ уклоненій, направляющагося прямо на SO 80°, и состоящаго изъ утесовъ, углами упирающихся въ море; изрѣдка попадаетъ нѣдѣ

плоскій, пещаный берегъ. Скалы сіи состоятъ изъ той же черной породы и черного шифера, какъ прежде нами видѣнныя. Въ 17 верстахъ отъ нашего ночлега взялъ я полуденную высоту солнца и опредѣлилъ широту $70^{\circ} 03' 24''$. Около 12 верстъ далѣе скалы исчезаютъ и горы удаляются отъ берега, который сплошь становится дресвянымъ. Съ вершины горы, близъ берега лежащей, замѣтили мы, на разстояніи 24 миль къ $SO 48^{\circ}$, далеко вдавшійся въ море мысъ, который назвалъ я, по имени моего ревностнаго сотрудника въ экспедиціи, мысомъ *Козьмина*. Къ сѣверу и NO отъ насъ, кромѣ пространныхъ, болѣе или менѣе гладкихъ, ледяныхъ полей, не представлялось намъ никакого замѣчательнаго предмета. Отъ конца черныхъ скалъ до мыса Козьмина плоскій и дресвяный берегъ образуетъ легкій изгибъ, приближаясь къ подошвѣ горъ, отстоящихъ довольно далеко отъ берега. У мыса впадаетъ въ море маленькій ручей, которому дали мы названіе *Поворотнаго*. И здѣсь нашли мы слѣды Чукчей, а именно большую яму, наполненную китовыми ребрами и угольями. Судя по огромнымъ, подлѣ берега стоящимъ льдинамъ, должно думать, что море здѣсь очень глубоко, и какъ берегъ не представляетъ никакихъ заливовъ, или углубленій, то плаваніе по сей части моря должно быть опасно, ибо суда не имѣютъ никакой защиты отъ напора льдовъ.

При совершенномъ недостаткѣ всякаго рода припасовъ не было возможности продолжать путь;

и принужденъ былъ обратиться отсюда назадъ, довольствуясь на сей разъ открытіемъ, что берегъ Азіи, миль на 40 къ востоку отъ Шелагскаго мыса, имѣтъ юго-восточное направленіе. Мы обозначили предѣлъ нашей повозки пирамидою, сложенною изъ большихъ камней, недалеко отъ устья ручья, на довольно значительномъ холмѣ, и опредѣлили его положеніе въ $70^{\circ} 00' 37''$ сѣверн. широты и $171^{\circ} 47'$ долготы къ востоку отъ Гринвича. Пирамида сія отстоитъ отъ Сухарнаго на 418 верстъ. *

Возвратный путь былъ также незатруднителенъ, и поздно вечеромъ достигли мы палатки нашей на Шелагскомъ мысѣ, гдѣ остававшійся казакъ, желая оставить послѣ насъ какой нибудь памятникъ, занимался сколачиваніемъ большого креста изъ двухъ бревенъ. Мы помогли окончить ему работу, выжгли на крестѣ годъ, мѣсяцъ и день нашего здѣсь пребыванія, и поставили его на высочайшемъ изъ сосѣднихъ утесовъ. На другой день (7 Марта), при 28° мороза, рѣзкомъ вѣтрѣ и вьюгѣ, начали мы обратный путь. Для избѣжанія затруднительнаго и для нашихъ саней опаснаго перевѣзда черезъ торосы, рѣшился я ѣхать по твердой землѣ, чрезъ низкіе холмы, къ WSW отъ насъ лежащіе. Симъ путемъ уда-

* Не привожу точнѣйшаго опредѣленія географическаго положенія Шелагскаго мыса, ни другихъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ берега, потому, что все это помѣщено будетъ въ повѣствованіи о путешествіяхъ по льду, предпринимаемыхъ нами въ слѣдующіе годы.

лось имъ шиповать тороса и выхлать на гладкую поверхность моря. Вероятно, это самый тотъ волокъ, по которому, въ 1700 году, купецъ Тарасъ Стадухинъ, отправившись изъ Нижне-Комыска къ востоку водою на кочѣ, возвратился назадъ, видя невозможность обойти мысъ, * названный имъ Великимъ Чукотскимъ, но въ послѣдствіи получившій названіе Шелагскаго.

Мы слѣдовали почти въ южномъ направленіи вдоль по берегу, крутыя, обрывистыя скалы котораго мало по малу превращаются въ плоскіе округленные холмы, за коими однакожъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видна цѣпь крутыхъ, островерхихъ горъ. Отъѣхавъ верстъ 25 отъ Стадухинскаго волока, расположились мы на ночлегъ на дрсвяномъ берегу залива, обращеннаго на востокъ, и нашли здѣсь множество наноснаго лѣса. Надобно замѣтить, что онъ состоялъ исключительно изъ толстыхъ листовичныхъ стволовъ, когда до сихъ поръ мы не встрѣчали другихъ древесныхъ породъ, кромѣ сосенъ. При легкомъ западномъ вѣтрѣ, по утру было 30° холода, а вечеромъ 27°.

Прѣѣхавъ 10½ верстъ, находились мы, на разстояніи 4½ верстъ, почти на параллели мыса, довольно тупымъ угломъ выдающагося въ море и образующаго небольшой заливъ; мысъ сей называлъ я по имени г. Матюшкина. Онъ замѣчате-

* См. глава I, стр. 33.

— день особенно по высокой, лежащей на немъ горѣ, называемой Чукчами *Раутанъ*, отъ которой внутренняя цѣпь горъ принимаетъ SO направление. Здѣсь опредѣляли мы, по полуденной высотѣ солнца, $69^{\circ} 44' 43''$ широты, и по полуденной тѣни оклошеніе магнитной стрѣлки 18° восточное. Мысль Матюшкина лежитъ подъ $69^{\circ} 43' 50''$ широты и $170^{\circ} 47'$ долготы отъ Гринвича. Въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ верстъ отъ него, между WNW и SW, плоскій островъ, называемый Чукчами *Араутанъ*, отдѣленный отъ твердой земли едва замѣтнымъ проливомъ. Мы обогнули южную сторону острова и направили путь на западъ, черезъ *Чаунскій заливъ*. Провѣхавъ 25 верстъ, достигли мы низкихъ береговъ острова *Собадея*, и еще 7 верстъ вѣхали вдоль берега, прежде нежели могли найти нѣсколько наноснаго лѣса. Здѣсь разбили мы для ночлега палатку, подъ защитою невысокаго землянаго уступа. Сильная, продолжительная вьюга и наступившая темнота препятствовали намъ съ точностію опредѣлить изгибы берега. Цѣлый день, 8 Марта, холодъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и чувствителенъ.

Марта 9-го продолжали мы путь вдоль берега острова *Собадея* на N и NO, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ устроили 2-го Марта четвертую сайбу, которую, поздно вечеромъ, нашли въ совершенной цѣлости, что было намъ весьма пріятно, ибо наканунѣ издержали мы уже весь остатокъ нашихъ запасовъ. Въ послѣдствіи не

были такъ счастливы. Отъ остальныхъ трехъ сайбъ остались только рыбы кости; вѣроятно, несмотря на предосторожности наши, песцы и рассомахи, которые здѣсь во множествѣ водятся, нашли доступъ къ нашимъ запасамъ и все истребили, какъ нашъ провіантъ, такъ и кормъ собакій. Наши замасы вышли, и несмотря на безразличность, съ какою дѣлили мы найденную въ одной сайбѣ поклажу, принуждены мы были два послѣдніе дня оставаться безъ пищи. Я утѣшалъ моихъ товарищей, увѣряя, что въ слѣдствіе сдѣланнаго мною передъ отъѣздомъ распоряженія, на Сухарномъ островѣ ожидаютъ насъ нарты съ новыми собаками и провіантомъ; но моя надежда не сбылась, * и мы принуждены были, томясь голодомъ, продолжать путь на обезсиженныхъ и измученныхъ собакахъ.

Марта 14-го прибыли мы наконецъ, послѣ 23-хъ дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего до 1122 верстѣ, въ Нижне-Колымскъ, гдѣ въ полномъ смыслѣ наслаждались пріятностями топленой комнаты и порядочно свареной пищи. Здѣсь нашли мы доктора Кибера, который еще 20-го Фе-

* Причиною тому былъ поздній пріѣздъ окружнаго Комиссара изъ Средне-Колымска. Купцы, отправлявшіеся въ Островное на ярмарку, должны были на Анюѣ долго ожидать его, а потому собаки ихъ возвратились только 20-го Марта, когда по моему расчету не позже 10 Марта, могли онѣ уже быть въ Сухарномъ, гдѣ два дня отдыха и хорошаго корма совершенно ихъ оправдали бы. Такое позднее возвращеніе собакъ, которыхъ мы хотѣли употребить для нашего втораго путешествія по льду, значительно нашъ отъѣздъ.

вряды прибылъ изъ Иркутска; но, къ сожалѣнію, затруднительная зимняя дорога такъ повредила его вдоровью, что во второмъ путешествіи по льду онъ не могъ участвовать.

Марта 19-го возвратился г. Матюшкинъ изъ Островнаго, гдѣ онъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Чукотскіе старшины съ удовольствіемъ и благодарностію приняли привезенные имъ подарки, и увѣряли, что мы встрѣтимъ самый дружескій пріемъ, если посетимъ ихъ страну и жилища. О землѣ, которая будто бы видна въ морѣ съ береговъ, никто изъ Чукчей не зналъ.

Цѣлью путешествія г. Матюшкина было, какъ я уже сказалъ, предупрежденіе недоверчивыхъ Чукчей о нашемъ досыщеніи и опытъ пріобрѣсти ихъ расположеніе предварительными подарками и указаніемъ тѣхъ выгодъ, какія могутъ они извлечь изъ дружелюбныхъ сношеній и торговли съ Рускими. Хотя отзывы Чукчей дѣлали невѣроятнымъ открытіе земли, которая по предположеніямъ видна съ ихъ береговъ, но путешествіе г. Матюшкина тѣмъ занимательно, что знакомитъ насъ, изъ многихъ кочевыхъ племенъ, живущихъ подъ скипетромъ Россіи, именно съ такимъ народомъ, о которомъ до сихъ поръ было только извѣстно, что онъ обитаетъ по сѣверовосточнымъ берегамъ Ледовитаго моря, въ странѣ, климатъ которой можетъ устрашить самого страстнаго и неутомимаго путешественника.

Мы тотчасъ начали приготовляться ко второму путешествію по льду, но прежде нежели приступлю я къ описанію его, для соблюденія порядка времени и полноты предмета неизлишнимъ будетъ представить краткое извлеченіе изъ отчета г-на Матюшкина о посѣщеніи Островенской ярмарки.

ГЛАВА VII.

Отчетъ г-на Матюшкина о поездкѣ въ мѣстечко Островное и тамошней ярмаркѣ. Замѣчанія о встрѣченныхъ Чукчахъ и о шаманахъ.

Марта 4-го отправились мы, на двухъ нартахъ, изъ Нижне-Колымска въ Островное. Меня сопровождали казакъ и Якутъ, знавшій Чукотскій языкъ, и сверхъ того извѣстный Англійскій пѣшеходъ Кокренъ; который хотѣлъ отправиться изъ Островнаго, съ возвращающимися Чукчами, на Чукотскій Носъ, а оттуда перейти въ Америку.

Глубокій снѣгъ, наметенный сильною вьюгою огромными грудами, весьма затруднялъ ѣзду, такъ что въ первый день, не смотря на всѣ усилія, мы не могли достигнуть поварни, въ 40 верстахъ отъ Нижне-Колымска устроенной. Надобно было провести ночь подъ открытымъ небомъ. Мы вы-

брали для привала высокій берегъ рѣки, защищенный отъ сѣвернаго вѣтра небольшимъ лѣсомъ. Къ счастью, погода, по здѣшнимъ понятіямъ, была очень тепла (термометръ показывалъ только 8° холода), и мы провели ночь, около большаго костра, очень хорошо.

На другой день, рано по утру, отправились далѣе и ѣхали скоро, по хорошей дорогѣ, проложенной Юкагирами и другими окрестными жителями, которые съ своими товарами (мѣхами и рыбою) спѣшили на ярмарку въ Островное. Мы скоро достигли Малаго, или Сухаго Анюя, и поѣхали къ его вершинѣ (почти прямо на востокъ), стараясь по возможности сокращать прямыми линіями частые изгибы рѣки. По берегамъ ея разсѣяны Юкагирскія селенія и лѣтовья, но теперь дома были пусты, потому что всѣ жители уѣхали на ярмарку. *

Марта 8-го прибыли мы счастливо въ Островное, мѣстечко, величаемое крѣпостью; оно лежитъ въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска, и устроено на одномъ изъ острововъ, образующихъ Анюемъ, подъ 196° 10' долготы и 68° широты. Кромѣ полуразвалившейся часовни Святаго Николая, въ немъ находится до 30-ти домовъ и

* За 40 лѣтъ прежде, ярмарка производилась въ Анадырскомъ и Каменномъ, куда и нынѣ собираются Чукчи и сосѣднія племена, но тамъ Русскихъ товаровъ обращается не много. Главный торгъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, единственно по взаимному согласію торгующихъ, переведенъ въ Островное, которое по положенію своему гораздо удобнѣе для Русскихъ купцовъ.

юртъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ. Крепость состоитъ изъ мѣста, обнесеннаго заборомъ, съ вѣтхою башнею надъ воротами; въ срединѣ построены двѣ, такъ называемыя, казармы, т. е. хижины для командира съ канцеляріею и сопровождающими его казаками; во время ярмарки всѣ строенія мѣстечка набиты людьми и недостаточны для вмѣщенія многочисленныхъ посетителей, которыхъ, по большей части, живутъ на открытомъ воздухѣ подлѣ своихъ нартъ и товаровъ. Чукчи разбиваютъ свои палатки на маленькомъ островѣ, недалеко отъ мѣста торга.

Вся окрестность оживлялась народомъ и дѣятельностью. Картина представляла много страннаго, но тѣмъ не менѣе была пріятна и положила на себѣ отпечатокъ оригинальности. Крепость и окрестные дома, съ трудомъ вырытые изъ-подъ снѣга, не были большимъ украшеніемъ ландшафта, но вечеромъ, когда всѣ недостатки строеній скрывались, а тускло свѣтящіеся сквозь ледяныя стекла огни обличали близость жилья человеческого, видъ селенія производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Пылающіе костры, разложенные подлѣ воевъ и нартъ, высокіе столбы красноватаго, искристаго дыма, возстающіе изъ Чукотскихъ палатокъ и постепенно исчезающіе на темноголубомъ небосклонѣ, устланномъ ярко-блестящими звездами, и перебѣгающіе по краямъ горизонта красныя и зеленовато-бѣлыя лучи сѣвернаго сіянія, бросали на окрестность какой-то необыкновенный для непривычнаго глаза свѣтъ. Вдали

раздавались глухіе звуки шаманскихъ бубновъ и протяжные пѣсни Сибиряковъ. Новизна такого зрѣлища въ безмалыныхъ пустыняхъ сѣвера нѣла для меня много привлекательнаго; я могъ бы даже доскипаться живою картиною Сибирской жизни, но резкій, въ 30° холодъ гналъ несродившагося съ здѣшнимъ климатомъ къ горящему чужаку, а разногосудный вой нѣсколькихъ сотъ собакъ убивалъ всякое эстетическое расположеніе.

Въ крѣпости останавливается Коммисаръ, съ двумя нисцами и нѣсколькими казаками. На время ярмарки прѣзжаетъ онъ сюда для собиранія податей, надзора за порядкомъ и защиты, въ случаѣ нужды, Русскихъ купцовъ отъ Чукчей. Къ счастью, не бываетъ ссоръ между торгующими, а то деревянныя стѣны крѣпости и Коммисаръ, съ малочисленнымъ, плохо вооруженнымъ гарнизономъ, не были бы въ состояніи ни минуты сопротивляться многочисленной толпѣ воинственныхъ Чукчей. На время ярмарки прѣзжаетъ изъ Нижне-Колымска и священникъ, привозя съ собою необходимыя для священнодѣйствій образа и утварь.

Вѣсть съ нами прибыли въ Островное Рускіе купцы, караваномъ изъ 125-ти вьючныхъ лошадей. Чукчи уже собрались сюда прежде и расположились девятью отдельными станами, каждый родоначальникъ съ своими домочадцами особо. Путь сего народа въ Островное довольно замѣчателенъ. Сначала Чукчи перевзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и наметывая тамъ мѣховъ

и моржовыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мохомъ, Чукчи часто должны уклоняться отъ прямой дороги и совершаютъ свое путешествіе въ пять и шесть мѣсяцовъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество саней, нагруженныхъ мохомъ для оленей. На берегахъ Чаунской губы Чукчи перемѣняютъ своихъ утомленныхъ оленей у кочующихъ тамъ племенъ и слѣдуютъ далѣе. Посѣщая по дорогѣ ярмарки въ Анадырскъ и Каменномъ на р. Ижигѣ, Чукчи приходятъ въ Островное обыкновенно въ концѣ Января, или началѣ Февраля. Здѣсь пробываютъ они девять или десять дней, и отправляются обратно прежнимъ путемъ. Обыкновенно караванъ ихъ состоитъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 100 и 150 воиновъ. Такъ проводятъ жизнь свою Чукчи въ непрерывныхъ переходахъ со всемъ имуществомъ и семействами. Каждый караванъ приходитъ въ Островное однажды въ два года; остальное время проводятъ Чукчи въ горахъ и тундрахъ своей родины, занимаясь охотою и приготовленіями къ переходамъ. Тогда переѣзжаютъ они на утлыхъ байдаркахъ черезъ Беринговъ проливъ, пристають обыкновенно для отдыха къ Гвоздевымъ островамъ, и являются въ Сѣверную Америку для мѣны на мѣха своихъ произведеній и Русскихъ товаровъ. Должно удивляться смѣлости, съ какою

народъ, не имѣя понятія о судоходствѣ, совершаетъ на маленькихъ байдаркахъ столь большіе перевезды по бурному и туманному морю.

Впрочемъ, Чукчи составляютъ по настоящему только посредниковъ въ торговлѣ между Русскими и Американцами; собственныхъ своихъ произведеній, кромѣ развѣ оленьихъ шкуръ, пускаютъ они въ оборотъ немного. За Американскія произведенія, мѣха и моржовые клыки, платятъ Чукчи, по большей части, табакомъ, желѣзомъ, бисеромъ и другими Русскими товарами. При семъ торгъ обѣ стороны, т. е. Чукчи и Рускіе получаютъ огромныя прибыли. Чукчи вымѣниваютъ у Американцовъ за полпуда листового табаку партію мѣховъ, которую продаютъ за два пуда и на 100 получаютъ 300 процентовъ выгоды, а Рускіе, заплативъ, по большой мѣрѣ, 160 рублей за два пуда табаку, промѣниваютъ его на мѣха, которые, по крайней мѣрѣ, стоятъ 260 рублей, и выигрываютъ 60 процентовъ.

Мѣха, привозимые Чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржовые ремни и клыки, что все Чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санныя полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, Впрочемъ, довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готового платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружія

и Американскія одежды, но такъ какъ товары худо раскупались, то и торговля совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иглъ, мѣдной, жестяной, такъ же деревянной посуды и множества разнообразнаго бисера для Американцевъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда кунцы водку и вино, но въ слѣдствіе мудраго и благодѣтельного запрещенія Правительства, сии предметы не являются открыто въ оборотъ, а, вѣроятно, только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для Русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матерія, платки, и проч.

Кромѣ Чукчей, собираются въ Островное все сѣднія племена изъ-за 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, Ламуты, Тунгусы, Чуванцы, Коряки привозятъ сюда многочисленными толпами, частью на собакахъ, частью на лошадяхъ. Все сии народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянныя полозья для саней, которыя съ выгодною сбываются Чукчамъ на мѣхъ. Различіе одеждъ, оріентальной и европейской, приятно разнообразитъ и оживляетъ видъ торга.

Февраля 10-го собрались Русскіе купцы и Чукотскіе старшины въ крѣпость къ Коммиссару, прослушать правила, которыя должны

быть наблюдаемы при торгѣ, и съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Последнее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе Русскихъ купцовъ уронило бы непременно цѣну Русскихъ произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 16 лисьихъ и 20 кунныхъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить известную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

Февраля 11-го, когда Коммисаръ собралъ съ Чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершались въ часовнѣ торжественное богослуженіе и молебствіе * о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда Чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами, въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Рускіе и другіе посѣтителы помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъ-естественная сила схватываетъ Русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною безпорядочною толпою, въ

* Къ сожалѣнію, шаманское богослуженіе Чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

ряды Чукчей. Каждый старается опередить других, спешить первый подойти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются Рускіе. Обвѣшенные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однихъ саней къ другимъ, торгуются, кланутся, перевозносятся свои товары, и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшаютъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ; онъ тотчасъ вскакиваетъ, и съ непокрытой головой и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью Рускихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность Чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копыя, у саней своихъ, и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ; * если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе, и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера Чукчей, даетъ имъ на торгъ

* На Островенской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ беспорядочной смѣси Русскихъ, Чукотскихъ, Якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

большое преимущество передъ Рускими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а кунцу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою Чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары разбѣнены, Чукчи начинаютъ обратный путь, а Рускіе и другіе посѣтителі ярмарки спѣшать въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣетъ, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга Сибирская мѣтель налетитъ на Островное, оно исчезаетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устроивается цвѣтушій торговый городъ. Впрочемъ, не смотря на кратковременность срока и ничтожность податей, платимыхъ Чукчами, ярмарка сія для Сибири довольно значительна. Обыкновенно цѣнность обращающихся здѣсь товаровъ равняется 200,000 рублей. Черезъ постоянныя сообщенія съ Рускими Чукчи познакомились со многими новыми предметами, которые сдѣлались уже для нихъ необходимыми потребностями, какъ то: табакъ и желѣзо. За позволеніе вымѣнивать сіи предметы у Рускихъ, Чукчи, несмотря на свое отвращеніе отъ всякаго признака зависимости, охотно платятъ положенную подать, впро-

чемъ неслишкомъ обременительную. Въ семь году она состояла изъ 30 лисьихъ мѣховъ. Вѣроятно, Чукчи постепенно подчинились бы некоторымъ постановленіямъ, платежу ежегодно ясака, и наконецъ вполне покорились бы Россіи, какъ другіе Сибирскіе народы, еслибы здѣшніе Комиссары своимъ поведеніемъ и обращеніемъ умѣли пріобрѣтать довѣренность и уваженіе дикарей. Къ сожалѣнію, случается противное. Боязливость и необдуманность съ одной и низкое корыстолюбіе съ другой стороны вовлекаютъ Комиссаровъ въ самыя недостойныя поступки, необходимо унижающіе ихъ въ глазахъ Чукчей, которые отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличаются вѣрнымъ, врожденнымъ понятіемъ о правдѣ.

Я воспользовался временемъ ярмарки, стараясь сблизиться съ почетнѣйшими старшинами Чукчей и предупредить ихъ о нашемъ намѣреніи и цѣли посвятить Чукотскую землю. Въ крѣпость собрались: *Макамокъ* и *Леутъ*, старшины съ береговъ залива св. Лаврентія, *Валетка*, скитающійся съ безчисленными стадами оленей въ тундрахъ, прилегающихъ къ Шелагскому мысу, *Эрашка*, кочующій съ своимъ племенемъ на берегахъ Чаунской губы, и многіе другіе. Угостивъ и одаривъ ихъ табакѣмъ, я объявилъ имъ, что Государь поручилъ намъ осмотрѣть Ледовитое море, съ его берегами, для того, чтобы найти легчайшее средство привозить Чукчамъ на моряхъ табакъ, желѣзо и другіе товары. Но какъ при такихъ изслѣдованіяхъ легко можетъ

случиться, что мы принуждены будемъ приближаться къ берегамъ ихъ родины, и даже выходить на землю, то мы надѣемся встрѣтить дружескій пріемъ отъ туземцовъ, и обѣщаемся въ послѣдствіи щедро награждать за всѣ оказываемыя намъ услуги. Такое обѣщаніе, кажется, нѣсколько обидѣло Чукчей, и одинъ изъ нихъ, именно Валетка, между прочимъ сказалъ: «Развѣ мы не подданные сына солнца (Императора)? Онъ намъ далъ это оружіе для общей пользы, а не съ тѣмъ, чтобы мы употребляли его во зло, или «вредили нашимъ друзьямъ.» При сихъ словахъ Чукча съ гордостью схватился за серебряную рукоятку кортика, подареннаго ему отцу въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ заключеніе всѣ присутствующіе старшины дали мнѣ слово и руки, увѣряя, что они не только примутъ насъ по дружески, но и употребятъ всѣ зависящіе средства для споспѣшествованія нашему намѣренію. Договоръ, къ великому удовольствію моихъ гостей, былъ скрѣпленъ порядочною порціею хлѣбнаго вина.

Переговоры моего спутника Кокрена не были столь удачны. Выдавая себя за купца, онъ просилъ Чукчей провести его до залива св. Лаврентія для перевѣзда отсюда въ Америку, обѣщая имъ за то щедрую награду табакомъ и виномъ. Леутъ вызывался доставить Кокрена къ Метчи-менской губѣ въ Іюль мѣсяцъ, но требовалъ въ награду 80 пудовъ табаку; Валетка, напротивъ того, хотѣлъ безвозмездно довести Англичанина

до своего кочевья на рѣку Верконъ, и оттуда отправить съ родственникомъ на Чукотскій Носъ, или въ будущемъ году привезти обратно въ Островное. Леуть требовалъ цѣну слишкомъ огромную, а безкорыстіе Валетки рождало подозрѣніе. Между тѣмъ Кокренъ, познакомившись нѣсколько съ Чукчами, увидѣлъ, что долгое пребываніе съ ними сопряжено съ безчисленными лишеніями и затрудненіями, не можетъ доставить большаго удовольствія, а при совершенномъ незнаніи ихъ языка будетъ даже бесполезно. По симъ причинамъ увѣрившись, что данный ему отъ Губернатора открытый листъ не будетъ болыною защитою отъ свирѣпости Чукчей, Кокренъ, рѣшился переимѣнить свое названіе и возвратиться въ Нижне-Колымскъ.

Чукчи еще очень мало извѣстны. Немногіе путешественники, посѣщавшіе сіи страны, по кратковременности сношеній съ жителями и по незнанію туземнаго языка, довольствовались только описаніями одежды, нѣкоторыхъ обычаевъ и богослужебныхъ дѣйствій сего народа. Образъ жизни, внутреннее управленіе и понятія Чукчей еще не раскрыты, а потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для составленія точной и вѣрной идеи о характерѣ сего замѣчательнаго племени. Находясь здѣсь едва нѣсколько дней, я не имѣлъ возможности вопросами ближе познакомиться съ мнѣніями, нравами и обычаями Чукчей. Все вниманіе ихъ было устремлено на предстоящую предъ ними ярмарку, а потому разговоръ и самыя

мысли болѣе клонились къ торговымъ дѣламъ: Сверхъ того я и не смѣлъ много спрашивать, потому что сей народъ, по врожденной недо- вѣрчивости, легко могъ получить подозрѣніе: не имѣли ли мы злаго намѣренія на его свободу? Впрочемъ, по возможности старался я собирать свѣдѣнія отъ самихъ Чукчей и отъ живущихъ здѣсь Русскихъ. Такимъ образомъ составлены слѣдующія замѣчанія, которыя, при всей непол- нотѣ, могутъ служить дополненіемъ существую- щихъ, и матеріаломъ будущихъ точнѣйшихъ опи- саній сего малоизвѣстнаго народа.

Изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи, Чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, предѣлы которой отъ прежнихъ кро- вопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири зна- чительно стѣснились. Какъ всѣ дикіе, необразо- ванные народы, Чукчи, имѣютъ немногія по- требности, легко удовлетворяемыя произведе- ніями оленьихъ стадъ, которыя даютъ имъ жи- лища, одежду, пищу, и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. На снѣжныхъ степяхъ своего мрачнаго, льдистаго отечества, подъ легкими палат- ками изъ оленьихъ шкуръ, Чукчи почитаютъ се- бя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрять съ сожалѣніемъ. Легко и хладно- кровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходи-

мыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена Северо-Восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ непрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги Русскихъ значительно ослабили сіи междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе Якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило воѣ сосѣднія слабѣйшія племена соединиться совершенно съ Чукчами, и избравъ военномонарховъ, дружно противостать общему непріятелю. Бой былъ неравенъ. После нѣсколькихъ пораженій, Чукчи, торжествуя всегда надъ слабѣйшими сосѣдями, лишились высокаго понятія о своей необходимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и хотѣли слѣдовать за ними, въ землю, не обѣщавшую никакого вознагражденія за понесенные труды и опасности.

Рускіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя Рускимъ, Чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе, и нынѣ, какъ мы видали, приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ,

въ Русскія владѣнія для выгодной обиди сто-
рономъ торговли. Постоянное сообщеніе и об-
ращеніе съ Русскими имѣло выгодное вліяніе
на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы
ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, подобно
Юкагирамъ, Чуванцамъ, Корякамъ, и другимъ
народамъ, хотя и гордые своею самостоятель-
ностію, Чукчи постепенно покорятся и совершен-
но сольются съ Русскими.

Многіе Чукчи крещены, но это не имѣло ни-
какого дальнѣйшаго вліянія; они остаются кре-
щенными язычниками, не понимая собственно ду-
ха и смысла христіанскаго ученія. Большой части
Чукчей крещеніе составляетъ только спекуляцію,
посредствомъ которой они надѣются получить нѣ-
сколько фунтовъ табаку, мѣдный котелъ и тому
подобныя подарки. Отъ того нерѣдко случается,
что нѣкоторые добровольно вызываются вторично кре-
ститься, и явно выражаютъ свое негодованіе, ког-
да имъ въ томъ отказываютъ. Священникъ, при-
ѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмар-
ки въ Островное, обыкновенно находитъ нѣсколь-
кихъ Чукчей и Ламутовъ, которые, въ надеж-
дѣ получить подарки, огласны на крещеніе.
При насъ также одинъ молодой Чукча объ-
явилъ, что онъ, за нѣсколько фунтовъ Черкеска-
го табаку, желаетъ окреститься. Въ назначен-
ный день собралось въ часовню множество на-
рода и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ
смирно и благопрістойно, но когда слѣдовало
ему окунуться три раза въ купель съ холодною

водою, онъ спокойно покачалъ головой и представилъ множество причинъ, что такое дѣйствіе во все не нужно. Послѣ долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обѣщанный табакъ, Чукча наконецъ рѣшился и съ видимымъ нехотѣніемъ вскопчилъ въ купель, но тотчасъ выскочилъ, и дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовнѣ, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить Чукчу дожидаться окончанія дѣйствія; онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣтъ! болѣе не хочу, болѣе не нужно! Давай табакъ.»

Сей случай можетъ служить образчикомъ понятій здѣшнихъ новообращенныхъ о христіанствѣ, которое впрочемъ не можетъ имѣть достаточнаго вліянія и пользы, даже и потому, что не предшествуется предварительнымъ ученіемъ. Кажется, что самое введеніе христіанства, при уединенной, бродячей жизни, еще невозможно тѣмъ болѣе, что священники, по недостаточному знанію языка, не въ состояніи удовлетворительно объяснять основныхъ попятій христіанскаго ученія. С. Петербургское Библейское Общество перевело на Чукотскій языкъ десять заповѣдей, Отче нашъ, Символъ Вѣры, и если не ошибаюсь, часть Евангелія, напечатало Русскими буквами и прислало сюда, но сей трудъ не можетъ принести большой пользы. Въ грубомъ Чукотскомъ языкѣ недостаетъ словъ для выраженія новыхъ, отвлеченныхъ понятій, а Рускія

буквы не могут передать многихъ звуковъ, и потому, по свидѣтельству священника и почетнѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, переводъ весьма неудовлетворителенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Вообще крещенные Чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ, на прим., не смотря на крещеніе, богатые Чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается съ своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи сего народа суровы и часто свирѣпы. Такъ, на примѣръ, сохранилось у нихъ противоестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, раждающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при семъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія Пра-

вительства и духовенства, сей ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вероятно, шаманами, которые вообще приобрели большую власть и сильное влияние над Чукчами. Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или несколькихъ шамановъ, и низиншіе требуется и исполняется во всякихъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814-мъ году, между Чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась въскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ предпринимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣанные души тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Кочень, одинъ изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Кочень былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что Чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки, угрозы, можетъ быть и побои, * не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Кочень, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для

* Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отиѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части, шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любви къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Такъ сильно вліяніе шаманства, которое заступаетъ здѣсь мѣсто религіи и отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, сбивчивыхъ преданій, никакихъ догматовъ, или правилъ, оно не имѣетъ, почему ученіе или преподаваніе шаманства невозможно. То, во что вѣрятъ шаманы и ихъ приверженцы, никѣмъ не выдуманно, и не есть твореніе одного человѣка, но рождается въ понятіяхъ каждаго отъ созерцанія вѣншихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустынь Сибири одинаковъ съ степенью образованія, на которой стоятъ ея полудикіе обитатели, то и самыя впечатлѣнія вѣншія, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видитъ и чувствуетъ для себя, но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вѣстъ съ тѣмъ вѣра и цѣлаго народа. Отъ того, что шаманство есть, такъ сказать, твореніе каждаго, и каждому, какъ своя собственность, дорого, по моему мнѣнію, оно столь долго сохраняется, и не истребится между Сибирскими племенами до тѣхъ

поръ, пока они не выйдутъ изъ полудикаго состоянія, или не оставить тундръ и скалъ своего отечества, раждающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатлѣнія. Когда кочующія племена получаютъ осѣдлость, и наставленія и примѣръ образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь и христіанство.

Обыкновенно, общее мнѣніе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, пляска и кривлянія которыхъ простое притворство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ Сибири, сей приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ одностороненъ, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенія въ селеніе, и разными, по видимому сверхъ-естественными дѣйствіями, какъ то: безвредныхъ хватаніемъ раскаленнаго желѣза, прокалываніемъ руки длинною иглою, и т. д., удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ соединеннаго для извѣстной цѣли сословія, но образуются и совершенствуются сами собою. Среди народа раждаются люди съ сильнымъ, легко воспламеняемымъ воображеніемъ; съ малолѣтства слышатъ отъ стар-

шихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видятъ шаманскіе обряды, и неестественныя судорожныя движенія, всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщества съ неземнымъ. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; сами шаманы незнаютъ, какимъ образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самого себя и окружающей его мрачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорячительныя средства напрягаютъ и растроиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ явленія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣрить имъ, твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы; торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его пляскѣ и пріемамъ на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не производитъ какой нибудь перемѣны въ его духѣ; оно просто внѣшняя церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣрить, есть и остается слѣдствіемъ расположенія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманномъ обманомъ, или притворствомъ. Всякій, кто видѣлъ и наблюдалъ истиннаго шамана, въ высшей степени восторга, согласится со мною, что шаманъ, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, не можетъ и не хочетъ обманывать, и что такое состояніе про-

исходить отъ невольнаго, непреодолимаго вліянія чрезмѣрно напряженнаго и разстроеннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе. Пляска и гаданія шамановъ дѣлали на меня всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикій взоръ, налитые кровью глаза, сильный голосъ, съ трудомъ вырывающееся изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, стоящіе дыбомъ волосы, глухой звукъ бубновъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поражающее всякаго, даже и образованнаго человека. Мудрено ли, что необразованныя дикія дѣти природы видятъ въ томъ мрачное дѣйствіе злаго духа?

Но пора возвратиться къ ярмаркѣ и Чукчамъ. Ихъ палатки, какъ мы сказали, были расположены нѣсколькими отдѣльными группами, и представляли, хотя не привлекательное, но довольно живописное зрѣлище. Въ срединѣ cadaго отдѣленія, обыкновенно изъ десяти, или двадцати палатокъ состоящаго, стоитъ, прислонясь къ дереву, большой высокій шатеръ старшины; вокругъ помѣщаются дорожныя сани и привязываются избранныя домашніе олени; остальные большими табунами пасутся на тундрѣ и сами wygrебаютъ себѣ пищу изъ-подъ снѣга. На вѣтвяхъ дерева развѣшены въ безпорядкѣ луки, колчаны, одежды, разноцвѣтныя мѣха и домашняя посуда. Изъ палатокъ поднимаются столбы искристаго дыма; иногда на снѣгу разложенъ огонь

и на немъ, въ котлахъ, варится оленина. Между палатками снуютъ закутанные въ меховыя плащи, покрытые инеемъ Чукчи, и не смотря на морозъ въ 34°, спокойно и весело суетятся. Подумаешь по неволѣ, что они во все не знаютъ, что такое стужа!

Палатки шиваются изъ мягко выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ (ровдугъ) и растягиваются на нѣсколькихъ шестахъ, соединенныхъ верхними концами. Вверху оставляется отверстіе для дыма. Подъ наметомъ помѣщаются: кухня, гдѣ привѣшивается большой желѣзный котелъ, подъ которымъ раскладывается огонь, и собственно-жилая комната, или пологъ. Последний ни что иное, какъ большой мѣшокъ, сшитый изъ двойныхъ, тончайшихъ шкуръ молодыхъ оленей; онъ растягивается на тонкихъ шестахъ, въ видѣ большого чепра - угольного ящика, безъ всякаго отверстія для воздуха, или свѣта. Въ пологъ можно только сидѣть и двигаться на козняхъ. Входящій поднимаетъ одну изъ шкуръ, служащихъ стѣнами полога, но столько, чтобы съ трудомъ можно было проползти на четверенькахъ, а потомъ опускаетъ и затыкаетъ подъ мѣха, лежащіе на полу. Для освѣщенія и нагреванія полога стоитъ въ срединѣ довольно большой глиняный сосудъ, въ которомъ день и ночь горитъ мохъ въ китовомъ жиру. Этотъ огонь производитъ такой жаръ въ пологѣ, что Чукчи сидятъ въ немъ при сильнѣйшихъ морозахъ, совершенно нагѣе. Иногда подъ однимъ наметомъ находятся два, или три полога,

изъ которыхъ въ каждомъ живутъ отдѣльные семейства, или жены хозяина съ своими дѣтьми.

Леуть, одинъ изъ богатѣйшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ, пригласилъ меня къ себѣ, и я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь Чукчей, но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ выше-писаннымъ образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ Чукчей! Жена и семнадцати-лѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ, домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли, * и прибавивъ къ тому порядочную порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидѣть хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набивалъ

* Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые вароды, не употребляютъ и не любятъ соли.

себя ротъ мясомъ и китовымъ жиромъ, превознося ломанымъ Русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены готовить китовый жиръ, такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посвященіе, сивша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣтриваніе. Леутъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, и по его житію можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ Чукчей. Удивительно, какъ при такой неоприятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ сей остается сильнымъ и здоровымъ. Вообще Чукчи высокаго, стройнаго роста; окладомъ лица похожи на нагорныхъ Якутовъ (живущихъ въ окрестностяхъ Якутска), но отличаются языкомъ и одеждою. Произношеніе Чукотскаго языка чрезвычайно трудно для Европейца, потому, что слова состоятъ почти исключительно изъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Многіе звуки напоминаютъ гоготь гуся, хорканіе оленя и лай собаки.

Другой старшина, Макомокъ, пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ Чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. Нальду былъ очищенъ бѣгъ; почти всѣ посвятителѣ ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мехъ и два отличные клыка моржовые. По данному

знаку началась скачка, причѣмъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искусству управлять симъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

Послѣ того бѣжали въ запуски—въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому, что Чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость Чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое ободреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоявшее изъ вареной оленины, разрезанной на мѣлкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

На другой день большое общество Чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разно-

цветнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска Чукчей заключала въ себя много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и болѣе, закутанныхъ въ неуклюжія, широкія меховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Въмѣсто музыки, нѣсколько Чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимое народное *pas de trois*, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, непосвященные въ таинства Чукотскаго вкуса, видали только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостоверился однакожь, что онѣ дѣлали, дѣйствительно, не человѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совету моего толмача предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и Чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну.

На шестой день послѣ нашего пріѣзда ярмарка окончилась. Чукотскіе старшины пришли еще разъ со мной проститься, и потомъ въ шести карава-

нах потянулись въ свое отечество. Томе одѣжали и другіе посвѣтители ярмарки. Я поѣхалъ вместе съ Колымскими кунцами, Коммиссаромъ и священникомъ. Островное опустѣло. Свѣжій снѣгъ изгладилъ слѣды многочисленныхъ посвѣтителей. Тогдашнѣ явились станъ голодныхъ лисицъ и песцовъ, и въ короткое время уничтожили всѣ кости и остатки, вѣзавшіеся горами около жилищъ и становъ.

Марта 16-го. вызвали мы изъ Островнаго. Обратный путь, по хорошо уваженной дорогѣ, на отдохнувшихъ и откормленныхъ собакахъ, шелъ очень быстро, такъ, что 19-го Марта благополучно прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года. — Состояніе карты въ то время. — Назначеніе отряда къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири.	1
Глава II. Отъѣздъ экспедиціи изъ С. Петербурга. — Прибытіе въ Иркутскъ. — Плаваніе по рѣкѣ Лей, — Городъ Якутскъ.	148
Глава III. Путь отъ Якутска до Нижне-Колымска. — Вьючныя лошади. — Первый ночлегъ Якуты. Якутское селеніе Мюре. — Юрты, одежды, обычаи, пища Якутовъ. — Якутскія деревни. — Черта Якутскаго характера. — Рѣка Ададанъ, рѣка Тукуланъ. — Ночлегъ въ лѣсу. — Верхо-Янскій хребетъ. — Бродячіе Тунгусы. — Станки Бараласъ и Таболъ. — Городокъ Зашиверскъ. — Окрестные жители. — Рѣка Алазая. Станокъ Сардахъ. — Средне-Колымскъ. — Зимнее дорожное платье. — Рѣка Омолонъ. — Вѣда на собакахъ. — Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ.	174
Глава IV. Общія замѣчанія о низовой части Колымы и жителей ея. Рѣка Колыма. — Климатъ. — Жители. — Селенія. — Берега. — Одянія. — Образъ жизни. — Голодь. — Рыбные промыслы. — Береніе рыбы въ прокъ. Охота за оленями. — Пушные звѣри и ловля ихъ. — Собаки, необходимый рабочій скотъ.	221

Глава V. Нижне-Колымскъ. — Обзаведеніе наше. — Приготовление экспедиціи. — Основательное сомнѣніе объ открытіяхъ сержанта Андреева. — Прибытіе Англійскаго путешественника Кокрена. Вечерника. — Прибытіе штурмана Козьмина. — Певзакъ на субботахъ. — Необходимое отступленіе отъ первоначальнаго плана. — Извѣстіе о прибытіи Чукчей съ Малаго Анюя и отъѣздъ г. Матюшкина въ Островное. 269

Глава VI. Первое путешествіе на нартахъ по льду въ море. — Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска. — Сухарный островъ. — Барановъ Камень. — Ровный, низменный морской берегъ. — Большая Баранова рѣка. — Холодъ. — Первые слѣды Чукчей. — Метеоръ. — Пролѣтъ Собадей. — Песчаный мысъ. — Шелагскій мысъ. — Скала Козьмина. — Стадухинскій волокъ. — Мысъ Матюшкина. — Островъ Араутанъ. — Потеря съезжихъ припасовъ. — Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ. 290

Глава VII. Отъѣздъ г-на Матюшкина отъ пещеры въ мѣстечко. Острѣнее и тамошней ярмаркѣ. — Заключеніе о восточныхъ Чукчахъ и о Шанангахъ. 328

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
48	3	71° 31'	71° 33'
74	4	отъ 2-й до 7 мѣли	, на 2 итал. мѣли
116	9	нескоме	песstone
222	11	въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои зем- ли къ утесамъ	примыло къ горамъ земляную низмен- ность.
	22 }	Кондакова, имѣющаго всѣ	Кондакова пахо-
	23 }	свойства лавы, встрѣчаютъ	дятся въ аспидѣ
	24 }	ся известковые шары, ко- торые заключаютъ въ се- бѣ миндалеобразныя кри- сталлы халкедоновые и аметистовые.	известковые шары, заключающіе внут- ри кристаллы аме- тистовъ и халкедо- новъ, въ видѣ такъ называемыхъ ще- токъ.
224	49	ручейковъ	протоковъ
226	21	Сентября; тогда....	Сентября и продол- жается до Ноября; тогда.....
	22	обыкновенно	не рѣдко
229	въ вынос. } 2-я снизу }	связныхъ съѣстныхъ при- пасовъ	врачебныхъ пособій

Стр. Строк. Напечатано:

Читать:

230 1 равнинныхъ, столь силь-
нагоравнинныхъ, бываю-
щаго съ появленіемъ
солнца надъ горе-
звономъ, столь силь-
нымъ.въ выносѣхъ } Выводы его опытовъ помѣщены ниже—это совер-
послѣд. стр. } шенно *выпустить*, потому что они не помѣщены.

258 22 Юкатипра

Якута

266 12 въ Гермавіи

въ другихъ странахъ

267 6 въ котлѣ

въ черномъ чайникѣ

271 11 двѣ

четыре

272 10 на берегахъ

близъ береговъ

282 2 оленины

говядины

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY

*This book is due on the latest date
stamped below. Please return or renew
by this date.*

--	--